

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

И.А. Алебастрова, доктор юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой конституционного и международного права ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук
и права (Китай);

В.А. Гуреев, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой гражданского процесса и организации службы
судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Н.Г. Иванов, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

И.М. Колосова, кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой уголовно-процессуального права и криминалистики ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры гражданского и предпринимательского права ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Морозов, доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой информационного права, информатики и математики ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

В.В. Оксамытный, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
ИМПЭ им. А.С. Грибоедова (г. Москва);

Ю.А. Свиринов, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
гражданского процесса и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного и муниципального права
СГЮА (г. Саратов);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России)
Б.В. Яцеленко (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Центра научных исследований ВГУЮ (РПА Минюста России)
Е.В. Фоменко (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Т.А. Батрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридический наук, доцент (г. Москва);

А.В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Е.Г. Беликов, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Д.Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);

О.Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.С. Галиев, кандидат юридических наук, доцент (г. Барнаул);

А.В. Денисова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор (г. Москва);

К.Д. Крылов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);

А.Н. Лёвшин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии по
праву PhD, доцент (ассоциированный профессор) (г. Челябинск);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.Е. Чаннов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Чупрова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2021

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной
правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastrykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

I.A. Alebastrova, Doctor of Law, Head of the Department of Constitutional and International Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A. Gerloch, Professor at Charles University in Prague (Czech Republic);

L. Guoqiang, Professor at China University of Political Science and Law (China);

V.A. Gureev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

N.G. Ivanov, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (Moscow);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

L. Kazertano, Professor of Private Law at University INSUBRIA (Italy);

I.M. Kolosova, PhD in Law, Head of the Department of Criminal Procedural Law and Criminalistics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

E.B. Kozlova, Doctor of Law, of the Department of Civil and Business Law of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Morozov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics of All-Russian State University of Justice (Moscow);

V.V. Oksamytny, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboedov (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law of Saratov State Law Academy (Saratov);

Yu.A. Svirin, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of All-Russian State University of Justice (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University. (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Rector of All-Russian State University of Justice **O.I. Alexandrova** (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of All-Russian State University of Justice **B.V. Yatselenko** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, PhD in Law, Leading Researcher at the Center for Scientific Research of All-Russian State University of Justice **E.V. Fomenko** (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

T.A. Batrova, Doctor of Law (Moscow);

E.G. Belikov, Doctor of Law (Saratov);

A.V. Bezrukov, Doctor of Law (Krasnoyarsk);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

S.E. Channov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Chuprova, Doctor of Law, Professor (Moscow)

A.V. Denisova, Doctor of Law (Moscow);

R.S. Galiev, PhD in Law (Barnaul);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow);

K.D. Krylov, Doctor of Law (Moscow);

V.V. Kulygin, Doctor of Law, Professor (Khabarovsk);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Ryazan);

A.N. Lyovushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.V. Malevanova, PhD in Law (Moscow);

R.G. Nurmagametov, PhD in Law (Chelyabinsk);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repeyev, Doctor of Law (Moscow);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

D.Kh. Valeev, Doctor of Law, Professor (Kazan);

O.N. Volkova, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминология; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Трофимов Е. В., Батищева Н. А., Алексенко А. А.

Денунциация: юридический аспект
и основные проблемы 5

Заплатникова Ю. В.

Размышления о критериях наложения взысканий
государственным гражданским служащим
за коррупционные правонарушения..... 13

Иванова М. А.

Поправки-2020 как основа для усиления
экспансии государства над органами
местного самоуправления 20

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Липчанская М. А.

Проблемы определения ответственности
при использовании технологий
искусственного интеллекта 26

Батюкова В. Е.

Противодействие домашнему насилию
уголовно-правовыми средствами..... 32

Григорьева Т. А., Кружалова А. В., Щербакова Л. Г.

Веб-конференция в цивилистическом процессе
России: пробелы законодательства..... 39

Маторин М. А., Маторина Ю. Н., Фоменко Е. В.

Преступления террористического характера:
криминологический эскиз 47

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Козлова Е. Б., Черепанова Д. К.

Прощение долга как основание прекращения
обязательства: проблемы доктрины,
законодательства и правоприменительной
практики (часть II) 56

Лютаревич-Гефтер Ю. А.

Новые проблемы правового регулирования
дистанционной работы и пути их преодоления..... 66

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Кичигин С. В., Попова Д. Г.

О содержании понятия «разъездной
характер работы» 73

Фомичева Р. В., Щербакова Л. Г., Ткаченко Е. В.

Роль адвокатуры в системе институтов,
обеспечивающих доступность правосудия,
состязательность и процессуальное
равноправие в суде..... 85

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Кубрак В. С.

Правовое понимание искусственного
интеллекта и проблемы определения
единого понятия..... 92

Панина Т. П.

Право на участие в отправлении правосудия:
модели и реальность..... 97

Рудова О. С.

Снижение судом размера неустойки
как специальный механизм защиты
слабой стороны договора..... 104

Колесникова Н. С.

Актуальные проблемы судебно-экспертной
деятельности, влияющие на качество заключения
эксперта и достоверность криминалистически
значимой информации..... 110

Малыгин И. И.

О совершенствовании уголовного
законодательства об ответственности
за неправомерное воздействие на критическую
информационную инфраструктуру
российской федерации 118

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Фоменко Е. В.

Об итогах XVI Международной
научно-практической конференции
«Державинские чтения» 123

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY.
THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

**Egor V. Trofimov, Natalya A. Batishcheva,
Alexandra A. Aleksenko**

Legal Notion and Main Problems of Denunciation.....5

Yulia V. Zaplatnikova (Malevanova)

Reflections on the Criteria for Imposing Penalties
on State Civil Servants for Corruption Offenses..... 14

Marina A. Ivanova

Amendments-2020 as a Basis for Strengthening
the Expansion of the State over Local
Self-Government Bodies..... 21

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Maria A. Lipchanskaya

Problems of Determining Responsibility
When Using Artificial Intelligence Technologies 26

Vera E. Batyukova

Countering Domestic Violence by Criminal
Legal Means 32

**Tamara A. Grigirieva, Alena V. Kruzhalova,
Lilia G. Shcherbakova**

Web Conference in Civil Procedure of Russia:
Gaps in Legislation..... 39

**Mikhail A. Matorin, Yulia N. Matorina,
Elena V. Fomenko**

Crimes of a Terrorist Nature:
A Criminological Sketch..... 47

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Diana K. Cherepanova, Elena B. Kozlova

Debt Forgiveness as a Ground for Termination
of Obligation: Problems of Doctrine, Legislation
and Law Enforcement Practice (Part II)..... 57

Yulia A. Lyutarevich-Gefter

The New Problems of Legal Regulation
of Remote Work and the Ways
of Overcoming Them 66

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL
EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION.
RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Sergei V. Kichigin, Diana G. Popova

On the Content of the Concept
of "Traveling Nature of Work" 73

**Regina V. Fomicheva, Lilia G. Shcherbakova,
Ekaterina V. Tkachenko**

The Role of the Bar in the System of Institutions
That Ensure the Availability of Justice,
Competitiveness and Procedural Equality
in Court 85

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Veronika S. Kubrak

Legal Understanding of Artificial Intelligence
and the Problem of Defining a Single Concept..... 92

Tatiana P. Panina

The Right to Participate in the Administration
of Justice: Models and Reality..... 98

Olga S. Rudova

Reducing the Amount of the Penalty by the Court
as a Special Mechanism to Protect the Weak Side
of the Contract 104

Natalia S. Kolesnikova

Actual Issues of Forensic Activity Affecting
the Quality of the Expert's Opinion
and the Reliability of Criminalistic Significant
Information..... 110

Ivan I. Malygin

On Improving the Criminal Legislation
on Liability for Unlawful Impact on Critical
Infrastructure Russian Federation 118

REVIEWS, PERSONALITIES

Elena V. FOMENKO

On the Results of the XVI International Scientific
and Practical Conference "Derzhavin
Readings" 123

ДЕНУНЦИАЦИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-5-12>

Денунциация (доносительство) становится все более актуальным юридическим вопросом в связи с международным признанием необходимости защиты информаторов о коррупции и развитием соответствующего законодательства в зарубежных странах. Предметом настоящей статьи являются правовые аспекты денунциации, подвергнутой изучению в целях формирования правового взгляда на концепт денунциации и основные проблемы, препятствующие ее развитию как правовой институт. В основу методологического подхода был положен доктринальный анализ концепта денунциации и сравнительно-правовой подход к изучению данного явления на основе опыта ряда зарубежных стран. Новизной исследования является постановка вопроса о внутренней противоречивости денунциации как социального института, имеющего прикосновенность к праву, но дистанцированного от формально-юридического аспекта доносительства. Концептуальные проблемы денунциации раскрываются в статье в контексте трех основных направлений правового регулирования: защиты информатора, действий органов публичной власти в связи с денунциацией и вознаграждения информатора. В статье раскрыт информационный смысл денунциации, не являющейся по своему существу юридически значимым свидетельствованием о фактах правонарушений, а также выявлены причины фрагментарности правового регулирования денунциации, связанные с юридической неоднозначностью и противоречивостью заложенных в ней механизмов.

ТРОФИМОВ

Егор Викторович

доктор юридических наук,
доцент, заместитель директора
по научной работе Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)

diterihs@mail.ru

БАТИЩЕВА

Наталья Анатольевна

кандидат исторических наук,
научный сотрудник Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)

nbatisheva@yandex.ru

АЛЕКСЕНКО

Александра Александровна

младший научный сотрудник
Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
(г. Санкт-Петербург)

aleksenkoaleksandra@gmail.com

**Денунциация;
доносительство;
информатор;
противодействие коррупции**

Egor V. TROFIMOV

Doctor of Legal Sciences, Deputy
Director for Research, St. Petersburg
Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)

diterihs@mail.ru

LEGAL NOTION AND MAIN PROBLEMS OF DENUNCIATION

Denunciation (whistle-blowing) is becoming an increasingly urgent legal issue in connection with the international recognition of the need to protect anti-corruption whistleblowers and the development of relevant legislation in foreign countries. The subject of this article is the legal aspects of denunciation,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 19-011-00729.

Natalya A. BATISHCHEVA

Candidate of Historical Sciences,
Researcher, St. Petersburg Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)
nbatisheva@yandex.ru

Alexandra A. ALEKSENKO

Junior Researcher, St. Petersburg
Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice (St. Petersburg)
aleksenkoaleksandra@gmail.com

which have been studied for development the legal view of denunciation and its main problems that hinder it to become a legal institution. The methodological approach was based on the doctrinal analysis of the concept of denunciation and a comparative legal approach to the study of this phenomenon. The novelty of the research is the posing of the question of the internal inconsistency of denunciation as a social institution that has connections with law, but is distanced from formalism. In the article conceptual problems of denunciation are disclosed in the context of three main areas of legal regulation: protection of whistleblowers, actions of public authorities because of denunciations and remuneration of whistleblowers. The article reveals the informational meaning of denunciation, which is not in its essence legally significant evidence of the facts of offenses, and also reveals the reasons for the fragmentation of the legal regulation of denunciation associated with the legal ambiguity and inconsistency of the mechanisms laid down in it.

**Denunciation;
disclosure;
whistleblower;
anti-corruption**

В 2010 г. на пятом саммите в Сеуле страны G20 приняли на себя обязательство к концу 2012 г. принять и реализовывать правила по защите лиц, добросовестно сообщающих о предполагаемых актах коррупции, в целях их защиты от дискриминации и репрессивных мер [1]. В России в 2013 г. Указом Президента РФ были введены нормы, допускавшие привлечение к дисциплинарной ответственности служащих государственных органов и ряда государственных организаций, сообщивших о фактах коррупции, за проступки, совершенные в течение одного года со дня такого сообщения, только с согласия комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов и при уведомлении прокурора, а также обязавшие участников государственной системы бесплатной юридической помощи оказывать бесплатную юридическую помощь гражданам в подготовке сообщений о фактах коррупции, а также в случаях нарушения законных прав и интересов граждан в связи с такими сообщениями [2]. После этого, несмотря на наличие нескольких законопроектов, регулирование вопросов денунциации в России приостановилось.

Денунциация (доносительство) – явление не новое, однако в русскоязычной литературе все еще не удалось подобрать такой термин, который адекватно передавал бы смысловую нагрузку этого понятия. Это справедливо и для обозначения доносчиков как лиц, не просто информирующих о фактах коррупции, но с подчеркиванием факта защиты этими лицами общественных интересов [3, с. 126].

Институт денунциации неплохо исследован в исторической ретроспективе [4, с. 9–14; 5; 6, с. 123–127],

в социально-психологическом [7, с. 63–79], социолингвистическом [8, с. 1163–1175; 9, с. 483–492], этическом [10, с. 58–64; 11, с. 6–20] и психологическом аспектах [12, с. 1018–1027]. Ряд работ посвящен правовым аспектам положения и деятельности информатора [13, с. 79–85; 14, с. 5–13; 15, с. 85–88], а также недоносительству [16, с. 156–159; 17, с. 163–171; 18; 19, с. 126–128].

В данной работе мы будем оперировать термином «денунциация» в отношении общественно полезного доноса, а также термином «информатор», считая его синонимом терминов «заявитель», «доносчик», «осведомитель» и наделяя его отличительным признаком предоставления информации о правонарушениях (прежде всего коррупционных) в адрес компетентных органов. Совокупность правовых средств поддержки, защиты и стимулирования информаторов, функционирования каналов предоставления информации также обобщенно в настоящей работе обозначается как «институт денунциации». Некая вольность обращения с терминологией оправдывается целью определить содержание и основные проблемы денунциации, а также тем, что как оформленный правовой институт денунциация в нашей стране неизвестна [20, с. 700].

Источником термина «денунциация» являются латинский язык и римское право (лат. *denunciatio*), и этот термин обычно переводится на русский язык как «уведомление» или «извещение». Термин использовался и в обиходе, и в римском праве в качестве обозначения некоего сообщения частного лица, которое являлось не юридическим действием, а чем-то, что его предвещает: например, уведомление о подаче

гражданского иска, извещение о необходимости явки в суд, а в публичном суде – сообщение о преступлении без надлежащего обвинительного заявления. В этом смысле денунциация ближе к современному термину «информатор», которым мы и пользуемся в настоящей работе.

Под денунциацией целесообразно понимать акт информирования физическим лицом (информатором) компетентных органов и должностных лиц о совершении противоправного или недобросовестного деяния, носящий только информационный, а не юридический характер. Смысл денунциации в том, чтобы раскрыть в адрес компетентного субъекта неизвестную ему информацию относительно недопустимых фактов. Денунциация, не являясь свидетельствованием, запускает механизмы сбора и проверки сведений, которые в дальнейшем в качестве доказательств могут быть положены в основу дел о привлечении виновных к ответственности.

В определенной мере информатор остается за рамками правового регулирования. Его участие в юридических процедурах может вообще исключаться, поскольку денунциация дает прежде всего информационный, а не формально-юридический повод для охранительной активности органов публичной власти. В этом коренится основополагающая проблема правового регулирования института денунциации, поскольку сложно выразить формально-юридически и урегулировать процедурно те явления и процессы, которых в юридическом отношении не вполне состоятельны, а касаются больше информационно-управленческой ситуации. Например, в том же римском праве помимо денунциации существовал институт «делаториев» (лат. *delatores*), и этот термин переводят на русский язык как «информаторы»; делатории в качестве заявителей выступали с обвинением, возбуждая уголовное преследование.

Эта специфика денунциации как социально-правового института (конечно, наряду с социально-психологическими и этическими сложностями) является существенным сдерживающим фактором в развитии правового регулирования денунциации. Не случайно, что опыт правового регулирования денунциации не отличается полнотой и системностью, а фрагментирован на несколько довольно известных проблем, которые в последние десятилетия приобрели особую остроту в связи с развитием международных и национальных средств противодействия коррупции. К таким важнейшим вопросам, в отношении которых предпринимаются попытки правового урегулирования, относятся:

- 1) защита информатора;
- 2) действия органов публичной власти в связи с денунциацией;
- 3) вознаграждение информатора.

Защита информатора принципиально основывается на положениях Конвенции ООН против коррупции 2003 г. [21]. Статья 13 «Участие общества» данной Конвенции предусматривает обязательство государств-участников принимать меры для уважения, поощрения и защиты свободы поиска, получения, опубликования и распространения информации о коррупции, оговаривая, что при этом законом могут устанавливаться определенные ограничения этой свободы, необходимые для уважения прав или репутации других лиц, защиты национальной безопасности, или публичного порядка, или охраны здоровья или нравственности населения. Согласно ст. 33 «Защита лиц, сообщающих информацию» упомянутой Конвенции каждое государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, от любого несправедливого обращения. Однако никаких конкретных защитных мер Конвенция не предусматривает.

Наиболее распространенная мера защиты – это конфиденциальность; она предусмотрена, например, ст. 16 Директивы (ЕС) 2019/1937 Европейского парламента и Совета ЕС от 23 октября 2019 г. «О защите лиц, сообщающих о нарушениях законодательства Союза» [22] и Законом США о реформе гражданской службы 1978 г. [23] Но в данном пункте, который действительно является самым надежным средством защиты, содержится внутреннее противоречие. Наиболее разумным вариантом сохранения конфиденциальности является, безусловно, анонимная денунциация. Однако она таковой быть не может, поскольку информатор должен быть добросовестным и осведомленным лицом, а значит, лицом, ответственно сообщаящим информацию; а компетентные органы должны оценить эту информацию, в том числе с точки зрения ее источника, чтобы исключить безответственный поклеп. Известность личности информатора компетентным органам чревата конфликтом между «слабым» законодательством о денунциации и «сильным» уголовно-процессуальным законодательством, которое может вынудить лицо стать из информатора свидетелем. Типичным правовым регулированием такой ситуации является умолчание о ней, что автоматически делает возможным полноценное вовлечение информатора в расследование в качестве свидетеля с применением уже весьма специфических механизмов защиты свидетелей, потенциально угрожающих для информатора изменением всего образа жизни. В частности, названная Директива (ЕС) 2019/1937 устанавливает, что раскрытие личности информатора должно быть воз-

возможным только в том случае, если это является необходимым и соразмерным обязательством в соответствии с законодательством Союза или национальным законодательством в контексте расследований, проводимых властями или судебных разбирательств, в частности, для обеспечения прав на защиту заинтересованных лиц. Формулировка сложная, но вывод из нее один: поскольку в уголовном процессе не сделано изъятий для информаторов, их личность может быть раскрыта, причем (об этом прямо упоминает названная директива) и для обеспечения предполагаемому нарушителю права на защиту. Кстати, ст. 19 названной Директивы подробно описывает множество мер возмездия, от которых следует защищать информатора, однако не устанавливает, какими мерами это следует делать. Отсутствует определенность на этот счет и в Рекомендациях CM/Rec(2014)7 Комитета министров от 30 апреля 2014 г. [24].

Решение, к которому иногда прибегают в национальном правовом порядке, чтобы снять это противоречие, – отказ от регулирования конфиденциальности денунциации. Такой подход реализован, в частности, в Законе США о защите информаторов 1989 г. [25] и британском Акте о раскрытии информации в публичных интересах 1998 г. [26]. Однако в Палате общин уже прошел второе чтение билль, который вводит гарантию анонимности для информаторов [27].

Другое решение – введение, напротив, анонимности, как это сделано, например, в Бразилии [28] и Албании [29]. Это законодательное решение, которого сознательно избегают во многих странах, создает обстановку безответственности в отношении раскрытия информации о нарушениях, что в принципе не согласуется с Конвенцией ООН против коррупции. Кроме того, при таком регулировании утрачивается сама фигура информатора, так что вести речь о денунциации в таком случае вряд ли вообще возможно.

Касательно обязательств компетентных органов, к которым обращены сообщения информатора, ст. 13 Конвенции ООН против коррупции устанавливает правило, согласно которому каждое государство-участник обеспечивает населению доступ к органам по противодействию коррупции для представления им сообщений, в том числе анонимно, о любых случаях, которые могут рассматриваться в качестве представляющих собой какое-либо из преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией. В этой статье ведется речь не только о денунциации, поэтому ее применение к информаторам остается на усмотрение государств-участников, и правовое регулирование действий органов публичной

власти в связи с денунциацией заведомо оказывается противоречивым. В отсутствие обычного сообщения о преступлении компетентные органы вынуждены проводить расследование по фактам, раскрытым информатором, во внепроцессуальном порядке, избегая при этом раскрытия личности информатора. Суть данной проблемы можно продемонстрировать на примере той же Директивы (ЕС) 2019/1937. Ее ст. 7 требует, чтобы до денунциации информаторы сделали внутренний, внешний или публичный отчет по поводу сообщаемых нарушений. После этого подробно прописанные в ст. 11 Директивы меры по сохранению конфиденциальности в процессе взаимодействия с информатором утрачивают смысл, поскольку в процессе проверки информации нарушитель, как правило, узнает о проводимом расследовании и, зная вышеуказанное правило, легко идентифицирует информатора как автора ранее подготовленного отчета, касающегося этих нарушений.

Понимая неоднозначность правовой ситуации, в которой оказывается информатор, в ряде государств приняты меры к вознаграждению информаторов – очевидно, с целью стимулировать денунциацию. Первым подобным законодательным актом считается Закон США о фальсификации правоприязнаний 1863 г. [30], который реализовал доктрину *qui tam*. На сегодняшний день выплата вознаграждений введена во многих странах, например в Южной Корее [31], Украине [32] и Казахстане [33]. Вместе с тем такое решение имеет ряд очевидных недостатков: 1) только незначительная часть информаторов получает компенсацию; 2) нет эмпирических данных, свидетельствующих об увеличении числа и качества раскрытия информации, полученной от информаторов; 3) введение стимулов сопровождается введением сложной и дорогостоящей процедуры [34, с. 3–6]. Кроме того, считается, что подобные решения провоцируют недобросовестные практики со стороны самих информаторов [35, р. 1261–1282]. И, конечно, возможность получения вознаграждения ставит под вопрос как добросовестность информатора, так и его личную незаинтересованность (действие в общественных интересах).

Комплекс названных, а также сопутствующих им проблем является серьезным препятствием для надлежащего урегулирования денунциации. Для оценки перспективности данного института в России необходимо не только учесть отечественного опыта в этой области, но и сравнительно-правовые исследования, касающиеся зарубежных регулятивных практик. Без этого нарождающееся правовое регулирование денунциации не станет эффективным.

Пристатейный библиографический список

1. Антикоррупционный план действий «Группы двадцати»: приложение III к Декларации саммита «Группы двадцати» (12 ноября 2010 г.) // Президент России : сайт. URL: <http://kremlin.ru/supplement/771> (дата обращения: 16.06.2021).
2. Указ Президента РФ от 2 апреля 2013 г. № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции»» // СЗ РФ. 2013. № 14. Ст. 1670.
3. *Шевердяев С. Н.* Концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1.
4. *Булдыгерова Л. Н., Даруда М. Ю.* Правовое регулирование доноса в России (XIV–XIX вв.) // Инновационное развитие современной юридической науки : материалы III всероссийского научно-практического конкурса молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященного памяти проф. А. П. Лончакова. Хабаровск : ТОГУ, 2019.
5. *Игнатов В. Д.* Доносчики в истории России и СССР. М. : Вече, 2014.
6. *Чекурда Е. А.* Зарождение и развитие института профессиональных обвинителей в Древнем Риме на рубеже II–I вв. до н.э. // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2012. № 11.
7. *Нехамкин В. А.* Донос как социально-экономический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // Историческая психология и социология истории. 2014. Т. 7. № 2.
8. *Владимирова Л. В., Бузанова Т. В.* Конкуренция лексем стукач и доносчик в русском языке // Ученые записки казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2018. Т. 160. № 5.
9. *Шапир М. И.* Донос : социолингвистический аспект : Игра словами как средство языковой политики // Логический анализ языка : Концептуальные поля игры / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2006.
10. *Зимбули А. Е.* Сплетня и донос: этический анализ // Символ науки. 2015. № 7.
11. *Макаренко В. А.* Феномен доноса в контексте государственного цинизма // Политическая концептология. 2014. № 4.
12. *Смирнов А. В., Духновский С. В., Гвардыченко В. В.* Психологический симптомокомплекс личности информатора // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4.
13. *Михневич А. В., Малышев Н. Д.* Информатор : Иуда настоящего времени или спаситель человечества? // Успехи современной науки. 2017. Т. 6. № 1.
14. *Сабитов Р. А.* Правовое стимулирование сообщений о коррупции // Виктимология. 2017. № 4.
15. *Сухов Э. В.* Неопределенность правового положения «информаторов» за вознаграждение в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4.
16. *Амельчаков О. И.* Несообщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве // Социально-политические науки. 2017. № 5.
17. *Клименко Ю. А.* Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ) : юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9.
18. *Крутикина Ю. А.* Уголовная ответственность за несообщение о преступлении : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
19. *Петрикова С. В.* Уголовная ответственность за несообщение о преступлении // Социально-политические науки. 2017. № 1.
20. *Волосова Н. Ю., Журкина О. В.* К вопросу о программе защиты разоблачителей (информаторов) по делам коррупционной направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 5.
21. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10.
22. Directive (EU) 2019/1937 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2019 on the Protection of Persons Who Report Breaches of Union Law // EUR-Lex : сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj> (дата обращения: 16.06.2021).
23. An Act to Reform the Civil Service Laws: Public Law 95-454 [S. 2640], 13 October 1978 (Civil Service Reform Act of 1978) // 92 Stat. 1111.
24. Recommendation CM/Rec(2014)7 of the Committee of Ministers to Member States on the Protection of Whistleblowers: adopted by the Committee of Ministers on 30 April 2014, at the 1198th meeting of the Ministers' Deputies // Council of Europe : сайт. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805c5ea5 (дата обращения: 16.06.2021).
25. An Act to Amend Title 5, United States Code, to Strengthen the Protections Available to Federal Employees Against Prohibited Personnel Practices, and for Other Purposes: Public Law 101-12, 10 April 1989 [S. 20] (Whistleblower Protection Act of 1989) // 103 Stat. 16.

26. An Act to Protect Individuals Who Make Certain Disclosures of Information in the Public Interest; to Allow Such Individuals to Bring Action in Respect of Victimisation; and for Connected Purposes: UK Public General Act 1998 c. 23 [2 July 1998] (Public Interest Disclosure Act 1998) // Legislation.gov.uk : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/23> (дата обращения: 16.06.2021).

27. A Bill to Provide Protections for Whistleblowers; to Create Offences Relating to the Treatment of Whistleblowers and the Handling of Whistleblowing Cases; to Establish an Independent Body to Protect Whistleblowers and Whistleblowing, in Accordance with the Public Interest; to Make Provision for That Body to Set, Monitor and Enforce Standards for the Management of Whistleblowing Cases, to Provide Disclosure and Advice Services, to Direct Whistleblowing Investigations and to Order Redress of Detriment Suffered by Whistleblowers; to Repeal the Public Interest Disclosure Act 1998; and for Connected Purposes: Bill 0021 2019-21 (as introduced) 15 July 2020 (Public Interest Disclosure (Protection) Bill) // UK Parliament : сайт. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/58-01/0021/200021.pdf> (дата обращения: 16.06.2021).

28. Ley No. 13964, de 10 de Dezembro de 2019, Aperfeiçoar a legislação penal e processual penal // Planalto : сайт. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2019-2022/2019/Lei/L13964.htm (дата обращения: 16.06.2021).

29. Ligj Nr. 60/2016 datë 2.6.2016 "Për sinjalizimin dhe mbrojtjen e sinjalizuesve" // Fletorja Zyrtare e Republikës së Shqipërisë. 2016. Nr. 115.

30. False Claims Act on 2 March 1863 // 12 Stat. 696.

31. Закон Республики Корея от 29 февраля 2008 г. № 8878 «О предотвращении коррупции, учреждении управления комиссии по борьбе с коррупцией и гражданским правам и управлению ею» // Anti-Corruption and Civil Rights Commission : сайт. URL: <http://www.acrc.go.kr/en/data/1.0.ACRC%20Act.pdf> (дата обращения: 16.06.2021).

32. Закон України від 17.10.2019 № 198-IX «Про внесення змін до Закону України «Про запобігання корупції» щодо викривачів корупції» // Відомості Верховної Ради України. 2019. № 50. Ст. 356.

33. Постановление Правительства Республики Казахстан от 4 февраля 2020 г. № 32 «О внесении изменения в постановление Правительства Республики Казахстан от 30 декабря 2015 г. № 1131 «Об утверждении Правил поощрения лиц, сообщивших о факте коррупционного правонарушения или иным образом оказывающих содействие в противодействии коррупции»» // Главные новости Казахстана : сайт. URL: <https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo-respubliki-kazahstan-premer-ministr-rk/natsionalnaya-bezopasnost/id-P2000000032/> (дата обращения: 16.06.2021).

34. Сидоренко Э. Л. Информирование о фактах коррупции : правовые стимулы и гарантии защиты (зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 5.

35. Helmer J. B., Jr. False Claims Act: Incentivizing Integrity for 150 Years for Rogues, Privateers, Parasites and Patriots // University of Cincinnati Law Review. 2013. Vol. 81 (4).

References

1. G20 Anti-Corruption Action Plan: Appendix III to the G20 Summit Declaration, 12 November 2010. URL: <http://kremlin.ru/supplement/771> (date of application: 16.06.2021).

2. Decree of the President of the Russian Federation of 2 April 2013 No. 309 "On Measures to Implement Certain Provisions of the Federal Law 'On Combating Corruption'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 14. Art. 1670.

3. Sheverdiaev S. N. Conceptual Gaps in the System of Russian Anti-Corruption Legislation. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2020. No. 1.

4. Buldygerova L. N., Daruda M. Iu. Legal Regulation of Denunciation in Russia (14th–19th Centuries). In *Innovative Development of Modern Legal Science: Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Competition of Young Scientists, Graduate Students and Students, Dedicated to the Memory of Professor A. P. Lonchakov*. Khabarovsk: Pacific State University Publ., 2019.

5. Ignatov V. D. Scammers in the History of Russia and the USSR. Moscow: Veche, 2014.

6. Chekurda E. A. The Origin and Development of the Institution of Professional Prosecutors in Ancient Rome at the Turn of the 2nd – 1st Centuries BC. *Bulletin of the Samara State University of Economics*. 2012. No. 11.

7. Nekhamkin V. A. Denunciation as a Socio-Economic Phenomenon (from the Domestic Experience of the 1930s). *Historical Psychology and Sociology of History*. 2014. Vol. 7. No. 2.

8. Vladimirova L. V., Buzanova T. V. Competition of Lexemes Informer and Informer in Russian. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2018. Vol. 160. No. 5.

9. Shapir M. I. Denunciation: The Sociolinguistic Aspect: Playing with Words as a Means of Language Policy. In *Arutiunov N.D. (ed.). Logical Analysis of Language: Conceptual Fields of the Game*. Moscow: Indrik, 2006.

10. Zimbuli A. E. Gossip and Denunciation: Ethical Analysis. *Symbol of Science*. 2015. No. 7.
11. Makarenko V. A. The Phenomenon of Denunciation in the Context of State Cynicism. *Political Conceptology*. 2014. No. 4.
12. Smirnov A. V., Dukhnovskii S. V., Gvardychenko V. V. Psychological Symptom Complex of the Informant's Personality. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2020. Vol. 22. No. 4.
13. Mikhnevich A. V., Malyshev N. D. Informant: Judas of the Present or the Savior of Mankind? *Advances in Modern Science*. 2017. Vol. 6. No. 1.
14. Sabitov R. A. Legal Stimulation of Messages About Corruption. *Victimology*. 2017. No. 4.
15. Sukhov E. V. Uncertainty of the Legal Status of "Informants" for Remuneration in the Russian Federation. *Gaps in Russian Legislation*. 2018. No. 4.
16. Amelchakov O. I. Failure to Report a Crime in Domestic Criminal Law. *Socio-Political Science*. 2017. No. 5.
17. Klimentko Iu. A. Failure to Report a Crime (Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation): Legal Nature, Correlation with Concealment and Complicity in Terrorism. *Actual Problems of Russian Law*. 2017. No. 9.
18. Krutikina Iu. A. Criminal Liability for Failure to Report a Crime: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2020.
19. Petrikova S. V. Criminal Liability for Failure to Report a Crime. *Socio-Political Science*. 2017. No. 1.
20. Volosova N. Iu., Zhurkina O. V. On the Program for the Protection of Whistleblowers (Informants) in Cases of Corruption. *All-Russian Criminological Journal*. 2018. Vol. 12. No. 5.
21. United Nations Convention against Corruption: adopted by the UN General Assembly resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session, 31 October 2003, New York. *Bulletin of International Treaties*. 2006. No. 10.
22. Directive (EU) 2019/1937 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2019 on the Protection of Persons Who Report Breaches of Union Law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj> (date of application: 16.06.2021).
23. An Act to Reform the Civil Service Laws: Public Law 95-454 [S. 2640], 13 October 1978 (Civil Service Reform Act of 1978). 92 *Stat.* 1111.
24. Recommendation CM/Rec(2014)7 of the Committee of Ministers to Member States on the Protection of Whistleblowers: adopted by the Committee of Ministers on 30 April 2014, at the 1198th meeting of the Ministers' Deputies. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805c5ea5 (date of application: 16.06.2021).
25. An Act to Amend Title 5, United States Code, to Strengthen the Protections Available to Federal Employees Against Prohibited Personnel Practices, and for Other Purposes: Public Law 101-12, 10 April 1989 [S. 20] (Whistleblower Protection Act of 1989). 103 *Stat.* 16.
26. An Act to Protect Individuals Who Make Certain Disclosures of Information in the Public Interest; to Allow Such Individuals to Bring Action in Respect of Victimisation; and for Connected Purposes: UK Public General Act 1998 c. 23 [2 July 1998] (Public Interest Disclosure Act 1998). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/23> (date of application: 16.06.2021).
27. A Bill to Provide Protections for Whistleblowers; to Create Offences Relating to the Treatment of Whistleblowers and the Handling of Whistleblowing Cases; to Establish an Independent Body to Protect Whistleblowers and Whistleblowing, in Accordance with the Public Interest; to Make Provision for That Body to Set, Monitor and Enforce Standards for the Management of Whistleblowing Cases, to Provide Disclosure and Advice Services, to Direct Whistleblowing Investigations and to Order Redress of Detriment Suffered by Whistleblowers; to Repeal the Public Interest Disclosure Act 1998; and for Connected Purposes: Bill 0021 2019-21 (as introduced) 15 July 2020 (Public Interest Disclosure (Protection) Bill). URL: <https://publications.parliament.uk/pa/bills/cbill/58-01/0021/200021.pdf> (date of application: 16.06.2021).
28. Law No. 13964 of 10 December 2019 "Improves Criminal Law and Criminal Procedure". URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_Ato2019-2022/2019/Lei/L13964.htm (date of application: 16.06.2021).
29. Law No. 60/2016 of 2 June 2016 "On Signaling and Protection of Signalers". *Official Gazette of the Republic of Albania*. 23 June 2016. No. 115.
30. False Claims Act on 2 March 1863. 12 *Stat.* 696.
31. Law of the Republic of Korea of 29 February 2008 No. 8878 "On the Prevention of Corruption and the Establishment and Management of the Anti-Corruption and Civil Rights Commission". URL: <http://www.acrc.go.kr/en/data/1.0.ACRC%20Act.pdf> (date of application: 16.06.2021).
32. Law of Ukraine of 17 October 2019 No. 198-IX "On Amendments to the Law of Ukraine 'On Prevention of Corruption' Concerning Detectors of Corruption". *Bulletin of the Verkhovna Rada of Ukraine*. 2019. No. 50. Art. 356.
33. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan of 4 February 2020 No. 32 "On Amending the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan of 30 December 2015 No. 1131 'On Approval of the Rules

for Encouraging Persons Who Reported the Fact of a Corruption Offense or Otherwise Assisting in Combating Corruption". URL: <https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo-respubliki-kazahstan-premer-ministr-rk/natsionalnaya-bezopasnost/id-P2000000032/> (date of application: 16.06.2021).

34. *Sidorenko E. L.* Informing About the Facts of Corruption: Legal Incentives and Guarantees of Protection (Foreign Experience). *International Criminal Law and International Justice*. 2015. No. 5.

35. *Helmer J. B., Jr.* False Claims Act: Incentivizing Integrity for 150 Years for Rogues, Privateers, Parasites and Patriots. *University of Cincinnati Law Review*. 2013. Vol. 81 (4).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КРИТЕРИЯХ НАЛОЖЕНИЯ ВЗЫСКАНИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ГРАЖДАНСКИМ СЛУЖАЩИМ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-13-19>

Настоящая статья посвящена актуальной теме – определению критериев наложения взысканий государственным гражданским служащим за коррупционные правонарушения. Дисциплинарная ответственность как вид юридической ответственности превалирует в системе государственного управления и занимает важное место на государственной гражданской службе. В 2011 г. в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» появился термин «коррупционное правонарушение», были установлены взыскания за нарушение антикоррупционных требований к служебному поведению. Однако само понятие «коррупционное правонарушение» не имеет законодательного закрепления. Также в законодательстве не содержится классификации самих коррупционных правонарушений и дифференциации взысканий за их совершение. В связи с этим у правоприменителя возникают сложности при назначении меры ответственности за совершение коррупционного проступка, особенно это касается увольнения в связи с утратой доверия. Ситуация еще больше усложнилась, когда в законодательстве появилось положение о том, что коррупционное правонарушение может быть малозначительным с установлением конкретного взыскания в виде замечания. Поэтому механизм привлечения к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения должен быть максимально определен в законодательстве с учетом разработки критериев привлечения к определенному виду взыскания, а также обстоятельств совершения коррупционного проступка. Данные обстоятельства объективно обусловили выбор темы статьи, объекта и предмета исследования. Цель работы – на основе анализа законодательства и практики его применения сформулировать общие подходы к определению критериев наложения взысканий государственным гражданским служащим за коррупционные правонарушения. Для достижения заявленной цели исследования автор использовал формально-юридический метод научного исследования, а также метод системного анализа. К новым полученным результатам относится выделение общих подходов к определению критериев наложения взысканий государственным гражданским служащим за малозначительные коррупционные проступки и за правонарушения, влекущие увольнение в связи с утратой доверия. Результаты исследования могут использоваться для совершенствования законодательства о противодействии коррупции.

**ЗАПЛАТНИКОВА
Юлия Викторовна**

кандидат юридических наук,
доцент, доцент департамента
публичного права факультета
права Национального
исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(г. Москва)

**Государственные гражданские
служащие;
дисциплинарная
ответственность
за коррупционные
правонарушения;
критерии;
утрата доверия;
малозначительность;
взыскание**

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках реализации научного проекта № 19-011-00729А «Развитие антикоррупционного законодательства в сфере государственного управления».

**Yulia V. ZAPLATNIKOVA
(MALEVANOVA)**

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Public Law, National Research
University "Higher School of
Economics" (Moscow)

**State civil servants;
disciplinary responsibility
for corruption offenses;
criteria;
loss of trust;
insignificance;
penalties**

REFLECTIONS ON THE CRITERIA FOR IMPOSING PENALTIES ON STATE CIVIL SERVANTS FOR CORRUPTION OFFENSES

This article is devoted to an urgent topic—the definition of the criteria for imposing penalties on state civil servants for corruption offenses. Disciplinary responsibility, as a type of legal responsibility, prevails in the system of public administration and occupies an important place in the state civil service. In 2011, Federal Law "On the State Civil Service of the Russian Federation" introduced the term "corruption offense"; penalties were established for violating anti-corruption requirements for official behavior. However, the very concept of "corruption offense" has no legislative consolidation. Also, the legislation does not contain a classification of corruption offenses themselves and differentiation of penalties for their commission. In this regard, the law enforcement officer has difficulties in assigning a measure of responsibility for committing a corruption offense, especially, this concerns dismissal due to loss of trust. The situation became even more complicated when a provision appeared in the legislation that a corruption offense can be insignificant with the establishment of a specific penalty in the form of a remark. Therefore, the mechanism of bringing to disciplinary responsibility for corruption offenses should be maximally defined in the legislation, taking into account the development of criteria for bringing to a certain type of penalty, as well as the circumstances of committing a corruption offense. These circumstances objectively determined the choice of the topic of the article, the object and subject of the study. The purpose of the work is to formulate general approaches to determining the criteria for imposing penalties on state civil servants for corruption offenses based on the analysis of legislation and the practice of its application. To achieve the stated goal of the study, the author used the formal legal method of scientific research, as well as the method of system analysis. The new results obtained include the identification of common approaches to determining the criteria for imposing penalties on public civil servants for minor corruption offenses and for offenses that entail dismissal due to loss of trust. The results of the study can be used to improve the legislation on combating corruption.

Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих (далее также – гражданских служащих) занимает центральное место в обеспечении законности в системе государственного управления. Установление в 2011 г. [1] именно дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения еще раз подтвердило ее доминирование на государственной гражданской службе (далее также – гражданской службе). Тогда в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2] (далее – Закон о гражданской службе) были предусмотрены взыскания за нарушение антикоррупционных требований к служебному поведению, сформулирован перечень коррупционных правонарушений, которые являются основанием для увольнения служащего в связи с утратой доверия (ст. 59.1, 59.2 и 59.3).

Однако новые положения в Законе о гражданской службе вызвали ряд вопросов. Рассмотрим некоторые из них. Основываясь на логике законодателя и позиции Верховного Суда РФ [3], можно утверждать, что коррупционное правонарушения представляет собой разновидность дисциплинарного проступка, которая выражается в несоблюдении государственным гражданским служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов, и неисполнении обязанностей, установленных законодательством в целях противодействия коррупции. Разделение данной точки зрения можно найти и в юридической литературе [см., напр.: 4, с. 36–40; 5, с. 1–10; 6, с. 44].

В то же время в Законе о гражданской службе нет классификации ограничений и запретов, за несоблюдение и нарушение которых, будет устанавливаться дисциплинарная ответственность как за коррупцион-

ные правонарушения, и применяться особый порядок привлечения к ней. В отличие от обычного порядка привлечения к дисциплинарной ответственности «проверка является одной из обязательных стадий дисциплинарного производства при установлении обстоятельств совершения дисциплинарных коррупционных проступков» [см.: 7, с. 87]. Существенные различия можно отметить среди субъектов, проводящих данную проверку, а также в установлении принципиально иных сроков применения взысканий за дисциплинарные коррупционные проступки.

По мнению М. Б. Добробабы, «существование в рамках одного законодательного акта двух самостоятельных видов дисциплинарных производств, связанных с применением дисциплинарных взысканий за совершение обычных дисциплинарных проступков и за совершение дисциплинарных коррупционных правонарушений, видится нам нецелесообразным, усложняющим процесс правоприменения...» [7, с. 88].

Научный и практический интерес представляет классификация дисциплинарных проступков в целом и коррупционных правонарушений на гражданской службе в частности. В литературе встречаются различные мнения на классификацию дисциплинарных проступков [8, с. 48–50]. Можно выделить следующую наиболее распространенную классификацию в зависимости от степени тяжести на незначительные (малозначительные), значительные и серьезные (грубые) [см.: 9, с. 13; 8, с. 48–50; 4, с. 36–40].

Как справедливо отмечает М. Б. Добробаба, «важность установления законодательной классификации служебно-дисциплинарных деликтов обусловлена необходимостью установления связи между основаниями дисциплинарной ответственности (отнесением дисциплинарного проступка к той или иной категории), налагаемыми за их совершение дисциплинарными взысканиями и порядком их назначения» [8, с. 50].

Однако в законодательстве данный вопрос до сих пор не урегулирован. Справедливости ради необходимо отметить некоторые попытки законодателя разрешить рассматриваемую проблему в части коррупционных правонарушений на гражданской службе. Так, в 2014 г. в Законе о гражданской службе появилось упоминание о малозначительных коррупционных правонарушениях с установлением ответственности за их совершение [10]. При этом в Законе о гражданской службе нет определения понятия «малозначительности» и критериев ее оценки. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [11] (далее – Закон о противодействии коррупции) не упоминает о том, что коррупционный проступок может быть малозначительным. Такое положение дел еще больше затрудняет процесс правоприменения.

Интересно мнение, что к малозначительным коррупционным правонарушениям можно отнести проступки, за которые в законодательстве установлена ответственность в виде увольнения в связи с утратой доверия (ст. 59.2 Закона о гражданской службе) [12, с. 2197–2203].

Согласно внесенным в Закон о гражданской службе в 2011 г. изменениям непредставление гражданским служащим сведений о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей, либо представления заведомо недостоверных или неполных таких сведений стало расцениваться как основание для увольнения служащего в связи с утратой доверия (ст. 59.2 Закона о гражданской службе) [13]. К тому же в соответствии с Законом о противодействии коррупции невыполнение гражданским служащим данной обязанности является правонарушением, влекущим освобождение его от замещаемой должности, увольнение с гражданской службы.

В то же время анализ судебной практики показывает, что гражданские служащие подвергались увольнению в связи с утратой доверия по причине предоставления недостоверных или неполных сведений не за себя, а за своих супругов [14; 15; 16].

В большинстве случаев судьи приходят к выводу, что применение других мер ответственности (в том числе с учетом положительных характеристик служащего и длительной предшествующей добросовестной службы) в данном случае невозможно, поскольку действующий закон не предоставляет руководителю права избрания для такого служащего иной более мягкой меры ответственности, чем увольнение. Основанием для отмены решений об увольнении в связи с утратой доверия в большинстве случаев является лишь нарушение установленной процедуры увольнения [17, с. 100].

По мнению С. Е. Чаннова, «законодательство о противодействии коррупции на государственной и муниципальной службе должно регулировать данный вопрос более гибко, допуская применение более мягких дисциплинарных санкций за коррупционные правонарушения, которые по своей объективной стороне являются достаточно серьезными, однако в определенной конкретной ситуации не несут значительных негативных последствий и могут трактоваться как малозначительные» [12, с. 2197–2203].

По мнению М. Б. Добробабы, признание дисциплинарного коррупционного проступка малозначительным нецелесообразно. Неформализованные составы автор предлагает разграничивать на незначительные и значительные, и отказаться от использования дефиниции «малозначительные коррупционные правонарушения» [18, с. 17–21].

Несколько иной подход выбрал Минтруд России при разработке Методических рекомендаций в целях внесения некоторой ясности в правоприменительную практику.

Так, Минтрудом России в 2015 г. были разработаны Методические рекомендации [19], в которых были классифицированы коррупционные правонарушения. Позднее, в 2016 г., Минтрудом России был подготовлен Обзор с таким же названием [20] (далее также – Обзор).

Сам Минтруд России рекомендует использовать Обзор практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции, вместо Методических рекомендаций.

Проанализировав практику привлечения к дисциплинарной ответственности, Минтруд России классифицировал коррупционные правонарушения на следующие виды:

- значительные проступки, влекущие увольнение государственного (муниципального) служащего в связи с утратой доверия;
- малозначительные проступки;
- несущественные проступки.

Исходя из такой классификации получается, что за значительные коррупционные проступки будет применяться такая мера ответственности, как увольнение в связи с утратой доверия. Согласно Закону о гражданской службе (п. 3.1 ст. 59.3) за малозначительные проступки может применяться такая мера дисциплинарной ответственности, как замечание. И можно было бы предположить, что за совершение несущественного проступка служащий будет освобожден от дисциплинарной ответственности. В то же время в Обзоре отдельно выделены составы проступков, которые не образуют составы коррупционных правонарушений. И получается, что не совсем ясна ситуация в Обзоре с такими видами коррупционных проступков, как малозначительные и несущественные. По мнению М. Б. Добробабы, «термины «малозначительные» и «несущественные» по семантическому значению совпадают» [18, с. 17–21], и вряд ли с этим можно не согласиться.

Более того, возникает вопрос: а за какие виды коррупционных проступков будут применяться такие санкции как выговор и предупреждение о неполном должностном соответствии? Об этом тоже в Обзоре умалчивается.

В Обзоре представлены смягчающие и отягчающие обстоятельства. К смягчающим можно отнести следующие:

- совершение коррупционного проступка впервые;

- безукоризненное соблюдение запретов, ограничений и требований к служебному поведению;
- добровольное сообщение служащим о совершенном деянии.

К отягчающим обстоятельствам относятся:

- наличие неснятого дисциплинарного взыскания;
- нарушение служащим требований законодательства о противодействии коррупции в предыдущие периоды декларационного кампании;
- нарушение служащим двух и более требований законодательства о противодействии коррупции в одной декларационной кампании;
- недостоверные и противоречивые объяснения, представленные в ходе проведения проверки.

При определении конкретной меры дисциплинарной ответственности рекомендуется учитывать следующие критерии:

- характер и тяжесть проступка;
- обстоятельства, при которых совершен проступок;
- соблюдение гражданским служащим запретов и ограничений, установленных в целях противодействия коррупции;
- предшествующие результаты исполнения служебных обязанностей гражданским служащим.

Таким образом, не умаляя практической значимости Методических рекомендаций Минтруда России и Обзора, необходимо отметить их рекомендательный характер, а также весьма неоднозначное содержание, которое вносит лишь дополнительные трудности при толковании законодательства о противодействии коррупции. Безусловно, такая ситуация требует существенных изменений.

Ожидается, что данная проблема нашла свое отражение в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утв. указом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 [19].

Так, в нем дано поручение Правительству РФ «до 1 марта 2019 г. разработать критерии, согласно которым несоблюдение запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, будет относиться к правонарушениям, влекущим за собой увольнение со службы или с работы, либо к малозначительным правонарушениям, а также представить предложения по определению обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность за несоблюдение указанных запретов, ограничений и требований, и по учету таких обстоятельств при применении взыскания».

Представляется, что разработка соответствующего постановления Правительства РФ является своевременной и рациональной, а также будет способствовать назначению справедливого и обоснованного дисциплинарного взыскания.

Однако приходится признать, что на момент написания статьи (август 2021 г.) не принят соответствующий

щий нормативный правовой акт и даже не представлен его проект.

Закономерен вопрос, какие именно критерии и какую классификацию должен содержать будущий нормативный правовой акт.

Безусловно, при назначении дисциплинарного взыскания гражданскому служащему необходимо учитывать критерии категоризации коррупционного правонарушения в зависимости от характера и степени его тяжести.

Исходя из общих положений о дисциплинарной ответственности, согласно которым за грубое нарушение служащим должностных обязанностей может быть установлена такая мера, как увольнение (п. 3 ч. 1 ст. 37 Закона о гражданской службе), можно предположить, что и увольнение в связи с утратой доверия за коррупционные правонарушения наступает за совершение грубого коррупционного проступка.

Ответственность в виде выговора и предупреждения о неполном должностном соответствии устанавливается за совершение деяния, которое не может быть признано малозначительным, т.е. оно должно быть само по себе значительным, но не грубым.

И, соответственно, если следовать логике законодателя, то за малозначительные проступки может быть предусмотрено замечание в качестве меры дисциплинарной ответственности (согласно п. 3.1 ст. 59.3 Закона о гражданской службе).

Таким образом, наиболее целесообразная классификация коррупционных правонарушений нам видится следующая: грубые, значительные и малозначительные.

Однако, на наш взгляд, необходимо предусмотреть в Законе о гражданской службе возможность освобождения от дисциплинарной ответственности за совершение малозначительного проступка, ограничившись при этом устным замечанием, «указав служащему на недопустимость нарушения требований к служебному поведению и (или) требований об урегулировании конфликта интересов».

Такие изменения будут отвечать общим принципам юридической ответственности.

Исходя из данной классификации необходимо выделить критерии, согласно которым совершенное служащим деяние будет относиться к правонарушениям, влекущим за собой увольнение со службы, либо к малозначительным правонарушениям. При этом необходимо учитывать, что за деяния, за которые Законом о гражданской службе безальтернативно установлена ответственность в виде увольнения,

все же могут применяться и другие меры дисциплинарной ответственности, о чем в свое время и говорил Минтруд России в Методических рекомендациях и Обзоре, что на первый взгляд противоречит положениям законодательства.

Например, в законодательстве установлена ответственность в виде увольнения в связи с утратой доверия за непредставление сведений в принципе и представление заведомо (*синонимы: сознательно, умышленно*) неполных и недостоверных сведений. При выявлении несоответствий представленных сведений фактическим данным (например, о полученных доходах, имуществе и его размере) необходимо установить именно факт «заведомости», т.е. знал ли служащий и (или) должен ли был знать о данных обстоятельствах.

Также необходимо отдельно рассматривать ситуации, когда служащий будет нести ответственность за деяния (действия/бездействие), совершенные не им самим, а его/ее супругом/супругой (судебную практику по таким делам мы рассматривали выше). В этом случае важно определить степень вины самого гражданского служащего.

Таким образом, к критериям, согласно которым совершенное гражданским служащим деяние будет относиться к правонарушениям, влекущим за собой увольнение со службы в связи с утратой доверия, можно отнести следующие:

- умышленная вина служащего;
- мотив и цель совершения правонарушения;
- повторное совершение значительного или малозначительного правонарушения;
- реальные вредные последствия совершенного деяния;
- наличиеотягчающих обстоятельств.

К критериям, согласно которым совершенное гражданским служащим деяние будет относиться к малозначительным правонарушениям, можно отнести следующие:

- совершение коррупционного проступка, не относящегося к категории грубого, впервые;
- неосторожная вина служащего;
- отсутствие реальных вредных последствий совершенного деяния;
- отсутствиеотягчающих обстоятельств;
- наличие смягчающих обстоятельств.

Таким образом, важно верно квалифицировать деяние гражданского служащего коррупционного характера и применить к нему правильное дисциплинарное взыскание, соответствующее характеру и степени тяжести коррупционного правонарушения.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 329-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6730.
2. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Обзор практики по рассмотрению в 2012–2013 годах дел по спорам, связанным с привлечением государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за совершение коррупционных проступков, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июля 2014 г.; Обзор практики применения судами в 2014–2016 годах законодательства Российской Федерации при рассмотрении споров, связанных с наложением дисциплинарных взысканий за несоблюдение требований законодательства о противодействии коррупции, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».
4. *Зубарев С. М.* К вопросу об основаниях и видах дисциплинарных проступков на государственной гражданской службе // Российский следователь. 2015. № 16.
5. *Григорьев И. В., Крипак М. В.* Особенности дисциплинарной ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения // Административное и муниципальное право. 2018. № 5.
6. *Исламова Э. Р.* Проблемы, возникающие при привлечении государственных и муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности за коррупционные правонарушения // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2.
7. *Добробаба М. Б.* Особенности внесудебного дисциплинарного производства по делам о коррупционных правонарушениях // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 1.
8. *Добробаба М. Б.* Проблема систематизации служебно-дисциплинарных деликтов // Административное право и процесс. 2013. № 7.
9. *Носова Ю. Б.* Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008.
10. Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 431-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. 1). Ст. 7542.
11. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
12. *Чаннов С. Е.* Может ли коррупционный проступок быть малозначительным? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10.
13. Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 28 декабря 2016 г. по делу № 33-25671/2016 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
14. Решение Ленинский районный суд г. Орска Оренбургской области от 9 ноября 2017 г. по делу № 2-1276/2017 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
15. Решение Октябрьского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан от 23 сентября 2016 г. по делу № 2-10484/2016 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
16. Решение Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 3 июня 2013 г. по делу № 2-2410/13 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
17. Антикоррупционное законодательство в сфере государственного управления: проблемы и перспективы : коллективная монография. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2019.
18. *Добробаба М. Б.* Формализация оснований дисциплинарной ответственности государственных служащих : проблемы и перспективы // Административное право и процесс. 2017. № 5.
19. Письмо Минтруда России от 13 ноября 2015 г. № 18-2/10/П-7073 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» (вместе с «Методическими рекомендациями по привлечению к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции») // СПС «КонсультантПлюс».
20. Письмо Минтруда России от 21 марта 2016 г. № 18-2/10/П-1526 «О критериях привлечения к ответственности за коррупционные правонарушения» (вместе с «Обзором практики привлечения к ответственности государственных (муниципальных) служащих за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции») // СПС «КонсультантПлюс».

21. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.

References

1. Federal Law of 21 November 2011 No. 329-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Improvement of Public Administration in the Field of Combating Corruption”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 48. Art. 6730.
2. Federal Law of 27 July 2004 No. 79-FZ “On the State Civil Service of the Russian Federation”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2004. No. 31. Art. 3215.
3. Review of Practice in the Consideration in 2012–2013 of Cases on Disputes Related to Bringing State and Municipal Employees to Disciplinary Responsibility for Committing Corruption Offenses, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30 July 2014; Review of the Practice of Application by Courts in 2014–2016 of the Legislation of the Russian Federation When Considering Disputes Related to the Imposition of Disciplinary Sanctions for Non-compliance with the Requirements of Anti-Corruption Legislation, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 30 November 2016 (SPS “ConsultantPlus”).
4. Zubarev S. M. On the Grounds and Types of Disciplinary Offenses in the State Civil Service. *Russian Investigator*. 2015. No. 16.
5. Grigoriev I. V., Kripak M. V. Features of Disciplinary Responsibility of Civil Servants for Corruption Offenses. *Administrative and Municipal Law*. 2018. No. 5.
6. Islamova E. R. Problems Arising in Bringing State and Municipal Employees to Disciplinary Responsibility for Corruption Offenses. *Tavrishesky Scientific Observer*. 2015. No. 2.
7. Dobrobaba M. B. Features of Extrajudicial Disciplinary Proceedings in Cases of Corruption Offenses. *Bulletin of South Ural State University. Series “Law”*. 2017. Vol. 17. No. 1.
8. Dobrobaba M. B. The Problem of Systematization of Service and Disciplinary Tort. *Administrative Law and Process*. 2013. No. 7.
9. Nosova Iu. B. Disciplinary Responsibility of State Civil Servants of the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Voronezh, 2008.
10. Federal Law of 22 December 2014 No. 431-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Anti-Corruption Issues”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 52 (part 1). Art. 7542.
11. Federal Law of 25 December 2008 No. 273-FZ “On Counteracting Corruption”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 52 (part 1). Art. 6228.
12. Channov S. E. Can a Corruption Offense Be Insignificant? *Actual Problems of Russian Law*. 2014. No. 10.
13. Appeal Ruling of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan of 28 December 2016 in case No. 33-25671/2016. URL: <https://sudrf.ru> (date of access: 15.04.2021).
14. Decision of the Leninskii District Court of the City of Orsk, Orenburg Region of 9 November 2017 in case No. 2-1276/2017. URL: <https://sudrf.ru> (date of access: 15.04.2021).
15. Decision of the Oktiabrskii District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan of 23 September 2016 in case No. 2-10484/2016. URL: <https://sudrf.ru> (date of access: 15.04.2021).
16. Decision of the Frunzenskii District Court of Vladivostok of 3 June 2013 in case No. 2-2410/13. URL: <https://sudrf.ru> (date of access: 15.04.2021).
17. Anti-Corruption Legislation in the Field of Public Administration: Problems and Prospects: Collective Monograph. Moscow; Berlin: Direct Media, 2019.
18. Dobrobaba M. B. Formalization of the Grounds for Disciplinary Responsibility of Civil Servants: Problems and Prospects. *Administrative Law and Process*. 2017. No. 5.
19. Letter of the Ministry of Labor of Russia of 13 November 2015 No. 18-2/10/P-7073 “On the Criteria for Bringing to Justice for Corruption Offenses” (Together with “Methodological Recommendations for Holding State (Municipal) Employees Accountable for Failure to Comply with Restrictions and Prohibitions, Requirements to Prevent or Resolve Conflicts of Interest and Failure to Fulfill Obligations Established in Order to Combat Corruption”) (SPS “ConsultantPlus”).
20. Letter of the Ministry of Labor of Russia of 21 March 2016 No. 18-2/10/P-1526 “On the Criteria for Bringing to Justice for Corruption Offenses” (Together with the “Review of the Practice of Holding State (Municipal) Employees Accountable for Failure to Comply with Restrictions and Prohibitions, Requirements to Prevent or Resolve Conflicts of Interest and Failure to Fulfill Obligations Established in Order to Combat Corruption”) (SPS “ConsultantPlus”).
21. Decree of the President of the Russian Federation of 29 June 2018 No. 378 “On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020”. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2018. No. 27. Art. 4038.

ПОПРАВКИ-2020 КАК ОСНОВА ДЛЯ УСИЛЕНИЯ ЭКСПАНСИИ ГОСУДАРСТВА НАД ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-20-25>

В своем Послании Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. Президент РФ озвучил предложение о внесении в Конституцию страны поправок, в рамках которых предлагалось закрепить принципы единой системы публичной власти и выстроить эффективное взаимодействие между государственными и муниципальными органами. 4 июля 2020 г., после всенародного одобрения, поправки вступили в силу. Масштабные изменения Основного закона страны затронули не только вопросы организации высших органов государственной власти, определение ценностей и ориентиров государства, роль Конституции РФ в толковании актов международных организаций, но и местное самоуправление. Фактически с поправками-2020 государство усилило влияние на организацию и принципы деятельности муниципалитетов. В статье исследуются поправки к ст. 131, 132 и 133 Конституции РФ, принятые в 2020 г. Целью работы является выявление значения поправок-2020 в усилении влияния государства на органы местного самоуправления. Для достижения поставленной цели были проанализированы особенности института местного самоуправления, определены исторические принципы его формирования, дана оценка причин таких изменений, а также определены риски принятия подобных поправок для практики развития отношений между государством и муниципалитетами. Методология обусловлена поставленной целью исследования и включает прежде всего всеобщие и общенаучные методы исследования: системный, логический, функциональный, исторический. В работе подробно анализируется институт местного самоуправления, исследуются поправки к ст. 131–133 Конституции РФ, определяется допустимая степень влияния государства на муниципалитеты, делаются выводы относительно вопросов, которые будут вызваны данными поправками, и даются рекомендации о сбалансированном их решении. Новизна заключается в комплексном исследовании роли поправок-2020 для местного самоуправления, оценке таковых сквозь призму принципов и идей демократического строя, а также в авторских рекомендациях по достижению баланса интересов органов государственной власти и местного самоуправления. Основными результатами исследования являются: определение масштабов влияния государства на органы местного самоуправления и формулировка вопросов, которые необходимо решить федеральному законодателю в ближайшее время. Выводы и предложения позволят сократить число коллизий между федеральными законами и актами местного значения, а также избежать неопределенности в вопросах организации и деятельности муниципалитетов. В соответствии с основами конституционного строя местное самоуправление как институт народовластия в России должно быть независимым от государства. Однако принятые в 2020 г. поправки распространили возможности государства влиять на определение видов муниципальных образований, общих принципов организации и функционирования органов местного самоуправления, назначение и освобождение должностных лиц данного уровня власти. Поправки-2020 позволили законодателю устанавливать рамки законности и контролировать эффективность деятельности органов местного самоуправления. Данные нововведения представляются достаточно кардинальными для тех принципов местного самоуправления, которые были заложены в европейских стандартах и восприняты Конституцией РФ 1993 г. Поэтому на федеральном уровне необходимо определить те рамки государственного воздействия, которые не будут нарушать принцип самостоятельности местного самоуправления и реализовывать принятые поправки.

**ИВАНОВА
Марина Александровна**

доцент кафедры административного и информационного права, ведущий специалист отдела планирования и организации научно-исследовательской работы Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

ima250576@gmail.com

**Местное самоуправление;
органы местного самоуправления;
государственная власть;
поправки-2020;
Конституция РФ**

Marina A. IVANOVA

Associate Professor, Department of Administrative and Information Law, Leading Specialist, Department of Planning and Organization of Research Work, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)
ima250576@gmail.com

**Local government;
local government bodies;
state power;
amendments-2020;
Constitution of the Russian
Federation**

AMENDMENTS-2020 AS A BASIS FOR STRENGTHENING THE EXPANSION OF THE STATE OVER LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES

On 15 January 2020, the President of the Russian Federation in his Address to the Federal Assembly of the Russian Federation, Putin voiced a proposal to amend the country's Constitution, within the framework of which it was proposed to consolidate the principles of a unified system of public authority and build effective interaction between state and municipal bodies. On 4 July 2020, after popular approval, the amendments entered into force. Large-scale changes to the Basic Law of the country affected not only the organization of the highest bodies of state power, the definition of the values and guidelines of the state, the role of the Constitution of the Russian Federation in the interpretation of acts of international organizations, but also local self-government. In fact, with the 2020 amendments, the state has increased its influence on the organization and principles of municipalities. The article examines the amendments to Articles 131, 132 and 133 of the Constitution of the Russian Federation, adopted in 2020. The aim of the work is to identify the significance of the 2020 amendments in increasing the influence of the state on local governments. To achieve this goal, the features of the institution of local self-government were analyzed, the historical principles of its formation were determined, the reasons for such changes were assessed, and the risks of adopting such amendments for the practice of developing relations between the state and municipalities were identified. The methodology is determined by the stated purpose of the research and includes, first of all, general and general scientific research methods: systemic, logical, functional, historical. The article analyzes in detail the institution of local self-government, examines amendments to Articles 131–133 of the Constitution of the Russian Federation, determines the permissible degree of state influence on municipalities, draws conclusions regarding the issues that will be caused by these amendments, and gives recommendations on their balanced solution. The novelty lies in a comprehensive study of the role of the 2020 amendments for local self-government, their assessment through the prism of the principles and ideas of a democratic system, as well as in the author's recommendations to achieve a balance of interests of public authorities and local self-government. The main results of the study are to determine the scale of the state's influence on local self-government bodies and the issues that need to be resolved by the federal legislator in the near future. Conclusions and proposals will help reduce the number of conflicts between federal laws and acts of local importance, as well as avoid uncertainty in the organization and activities of municipalities. In accordance with the foundations of the constitutional system, local self-government, as an institution of democracy in Russia, should be independent of the state. However, the amendments adopted in 2020 extended the state's ability to influence the definition of the types of municipalities, the general principles of the organization and functioning of local self-government bodies, the appointment and dismissal of officials of this level of government. The 2020 amendments allowed the legislator to establish a framework for legality and monitor the effectiveness of local government bodies. These innovations seem to be quite cardinal for the principles of local self-government that were laid down in European standards and adopted by the 1993 Constitution of the Russian Federation. Therefore, at the federal level, it is necessary to determine those frameworks of state influence that will not violate the principle of independence of local self-government and implement the adopted amendments.

Идеи подлинной ценности местного самоуправления, заложенные в Европейской хартии местного самоуправления, получили свое юридическое выражение в законодательстве РФ в 1991–1995 гг. В Конституции РФ 1993 г. основополагающие идеалы демократии закреплены в принципах конституционного строя, к которым в том числе относится признание и гарантирование местного самоуправления на всей территории РФ.

Правовой базой концепции местного самоуправления так называемой первой постсоветской республики в России (начало 1990-х гг. – начало XXI в.) [1, с. 48] являются положения ст. 12 Конституции РФ. Отделение органов местного самоуправления от органов государственной власти, самостоятельность местного самоуправления являются фундаментальной особенностью, определяющей специфику российского местного самоуправления. Конечно, это не означает, что местное самоуправление существует вне государства, независимо и свободно от подчинения закону. Государство посредством законов определяет правовые основы деятельности местного самоуправления по решению вопросов местного значения, ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления и соответственно порядок осуществления контроля и надзора за деятельностью органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и другие общие принципы организации местного самоуправления. При решении вопросов муниципального права федеральный законодатель должен выстроить такой баланс, при котором местная власть по-прежнему будет опираться на базовые принципы организации местного самоуправления, а регионы не получают дополнительные рычаги давления на муниципалитеты [2].

Однако вместо развития и укрепления идеалов независимости местного самоуправления, провозглашенных в 1993 г. Конституцией РФ, начиная с 2000-х гг. законодатель выбирает путь экспансии – расширения влияния [3, с. 745] на муниципалитеты. Унифицированный перечень видов муниципальных образований появился еще в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131), что вступало в диссонанс со ст. 17, которая закрепляет право населения и муниципалитетов принимать решения самостоятельно, ограничиваясь только установленной компетенцией. Определение видов муниципальных образований в Федеральном законе № 131 представляется ничем иным, как ограничением многообразия моделей местного самоуправления. Под ограничение этого права попадали не только и не столько муниципальные образования, сколько субъекты РФ, которые своими за-

конами были уполномочены регулировать вопросы территориального устройства муниципальных образований [4, с. 108]. Уже при принятии данной нормы возникло противоречие с п. «н» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, в соответствии с которым к ведению государства относятся только общие принципы организации местного самоуправления. И если это противоречие можно было рассмотреть как временную необходимость при поиске новой модели построения публичной власти, то поправки-2020 говорят о перманентности государственной экспансии над органами местной власти.

Внесение поправок к Конституции РФ в Послании Федеральному Собранию было определено необходимостью совершенствования регулирования вопросов организации единой системы публичной власти и закрепления принципов деятельности ее органов, а также выстраивания эффективного взаимодействия государства и муниципалитетов. Также необходимость расширения экспансии государства объяснялась необходимостью финансового контроля за расходованием государственного бюджета. Поскольку дотационные муниципальные образования финансируются государством, обеспечение таковых трансфертами из других уровней бюджетной системы делало невозможным контролирование расходов со стороны государства. По мнению разработчиков поправок-2020, унификация видов муниципальных образований и перечня вопросов, относящихся к ведению каждого из конкретных видов муниципальных образований, позволит более эффективно распоряжаться бюджетными средствами [4, с. 108].

Основные изменения, внесенные в гл. 8 Конституции РФ Указом «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками», коснулись особенностей организации органов местного самоуправления и порядка осуществления ими полномочий. В Законе РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправках) было предусмотрено, что структура органов местного самоуправления определяется в федеральном законе, а органы государственной власти могут участвовать в назначении должностных лиц местного самоуправления и освобождении таковых от должности. Данное положение включено в текст ст. 131 Конституции РФ и представляется одним из способов расширения государственной экспансии на муниципалитеты или их должностных лиц. В соответствии с ч. 1 ст. 131, федеральным законом определяются общие принципы организации местного самоуправления в РФ. Согласно ч. 3 ст. 131 Основного закона законодатель может

установить и особенности осуществления публичной власти на определенных территориях – в городах федерального значения, столицах субъектов РФ и на иных территориях.

Следующим показателем усиления государственного влияния на органы местного самоуправления является закрепление в ч. 2 ст. 132 Конституции РФ права федерального законодателя и субъектов РФ наделять органы местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Данная конституционная норма предусматривает необходимость осуществления контроля со стороны государственных органов за реализацией переданных ими полномочий муниципалитетам. Более того, закрепляя возможность осуществления такого административного влияния, ч. 3 ст. 132 Конституции РФ определяет единство органов местного самоуправления и государственной власти как единой организационной системы публичной власти.

Достаточно показательным для функционирования местного самоуправления представляется закрепление положения, которое ранее было предусмотрено Федеральным законом № 131: согласно ч. 1 ст. 13 Конституции РФ виды муниципальных образований определяются государством. Более того, в данной статье определено, что изменение границ территории муниципального образования также должно осуществляться в соответствии с федеральным законом.

Поправки-2020 стали основой усиления государственного влияния на порядок организации местного самоуправления и осуществления деятельности его органами и должностными лицами. Однако данные нововведения противоречат принципу независимости местного самоуправления, который был провозглашен в Конституции РФ 1993 г. Подчинение местного самоуправления воле народа [5, с. 339] является той основой, которая позволяет рассматривать местное самоуправление гарантом демократического государства и общества [6, с. 48]. Развитие на территории государства местного самоуправления говорит о высоком уровне самоорганизации граждан. Правовая природа местного самоуправления всегда следовала из негосударственных форм властвования [7, с. 67], а его существование являлось доказательством наличия гражданского общества в государстве. Однако поправки-2020 закрепили главенствующую роль законодателя в формировании органов местного самоуправления, определении их структуры, особенностей осуществления местного самоуправления, а также видов муниципальных образований.

Давая оценку поправкам к гл. 8 Конституции РФ, нельзя сказать, что местное самоуправление не мо-

жет быть полностью неподконтрольным государству. Являясь одной из форм народовластия, местное самоуправление так или иначе всегда будет ограничено законом. Самостоятельность местного самоуправления, как одна из основ конституционного строя РФ, не означает его суверенность, а лишь закрепляет его относительную автономию [8, с. 61], поскольку:

1) все структуры гражданского общества, даже возникающие по воле граждан, создаются и действуют в соответствии с законом [9, с. 132]. Именно это подтверждается принципами организации местного самоуправления, установленными Федеральным законом № 131;

2) местное самоуправление имеет властную природу и воспринимается гражданами как первая ступень управления в государстве [10, с. 130]. Полномочия населения устанавливать компетенцию, избирать должностных лиц местного уровня и ставить перед ними определенные задачи реализуются как через систему органов местного самоуправления, так и через систему политических прав, установленных в федеральных законах: права граждан участвовать в федеральных и региональных выборах, направлять обращения в федеральные и региональные органы власти, в том числе и по вопросам социально-экономического развития своих поселений. Отнесение местного самоуправления к вертикали власти характерно для многих демократических стран (Германия, США), что говорит о неоправданности чрезмерного муниципального либерализма в развитом государстве [2];

3) подчиненность местного самоуправления государству в некоторых случаях является необходимой и оправданной мерой. В частности, в ст. 75 Федерального закона № 131 устанавливается, что местное самоуправление фактически перестает действовать, и его функции и полномочия переходят к органам государственной власти и их должностным лицам в случае аномальных ситуаций, будь то: стихийное бедствие, катастрофа или иная чрезвычайная ситуация, если представительный орган муниципального образования и местная администрация отсутствуют и (или) не могут быть сформированы в предусмотренном законом порядке; если вследствие действий или решений органов местного самоуправления возникает просроченная задолженность муниципальных образований, определенная в порядке, установленном Бюджетным кодексом РФ; если при осуществлении отдельных переданных органам местного самоуправления государственных полномочий за счет предоставления субвенций местным бюджетам таковыми было допущено нецелевое расходование бюджетных средств либо нарушение Конституции РФ, федерального закона, иных нормативных правовых актов, установленных соответствующим судом.

Рассмотренные примеры показывают, что в отношениях государства и местного самоуправления нет четко определенных правил сосуществования данных институтов власти. С одной стороны, местное самоуправление гарантируется государством, оно не может существовать вне федеральных законов и, в отдельных исключительных случаях, не должно функционировать самостоятельно. С другой стороны, лишение местного самоуправления самостоятельности по причинам финансовой целесообразности или необходимости решения временных вопросов организации власти, на конституционном уровне, противоречит его правовой природе. До принятия поправок, категория «самостоятельности» местного самоуправления была достаточно четко определена и выражалась в независимости органов и должностных лиц в решении вопросов местного значения, в определении структуры органов муниципалитета, в управлении органами местного самоуправления муниципальной собственностью, утверждении и исполнении местного бюджета, установлении местных налогов и сборов. Поправки-2020 определяют лишь сферы государственного влияния. Вопросы о том, когда и каким образом органы государственной власти будут участвовать в формировании органов местного самоуправления, на каких принципах будет базироваться

публичная власть, какие конкретно полномочия будут иметь органы местного самоуправления, на сегодняшний день остаются без внимания.

Поскольку поправки-2020 принципиально наметили тенденции развития местного самоуправления под влиянием государства, они являются только первой ступенью формирования нового механизма соотношения и взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления. Императивное встраивание местного самоуправления в вертикаль публичной власти не соответствует гарантированному Конституцией РФ 1993 г. и международными актами праву населения самостоятельно принимать ключевые решения по вопросам местного значения. Чтобы предотвратить возможные коллизии между органами государственной власти и местного самоуправления и не допустить исключения данной сферы из зоны влияния и ответственности граждан РФ, федеральному законодателю предстоит достаточно сбалансированно решить краеугольные вопросы организации и деятельности муниципалитетов. Остается надеяться, что государство не будет отрекаться от идеалов Конституции РФ 1993 г. и, регламентируя принципы организации публичной власти, не выйдет за рамки провозглашенного осуществления власти народом, на каком бы уровне эта власть не формировалась.

Пристатейный библиографический список

1. *Алебастрова И. А.* Конституционные права и свободы человека и гражданина в третьей постсоветской республике в России // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2 (141).
2. *Митрохин С. С.* Местное самоуправление: аргументы, проблемы, мифы // Яблоко : сайт. URL: <https://www.yabloko.ru/Themes/SG/sigar1.html> (дата обращения: 12.07.2021).
3. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь Ожегова. 1949–1992. 2-е изд., испр. и доп. М. : Азъ, 1994.
4. *Кискин Е. В.* Некоторые направления развития законодательства о местном самоуправлении в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Федерализм. 2020. Т. 25. № 4 (100).
5. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : в 2 т. Т. 1. М. : НОРМА, 2014.
6. *Джагарян Н. В.* К вопросу о легитимности конкурсного главы муниципального образования (местной администрации) // Юридический вестник ДГУ. 2016. Т. 18. № 2.
7. *Еремин А. Р.* Реализация права человека и гражданина на местное самоуправление в Российской Федерации: конституционные вопросы : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2003.
8. *Дитятковский М. Ю.* О конституционной самостоятельности местного самоуправления // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 2 (31).
9. *Горнев Р. В.* К вопросу о соотношении местного самоуправления и гражданского общества // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2015. № 2 (2).
10. *Газизова Л. И.* К вопросу о разграничении понятий «муниципальная власть» и «местное самоуправление» // Власть. 2015. № 6.

References

1. *Alabastrova I. A.* Constitutional Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Third Post-Soviet Republic in Russia. *Comparative Constitutional Review*. 2021. No. 2 (141).
2. *Mitrokhin S. S.* Local Government: Arguments, Problems, Myths. URL: <https://www.yabloko.ru/Themes/SG/sigar1.html> (date of the application: 12.07.2021).

3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. Explanatory Dictionary. 1949–1992. 2nd ed. Moscow: Az, 1994.
4. Kiskin E. V. Some Directions of Development of Legislation on Local Self-Government in the Light of Amendments to the Constitution of the Russian Federation. *Federalism*. 2020. Vol. 25. No. 4 (100).
5. Avakian S. A. Constitutional Law of Russia: Training Course. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Norma, 2014.
6. Dzhagarian N. V. On the Legitimacy of the Competitive Head of the Municipal Formation (Local Administration). *Legal Bulletin of the DSU*. 2016. Vol. 18. No. 2.
7. Eremin A. R. Realization of the Human and Citizen's Right to Local Self-Government in the Russian Federation: Constitutional Issues: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Saratov, 2003.
8. Ditiatkovskii M. Iu. On the Constitutional Independence of Local Self-Government. *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*. 2012. No. 2 (31).
9. Gornev R. V. On the Relationship Between Local Government and Civil Society. *Bulletin of the Interregional Open Social Institute*. 2015. No. 2 (2).
10. Gazizova L. I. On Differentiating the Concepts of "Municipal Power" and "Local Government". *Power*. 2015. No. 6.

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-26-31>

Развитие информационных технологий, технического прогресса, глобальное научное сотрудничество в различных сферах, поиск новых путей оптимизации человеческой деятельности в целях достижения экономического, социального, экологического и информационного эффекта обусловили особое внимание к искусственному интеллекту – инновационным технологиям с неисчерпаемым потенциалом для общества и государства. В связи с этим исследование различных правовых аспектов внедрения искусственного интеллекта обладает актуальностью, теоретической и практической значимостью. Предметом статьи является анализ доктринальных положений по вопросам распределения ответственности в отношениях, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, и способов привлечения к ответственности самого искусственного интеллекта как субъекта (либо квазисубъекта) права. Цель работы – на основе анализа доктринальных позиций об ответственности искусственного интеллекта выявить основные проблемы и тенденции развития правового регулирования в этой сфере. Методологическую основу исследования составил диалектико-материалистический метод, а также важнейшие общеметодологические принципы и методы познания социальной действительности. В работе проводится анализ проблем определения и применения ответственности при использовании технологий искусственного интеллекта. В целях формирования концептуального и методологического оснований исследования проводится сравнительный анализ понятий «искусственный интеллект» и «робот». Основные результаты исследования направлены на формирование теоретической концепции ответственности искусственного интеллекта и выработку на ее основе предложений по совершенствованию правового регламентирования отношений, в которых применяются технологии искусственного интеллекта. В статье обоснован вывод, что решение проблемы применения ответственности при использовании технологий искусственного интеллекта лежит в сфере придания указанным системам элементов субъектности. Показано, что в настоящее время может быть реализована концепция придания системам искусственного интеллекта статуса квазисубъекта права с наделением не только определенными правами и обязанностями, но и возможностью владения определенным имуществом.

**ЛИПЧАНСКАЯ
Мария Александровна**

доктор юридических наук,
профессор, заведующая кафедрой
публичного права и правового
обеспечения управления
Государственного университета
управления (г. Москва)
lipchan_maria@mail.ru

**Конституционные права
человека;
искусственный интеллект;
роботы;
юридическая ответственность;
субъект права**

Maria A. LIPCHANSKAYA

Doctor of Legal Sciences,
Professor, Head of the Department of
Public Law and Legal Support
of Management, State University
of Management (Moscow)
lipchan_maria@mail.ru

**PROBLEMS OF DETERMINING RESPONSIBILITY
WHEN USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE
TECHNOLOGIES**

The development of information technologies, technological progress, global scientific cooperation in various fields, the search for new ways to optimize human activity in order to achieve economic, social, environmental and information effects have led to special attention to artificial intelligence – innovative

**Constitutional human rights;
artificial intelligence;
robots;
legal responsibility;
subject of law**

technologies with inexhaustible potential for society and the state. In this regard, the study of various legal aspects of the introduction of artificial intelligence has relevance, theoretical and practical significance. The subject of the article is the analysis of doctrinal provisions on the distribution of responsibility in relations related to the use of artificial intelligence technologies and methods of bringing artificial intelligence itself to justice as a subject (or quasi-subject) of law. The purpose of the work is to identify the main problems and trends in the development of legal regulation in this area based on the analysis of doctrinal positions on the responsibility of artificial intelligence. The methodological basis of the research was formed by the dialectical materialist method, as well as the most important general methodological principles and methods of cognition of social reality. The paper analyzes the problems of defining and applying responsibility when using artificial intelligence technologies. In order to form the conceptual and methodological foundations of the study, a comparative analysis of the concept of artificial intelligence and a robot is carried out. The main results of the study are aimed at forming a theoretical concept of the responsibility of artificial intelligence and developing proposals on its basis for improving the legal regulation of relations in which artificial intelligence technologies are applied. The article substantiates the conclusion that the solution to the problem of applying responsibility when using artificial intelligence technologies lies in the sphere of imparting elements of subjectivity to these systems. It is shown that at present the concept of granting the status of a quasi-subject of law to artificial intelligence systems can be implemented with the endowment not only with certain rights and obligations, but also with the possibility of owning certain property.

В настоящее время вопросы определения, регламентирования и применения ответственности систем и технологий искусственного интеллекта относятся к числу наиболее сложных и дискуссионных как с позиции правовых норм, так и с точки зрения этических аспектов.

П. Асаро полагает, что к числу наиболее важных правовых проблем, связанных с ответственностью роботов, относятся следующие: 1) ответственность производителя [за качество товара] (*productliability*), поскольку роботы, с точки зрения правового режима, представляют собой в том числе товар; 2) правовой режим (или правовой статус) роботов как квазиагентов (посредников), поскольку роботы по мере развития наделяются функциями возрастающей сложности, ранее выполнявшимися человеком; 3) ограничение ответственности в том смысле, что посредники в силу правовой природы отношений не всегда могут нести полную ответственность за свои действия; 4) применение мер юридической ответственности к юридическим лицам по аналогии с применением таковой к агентам, не являющимся физическими лицами [1].

В большинстве документов (и во многих исследованиях) применительно к ответственности используется термин не «искусственный интеллект», а «робот». Представляется, что в данном контексте данные термины являются близкими, хотя и не вполне синонимичными. В настоящее время не существует еди-

ного общепризнанного понятия робот. В целом его можно определить как телесный искусственный объект или систему, обладающую способностью физически проявлять себя, в том числе чувствовать, обрабатывать и воздействовать на окружающий мир в некоторой степени [2, р. 513–563]. При этом существуют различные классификации роботов по различным основаниям [3], однако общим для всех роботов является наличие хотя бы минимальной степени автономности, которая определяется определенным уровнем искусственного интеллекта, воплощенного в его программном обеспечении. Если искусственный интеллект в любом случае представляет собой определенную информационную систему (в традиционном ее понимании как совокупности базы данных и программного обеспечения для ее обработки [4, р. 130]), то робот – это информационная система, наделенная возможностями непосредственно воздействовать на объекты внешнего мира.

Таким образом, искусственный интеллект всегда характеризует любого робота, что не равно обратному: искусственный интеллект может быть реализован в рамках программно-аппаратного комплекса, не имеющего возможность самостоятельно действовать в физической среде.

Представляется, что искусственный интеллект – понятие все же более широкое, чем робот, поэтому далее в настоящей статье будет идти речь именно о проблемах ответственности искусственного ин-

теллекта. В то же время в ней будут использованы нормативные акты, материалы практики, а также доктринальные наработки, касающиеся юридической ответственности роботов, исходя из того подхода, что ответственность роботов всегда выводит на ответственность их искусственного интеллекта.

Вопросы ответственности систем искусственного интеллекта напрямую увязываются с приданием им статуса субъекта права. Здесь необходимо отметить, что в глобальном смысле юриспруденции известны всего два вида субъектов права: физические лица и социальные лица. К последним относятся юридически признанные небиологические образования: 1) государство и государственные органы; 2) муниципальные образования и органы местного самоуправления; 3) зависимые территории и 4) народы, борющиеся за свою независимость; 5) юридические лица; 6) международные межправительственные и неправительственные организации [5]. Как видно из данного перечня, социальные лица представляют собой по сути те же объединения физических лиц, т.е. социальное лицо как субъект права производно от физического лица.

Таким образом, при привлечении к ответственности социального лица как коллективного субъекта негативные последствия в конечном счете все равно наступают для конкретных физических лиц, однако ее тяжесть распределяется между ними – равным или неравным образом. В связи с этим ответственность юридических лиц в самых разных правовых системах достаточно существенно отличается от ответственности лиц физических (например, применительно к определению вины юридического лица, оснований ответственности, конкретных санкций и т.д.).

Как представляется, указанные рассуждения могут быть положены и в основу концепции юридической ответственности систем искусственного интеллекта, по крайней мере, в настоящее время. Вместе с тем в отличие от юридического лица искусственный интеллект потенциально (в настоящее время это, по-видимому, все же неблизкая перспектива) может получить не только правовой статус полноценного субъекта права, но и все признаки личности, что позволит говорить о его полностью самостоятельной ответственности, без переноса ее последствий на каких-либо других субъектов.

Здесь необходимо отметить, что в настоящее время существуют различные подходы к сущности искусственного интеллекта и соответственно к его определению. Так, большинство специалистов говорят о возможности создания, как минимум, двух типов искусственного интеллекта «сильного» и «слабого».

Под слабым искусственным интеллектом предлагается понимать исключительно программу, работающую по заданным алгоритмам [6]. Концепция

сильного искусственного интеллекта базируется на признании возможности создания такого искусственного интеллекта, который сможет не только мыслить, но и понимать и переживать [7, с. 85–89]. «Слабый» искусственный интеллект, считается, способен выполнять определенные виды задач и ими же ограничен. «Сильный» же искусственный интеллект (называемый еще «общим искусственным интеллектом») представляет собой реальный или гипотетический тип названной технологии, который может достичь или превысить уровень человеческого интеллекта и применять свои способности решения задач к любым проблемам, подобно человеческому мозгу [8, с. 96].

В развитии систем искусственного интеллекта применительно к вопросам ответственности можно выделить две крайние позиции:

1) искусственный интеллект является личностью и в этом качестве признается полноценным субъектом права. Ответственность за действия искусственного интеллекта несет непосредственно сам искусственный интеллект. Как уже отмечалось выше, в настоящее время подобная конструкция является чисто теоретической;

2) искусственный интеллект не имеет никаких признаков субъекта права (правда, здесь возникает вопрос о том, насколько обоснованно вообще считать его в таком случае искусственным интеллектом). Ответственность за его действия полностью возлагается на иных субъектов.

Между этими двумя крайностями лежит большое количество вариантов, в рамках которых юридическая ответственность за действия искусственного интеллекта распределяется между изготовителем и иными субъектами в зависимости от степени самостоятельности систем искусственного интеллекта. При этом на определенных этапах можно уже ставить вопрос о частичной ответственности последнего.

Принципиальная особенность решения вопроса об ответственности за действие системы искусственного интеллекта заключается в том, что даже слабый искусственный интеллект обладает известной степенью автономии, которая презюмируется при его создании. Сущность автономности юнита искусственного интеллекта как раз означает, что введение данных и программирование такого юнита определенным образом не обязательно приводит к конкретному результату в ответ на заданные обстоятельства (введенные команды) [9, р. 651]. Соответственно, его поведение невозможно урегулировать полностью, а, следовательно, полностью предсказать его возможные действия. Как следствие, «производитель, принимающий все разумные меры, может тем не менее создать киберфизическую систему, которая в итоге будет взаимодействовать с нашим сложным миром не вполне разумным образом» [10, р. 1308].

Указанная проблема усугубляется для самообучающихся систем, а таковыми в настоящее время являются большинство систем искусственного интеллекта. Даже если речь идет о сознательном обучении системы искусственного интеллекта конкретным лицом, вопрос о балансе ответственности между ним и ее создателями уже достаточно сложен. Однако самообучающиеся системы обучаются именно сами, путем приобретения определенного «опыта». Возложение ответственности за вред, причиненный их действиями, исключительно на производителей или разработчиков, конечно, возможно, но вряд ли целесообразно, поскольку результат обучения в таком случае становится зависим не только от заранее заложенных в него данных, но и от многочисленных факторов внешней среды, предсказать которые просто невозможно. Как известно, применительно к любому правонарушению, факторы (детерминанты), способствующие их совершению, представляют собой обобщенное понятие, содержанием которых являются причины и условия совершения правонарушений [11, р. 66]. Некоторой грубой аналогией здесь может выступить современное учение о факторах преступности, которое базируется на том, что преступное поведение личности связано как с социальной средой, так и с генетической предрасположенностью [12, с. 49–54; 13]. Как определить, кто больше «виноват» в преступном поведении конкретного человека – воздействующие на него социальные факторы или изначально заложенные генетические особенности? Также сложно распределить бремя ответственности между разработчиками и производителями системы искусственного интеллекта, ответственными за его «геном», с одной стороны, и собственниками (владельцами) и иными взаимодействующими с этой системой лицами, ответственными за «социальную среду», – с другой.

Поэтому верно отмечает П. М. Морхат, что «в большинстве случаев разумно и обоснованно привлечение к ответственности за ошибки, совершенные юнитом искусственного интеллекта, разработчиков, создателей и программистов такого юнита. Но не в ситуациях, когда юнит искусственного интеллекта начинает функционировать таким образом, как невозможно было предсказать ранее, в особенности, если такой юнит взаимодействует с другими агентами в так называемом Интернете вещей, самообучается и за счет этого тоже» [14, с. 47].

В правовой науке предлагаются разные способы решения этой проблемы. Часть из них связана с приданием системам искусственного интеллекта элементов субъектности. Так, итальянский ученый У. Пагало полагает, что нет смысла разрабатывать новое законодательство о правовом статусе искусственного интеллекта и роботов, если можно воспользо-

ваться хорошо продуманными положениями римского права о правовом положении рабов. Робот, как и раб, не имеет прав и обязанностей; Робот, как и раб, может принимать решения, имеющие правовые последствия, в том числе для собственника; рабы были наделены имуществом (пекулий), следовательно, необходимо наделять Роботов имуществом; рабы и Роботы способны причинять вред, ответственность за который несут их хозяева [15, р. 102].

Другие исследователи предлагают ввести для роботов, оснащенных системами искусственного интеллекта, новую правовую конструкцию «электронного лица». Электронное лицо можно трактовать как персонифицированное единство норм права, которые обязывают и уполномочивают искусственный интеллект, обладающий критериями «разумности» [16, с. 47]. В этой связи предлагается наделить таких электронных лиц определенными правами и обязанностями, в том числе возмещения причиненного ими вреда [17, с. 45–50]. В научной литературе можно встретить и обобщенное представление о возможных специальных правах робота, например: не быть отключенным (против его «воли»), право на полный и беспрепятственный доступ к своему коду, право не подвергаться экспериментам, право на создание своей копии, право на неприкосновенность «частной жизни» [18]. По сути, с точки зрения правового статуса «электронные лица» занимают некое среднее положение между человеком и вещью.

Есть и другие варианты, не связанные с приданием роботам и иным системам искусственного интеллекта правосубъектности. Распространенной в частности является идея об обязательном страховании их ответственности [19; 20, с. 63–72]. Как видно, в данном случае вопрос о распределении степени ответственности не решается как таковой, а подменяется переносом его на страхователей. К тому же указанная конструкция применима только для имущественной (гражданско-правовой) ответственности систем искусственного интеллекта. Между тем в определенных ситуациях может ставиться вопрос об иных видах юридической ответственности, в частности, административной и уголовной.

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что субъектами данных видов ответственности могут выступать только физические лица, связанные с системами искусственного интеллекта (разработчики, продавцы, собственники и пр.). Однако административно-правовые и уголовно-правовые санкции necessarily связаны с воздействием на конкретных физических лиц. Административной ответственности за совершение ряда правонарушений подлежат как физические, так и юридические лица, к которым, правда, применяется ограниченный перечень административных наказаний. Уголовная ответственность

юридических лиц не предусматривается российской правовой системой, однако во многих других государствах (Австрия, Бельгия, Дания, Норвегия, Польша, Португалия, Франция, КНР, Израиль и др.) она используется [21, с. 58–59]. При этом к юридическим лицам, разумеется, в силу их специфики также применяется только ограниченный набор санкций.

В связи с этим нам представляется в целом небезынтересной концепция придания системам искусственного интеллекта статуса квазисубъекта права с наделением не только определенными правами и обязанностями, но и возможностью владения определенным имуществом. Наличие его позволит реализовывать не только гражданско-правовые, но также и административно-правовые и уголовно-правовые санкции, по крайней мере, в виде штрафов.

Данная концепция, как представляется, объединяет достоинства идеи о страховании ответственности систем искусственного интеллекта с идеей так называемых электронных лиц. Разумеется, в таком случае на собственника (либо владельца) системы должна возлагаться обязанность обеспечить автономно действующи

щие системы искусственного интеллекта необходимым «минимальным капиталом», размер которого может колебаться в зависимости от сферы деятельности и других факторов, в качестве своеобразной страховки.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать некоторые **выводы**. Ответственность систем искусственного интеллекта является непростой проблемой, сложность которой обусловлена наличием у них автономии и способности к самообучению. В то же время современное (а также на ближайшую видимую перспективу) развитие систем искусственного интеллекта не позволяет признать за ними качества личности и, следовательно, применить к ним меры ответственности как к физическим и юридическим лицам. Соответственно, решение данной проблемы лежит в сфере придания системам искусственного интеллекта элементов субъектности. В современных условиях развития систем и технологий искусственного интеллекта может быть реализована концепция придания системам искусственного интеллекта статуса квазисубъекта права с наделением некоторыми правами и обязанностями.

Пристатейный библиографический список

1. *Asaro P. M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective* // Peter Asaro's WWW : сайт. URL: <http://www.peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).
2. *Calo R. Robotics and the New Cyberlaw* // *Californian Law Review*. 2015. Vol. 103 (3).
3. Регулирование робототехники : введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А. В. Незнамова. М. : Инфотропик Медиа, 2018.
4. *Amelin R., Channov S. State Information Systems in E-government in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation* // *ECOSE'15. Proceedings of the 2015 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia*. New York: Association for Computing Machinery Publ., 2015.
5. Правоведение : учебное пособие / под ред. С. Н. Попова, Н. А. Ульяновой. Барнаул : Изд-во АГАУ, 2006.
6. *Серл Дж. Открывая сознание заново* / пер. с англ. А. Ф. Грязнова. М. : Идея-Пресс, 2002.
7. *Мигуренко Р. А. Человеческие компетенции и искусственный интеллект* // *Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов*. 2010. № 6.
8. *Щитова А. А. О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта* // *Аграрное и земельное право*. 2019. № 5.
9. *Beard J. M. Autonomous Weapons and Human Responsibilities* // *Georgetown Journal of International Law*. 2014. Vol. 45 (3).
10. *Owen D. G. Figuring Foreseeability* // *Wake Forest Law Review*. 2009. Vol. 44.
11. *Channov S., Dobrobaba M. Reasons and Conditions for Disciplinary Offenses in the Civil Service System* // *Proceedings of the XIV European-Asian Law Congress "The Value of Law" (EAC-LAW 2020)*. Paris: Atlantis Press, 2020.
12. *Ситникова М. П. Влияние генетики на преступное поведение личности* // *Медицинское право*. 2021. № 1.
13. *Криминология : учебник для вузов* / под ред. В. Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006.
14. *Морхат П. М. Ответственность третьих лиц за совершение юнитами искусственного интеллекта причиняющих вред действий* // *Государственная служба и кадры*. 2018. № 3.
15. *Pagallo U. The Law of Robots: Crimes, Contracts, and Torts*. Dordrecht: Springer, 2013.
16. *Ястребов О. А. Правосубъектность юридического лица: теоретико-методологические подходы* // *Труды института государства и права Российской академии наук*. 2018. № 2.

17. Юренко Н. И. Роботы – потенциальные субъекты права : миф или реальность // Инновации в науке и практике : сборник статей по материалам IV международной научно-практической конференции. Уфа : Дендра, 2017.

18. Dvorsky G. When the Turing Test Is Not Enough: Towards a Functionalist Determination of Consciousness and the Advent of an Authentic Machine Ethics // Sentient Developments : сайт. URL: <http://www.sentientdevelopments.com/2012/03/when-turing-test-is-not-enough-towards.html> (дата обращения: 09.02.2021)

19. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020.

20. Ирискина Е. Н., Беляков К. О. Правовые аспекты гражданско-правовой ответственности за причинение вреда действиями робота как квазисубъекта гражданско-правовых отношений // Гуманитарная информатика. 2016. Вып. 10.

21. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц // Lex Russica. 2015. № 7.

References

1. Asaro P. M. Robots and Responsibility from a Legal Perspective // Peter Asaro's WWW : сайт. URL: <http://www.peterasaro.org/writing/ASARO%20Legal%20Perspective.pdf> (date of the application: 09.02.2021).

2. Calo R. Robotics and the New Cyberlaw. *Californian Law Review*. 2015. Vol. 103 (3).

3. Neznamov A. V. (ed.). Regulation of Robotics: An Introduction to "Robo-Law". Legal Aspects of the Development of Robotics and Artificial Intelligence Technologies. Moscow: Infotropic Media, 2018.

4. Amelin R., Channov S. State Information Systems in E-government in the Russian Federation: Problems of Legal Regulation. In ECOSE'15. Proceedings of the 2015 2nd International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia. New York: Association for Computing Machinery Publ., 2015.

5. Popov S. N., Ulianova N. A. (eds.). Jurisprudence: Textbook. Barnaul: Altai State Agrarian University Publishing House, 2006.

6. Searl J.; Griaznov A.F. (trans.). Revealing Consciousness. Moscow: Idea-Press, 2002.

7. Migurenko R. A. Human Competences and Artificial Intelligence. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Georesource Engineering*. 2010. No. 6.

8. Shchitova A. A. On the Potential Legal Capacity of Artificial Intelligence. *Agrarian and Land Law*. 2019. No. 5.

9. Beard J. M. Autonomous Weapons and Human Responsibilities. *Georgetown Journal of International Law*. 2014. Vol. 45 (3).

10. Owen D. G. Figuring Foreseeability. *Wake Forest Law Review*. 2009. Vol. 44.

11. Channov S., Dobrobaba M. Reasons and Conditions for Disciplinary Offenses in the Civil Service System. In Proceedings of the XIV European-Asian Law Congress "The Value of Law" (EAC-LAW 2020). Paris: Atlantis Press, 2020.

12. Sitnikova M. P. The Influence of Genetics on the Criminal Behavior of the Individual. *Medical Law*. 2021. No. 1.

13. Malkov V. D. (ed.). Criminology: Textbook for Universities. 2nd ed. Moscow: Iustitsinform, 2006.

14. Morkhat P. M. Responsibility of Third Parties for the Commission of Harmful Actions by Artificial Intelligence Units. *State Service and Personnel*. 2018. No. 3.

15. Pagallo U. The Law of Robots: Crimes, Contracts, and Torts. Dordrecht: Springer, 2013.

16. Iastrebov O. A. Legal Personality of a Legal Entity: Theoretical and Methodological Approaches. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 2.

17. Iurenko N. I. Robots – Potential Subjects of Law: Myth or Reality. In Innovations in Science and Practice: Collection of Articles Based on the Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Ufa: Dendra, 2017.

18. Dvorsky G. When the Turing Test Is Not Enough: Towards a Functionalist Determination of Consciousness and the Advent of an Authentic Machine Ethics. URL: <http://www.sentientdevelopments.com/2012/03/when-turing-test-is-not-enough-towards.html> (date of the application: 09.02.2021).

19. Blazheev V. V., Egorova M. A. (eds.). Digital Law: Textbook. Moscow: Prospekt, 2020.

20. Iriskina E. N., Belyakov K. O. Legal Aspects of Civil Liability for Harm Caused by the Actions of a Robot as a Quasi-Subject of Civil Law Relations. *Humanitarian Informatics*. 2016. Issue 10.

21. Naumov A. V. Criminal Liability of Legal Entities. Lex Russica. 2015. No. 7.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-32-38>

Семья на сегодняшний день является ключевым и одним из самых законодательно охраняемых институтов общества. Однако не все законодательные нормы, регулирующие защиту института семьи в современных реалиях, являются эффективными. Это приводит к тому, что большое количество граждан, в том числе и несовершеннолетних, становятся жертвами насилия со сторон других членов семьи. При этом следует констатировать, что в большинстве случаев они практически остаются беспомощными в криминогенной ситуации, поскольку не в состоянии самостоятельно защитить себя, а правовые инструменты являются несостоятельными для осуществления защиты от насилия, осуществляемой со стороны близких людей. Актуальность изучения этой темы в доктрине уголовного права и криминологии подтверждается наличием целого пласта неурегулированных правоотношений в исследуемой области, трудностей, возникающих в правоприменительной и судебной практике, мер, направленных на противодействие этому виду преступности. Все эти обстоятельства порождают не только научный интерес, но и споры, существующие в настоящее время. Основным вопросом обсуждения остается проблема основания криминализации и декриминализации таких деяний. Предметом настоящего исследования являются нормы, определяющие насилие в семье. В частности, в статье автором поставлена цель исследовать правоприменительную практику для выяснения проблем и трудностей по привлечению лиц к уголовной ответственности за домашнее насилие. В дальнейшем это позволит выработать научно обоснованную позицию и рекомендации по совершенствованию действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу работы составили методы диалектики как общенаучного метода познания, а также такие частнонаучные методы, как формально-юридический, историко-логический, метод правового моделирования в их различном сочетании. В работе проведен анализ законодательной регламентации признаков преступлений, направленных на противодействие домашнему насилию. Осуществлен анализ проекта федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия», решения Конституционного Суда РФ. По мнению автора статьи, поиск эффективных методов и средств противодействия домашнему насилию – первостепенная, значимая задача, присущая большинству членов мирового сообщества.

БАТЮКОВА

Вера Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент департамента
международного и публичного
права юридического факультета
Финансового университета при
Правительстве РФ (г. Москва)

Batuykova@yandex.ru

**Домашнее насилие;
противодействие;
Уголовный кодекс РФ;
Кодекс РФ
об административных
правонарушениях;
побои;
преступление;
причины;
латентность;
криминализация;
декриминализация**

Vera E. BATYUKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of International and Public Law,
Faculty of Law, Financial University
under the Government
of the Russian Federation
(Moscow)

Batuykova@yandex.ru

**COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE
BY CRIMINAL LEGAL MEANS**

Today, the family is a key and one of the most legally protected institutions of society. However, not all legislative norms regulating the protection of the institution of the family in modern realities are effective. This leads to the fact that a large number of citizens, including minors, become victims of violence from other family members. At the same time, it should be noted that in most cases they

**Domestic violence;
counteraction;
Criminal Code of the Russian
Federation;
Code of the Russian Federation
on Administrative Offenses;
beatings;
crime;
causes;
latency;
criminalization;
decriminalization**

practically remain helpless in a criminal situation, since they are not able to protect themselves independently, and legal instruments are not sufficient for the implementation of protection from violence carried out by close people. The relevance of studying this topic in the doctrine of criminal law and criminology is confirmed by the presence of a whole layer of unresolved legal relations in the field under study, difficulties arising in law enforcement and judicial practice, measures aimed at countering this type of crime. All these circumstances give rise not only to scientific interest, but also to disputes that currently exist. The main issue of discussion remains the problem of the grounds for criminalization and decriminalization of such acts. The subject of this study is the norms defining domestic violence. In particular, in the article, the author aims to investigate law enforcement practice to clarify the problems and difficulties in bringing persons to criminal responsibility for domestic violence. In the future, this will allow the development of a scientifically based position and recommendations for improving the current criminal legislation and law enforcement practice. The methodological basis of the work is based on the methods of dialectics as a general scientific method of cognition, as well as such private scientific methods as formal-legal, historical-logical, the method of legal modeling in their various combinations. The paper analyzes the legislative regulation of the signs of crimes aimed at countering domestic violence. The analysis of the draft Federal Law "On the Prevention of Domestic Violence", the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation is carried out. According to the author of the article, the search for effective methods and means of countering domestic violence is a primary, significant task inherent in the majority of members of the world community.

Рассматривая проблему домашнего насилия, нельзя не отметить, что этот вопрос в последнее время приобрел особую актуальность. Домашнее насилие в нашей стране широко распространено, однако такие преступления обладают высокой степенью латентности, что обусловлено целым рядом факторов. Например, несовершеннолетние зачастую не имеют возможности сообщить о применении насилия по отношению к ним со стороны родителей, на что влияют различные факторы [1, с. 490–494]; супруги же нередко стремятся скрыть факт совершения домашнего насилия по отношению к ним; сказывается также фактор бездействия со стороны правоохранительных органов. Кроме того, наша страна остается одной из немногих, в которой до сих пор не приняты закон против домашнего насилия.

Обратившись к официальной статистике, составленной Росстатом по данным МВД России, можно продемонстрировать число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи, которое свидетельствуют о серьезности этой проблемы в России [2]. Так, в 2019 г. число потерпевших от такого рода преступлений составило 33 315 человек, из которых 23 221 женщина, что составляет 70% от общего числа потерпевших. Стоит отметить, что в 2016 г. число потерпевших составляло 65 543 человека, но такое значительное снижение числа потерпевших от домашнего

насилия не свидетельствует об эффективности принимаемых государством мер, направленных на борьбу с домашним насилием. Такое снижение связывается с частичной декриминализацией побоев в 2017 г., целесообразность которой также будет рассмотрена в данной работе.

Прежде стоит отметить, что к домашнему насилию относят преступления против жизни и здоровья личности, совершенные в отношении близкого лица, например причинение вреда здоровью (ст. 111–115 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)), нанесение повторных побоев (ст. 116.1 УК РФ), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), а также убийство (ст. 105 УК РФ), которое зачастую является следствием отсутствия оперативного реагирования, должного внимания со стороны правоохранительных органов на сигналы о домашнем насилии.

Понятие «домашнее насилие» не закреплено на законодательном уровне, в связи с чем дискуссионным остается вопрос о субъектах правовой охраны от домашнего насилия. Представляется, что понятие охватывает собой членов семьи, отношения которых регламентированы Семейным кодексом РФ (далее – СК РФ), и лиц, находящихся в свойствах родства, а также тех лиц, которые формальными узами не связаны, но ведут общее хозяйство, например, сожители и др. [3, с. 124–128].

Изучая современное состояние уголовно-правовой охраны семьи в РФ, стоит отметить, что Россия является участницей ряда международных соглашений, которые направлены на борьбу с домашним насилием. В качестве таких актов можно отметить Конвенцию о правах ребенка, Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Но, несмотря на ратифицирование РФ международных актов, на внутригосударственном уровне так и не появилось специализированного законодательного регулирования данной проблемы.

Анализируя уголовно-правовую охрану семьи в России, можно заключить, что в настоящее время законодатель так сконструировал нормы уголовного законодательства, что санкции за совершение насильственных преступлений в отношении близких и в отношении иных лиц не отличаются [4, с. 199–202]. Немаловажно отметить, что в научной литературе нередко высказывается точка зрения о том, что уголовное законодательство все-таки содержит специальную норму, предусматривающую ответственность родителей за домашнее насилие в отношении их детей [5, с. 85–90]. В данном случае подразумевается ст. 156 УК РФ, однако после проведения анализа диспозиции данной статьи можно заключить, что субъектами здесь могут выступать не только родители, но и, например, педагогические работники, а жестокое обращение в отношении несовершеннолетних может выражаться в иных действиях, не связанных с насилием, поэтому с описанной выше точкой зрения можно не согласиться.

Дискуссионным вопросом остается решение законодателя о частичной декриминализации побоев в отношении близких лиц. Так, в 2017 г. был принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности», согласно которому побои или насильственные действия в отношении близких лиц, совершенные впервые, причинившие физическую боль, но не повлекшие причинение вреда здоровью, перешли из числа уголовно наказуемых (ст. 116 УК РФ) в категорию административных правонарушений (ст. 6.1.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)). Теперь лицо подлежит уголовной ответственности в том случае, если в течение срока, когда оно будет считаться подвергнутым административному наказанию, т.е. в течение одного года, совершит побои повторно (ст. 116.1 УК РФ), т.е. в рамках данного состава действует административная преюдиция.

Решение законодателя является неоднозначным, и в научной литературе можно встретить различные

мнения авторов. Так, одни авторы положительно оценивают введение административной ответственности за побои и аргументируют свою точку зрения тем, что КоАП РФ не предусматривает примирение с потерпевшим и, таким образом, невозможно прекратить дело об административном правонарушении и освободить лицо от ответственности. Но также высказывается, и точка зрения о том, что частичная декриминализация побоев станет почвой для самосуда [6, с. 79–86].

И исходя из вышеизложенного появляется проблема дифференциации степени общественной опасности побоев. Как уже отмечалось, теперь ст. 116.1 УК РФ применяется только за повторное нанесение побоев. Однако представляется, что совершение лицом указанных деяний даже один раз представляет общественную опасность, причиняет физический и психологический вред потерпевшему, а также формирует отрицательную психологическую обстановку в семье. Таким образом, решение законодателя о привлечении нарушителя к административной ответственности за побои, нанесенные впервые или спустя год после предыдущих, является неоднозначным, поскольку степень общественной опасности деяния не зависит от того, совершается оно впервые или же повторно [7, с. 322–324].

Помимо этого применение ст. 116.1 УК РФ вызывает много вопросов. Так, было проанализировано Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П, где Конституционный Суд РФ рассмотрел вопрос о соответствии ст. 116.1 УК РФ Конституции РФ в связи с жалобой гражданки, которая неоднократно подвергалась побоям со стороны брата [8].

Прежде чем перейти к выводам Конституционного Суда РФ, важно акцентировать внимание на деталях дела, а именно на том, что в 2018 г. брат заявительницы за нанесение побоев был привлечен к административной ответственности, а в 2019 г. – к уголовной ответственности, так как им было совершено повторное нанесение побоев. И в октябре 2019 г. он вновь нанес побои сестре, имея при этом неснятую и непогашенную судимость. Но в данном случае его действия были квалифицированы как административное правонарушение, поскольку в момент нанесения побоев лицо не считалось подвергнутым административному наказанию. Таким образом, возник вопрос о противоречии ст. 116.1 УК РФ Конституции РФ, ведь, как видно из данного примера, названная норма не позволяет привлечь к уголовной ответственности за нанесение побоев (при отсутствии признаков, указанных в ст. 116 УК РФ) лицо, которое имеет неснятую и непогашенную судимость по данной статье, а соответственно данная норма не обеспечивает эффективную защиту от домашнего насилия.

Обращаясь к рассматриваемому Постановлению, можно заключить, что Конституционный Суд РФ поддержал заявительницу, признав тем самым ст. 116.1 УК РФ противоречащей Конституции РФ. Важно обратить внимание на то, что в п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой» указано, что законодатель, устанавливая разную ответственность лица за впервые совершенные побои и за нанесение их повторно, не должен был игнорировать состояние предшествующей судимости лица за это деяние, поскольку это, так же как и состояние административной наказуемости такого лица, говорит о повышенной общественной опасности этого противоправного деяния и лица, совершившего. Однако ст. 116.1 УК РФ устанавливает ответственность только для тех лиц, которые совершили деяние, когда они считались подвергнутыми административному наказанию. Между тем общественная опасность данного противоправного деяния, совершенного повторно, в связи с предшествующим привлечением лица к уголовной ответственности не может быть оценена как утратившая характер и степень общественной опасности.

Таким образом, Конституционный Суд РФ признал ст. 116.1 УК РФ несоответствующей Конституции РФ, а также указал, что согласно данной норме лица, имеющие судимость, находятся в привилегированном положении по сравнению с лицами, подвергнутыми административному наказанию. Вследствие вышеизложенного Конституционный Суд РФ указал на то, что законодателю необходимо внести в УК РФ соответствующие изменения.

Если обращаться к судебной практике, то можно увидеть немало примеров, когда несвоевременное и халатное реагирование правоохранительных органов на проблему насилия в семье приводило к причинению вреда здоровью разной степени тяжести и зачастую к убийствам.

Важно отметить, что весной 2019 г. Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин в своем Постановлении назвал Россию ответственной за дискриминацию Шемы Тимаговой, жительницы Чеченской Республики, поскольку правоохранительные органы не оказали должной защиты женщине, несмотря на ее заявления о повторяющемся в отношении нее со стороны мужа домашнем насилии.

Также Комитет ООН рекомендовал России криминализовать домашнее насилие; ввести в законодательство охранные ордера, которые ограничивали бы взаимодействие между виновником и его жертвой; разработать механизмы, которые эффективно боролись с обычаями и практикой, оправдывающими домашнее насилие; а также перевести домашнее насилие в сферу частного-публичного обвинения.

Нельзя не отметить дело Валерии Володиной из Ульяновска, подавшей жалобу в Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) о том, что правоохранительные органы и суды в России не защищают ее от повторяющихся случаев домашнего насилия. Так, в июле 2019 г. своим решением ЕСПЧ присудил Володиной более 25 тыс. евро. Важно заметить, что ЕСПЧ подчеркнул, что существующие в России правовые механизмы защиты прав женщин недостаточны для борьбы с домашним насилием, а государство не готово признать серьезность проблемных [9].

Общественный резонанс вызвало дело Маргариты Грачевой. Согласно материалам дела Грачев Д. Д., супруг Маргариты, не раз применял по отношению к ней физическую силу. Но женщина не обращалась в правоохранительные органы, боясь дальнейших действий супруга. По истечении нескольких недель Грачев стал угрожать Маргарите расправой, если она не признается в измене. Так, Маргарита находилась в его машине, Грачев Д. Д. лишил ее доступа к телефону, заблокировал двери автомобиля и приставил нож к ее шее, угрожая убийством, требовал признаться в измене. Через некоторое время Грачев Д. Д. все-таки отпустил Маргариту, после чего Грачева обратилась в опорный пункт полиции, где написала заявление о привлечении Грачева Д. Д. к уголовной ответственности. Однако важно отметить, что участковый позвонил Грачеву только через 19 дней после начала проверки и ограничился лишь проведением беседы по телефону.

В декабре 2017 г. Маргарита подала заявлением о расторжении брака. Через несколько месяцев у Грачева возник умысел, направленный на совершение похищения Маргариты. Так, Грачев Д. Д., после того как завез детей в дошкольное учреждение, действуя с прямым умыслом, против воли Маргариты направил автомобиль к д. Паниково Серпуховского района Московской области, заблокировал двери транспортного средства. Когда Грачев остановил автомобиль, он требовал, чтобы Маргарита вышла из машины. После ее отказа он угрожал облить ее кислотой, т.е. высказал угрозу применения насилия опасного для жизни и здоровья. Под воздействием угроз Маргарита подошла к пню дерева и положила руки на него, после чего Грачев Д. Д., действуя умышленно, с особой жестокостью, нанес не менее 10 ударов топором по запястьям и кистям, в результате чего отсек кисти рук. Помимо этого, когда Маргарита пыталась отползти в сторону, Грачев Д. Д. нанес топором не менее четырех ударов по наружной поверхности ее бедра. Серпуховский городской суд Московской области приговорил Грачева признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «в», «г» ч. 2 ст. 126, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 126, п. «б», «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ [10].

Анализируя представленное уголовное дело, как и многие другие, становится понятно, что пос-

ле частичной декриминализации домашнего насилия, количество жертв от него не уменьшилось. По-прежнему существует насилие в семье, а механизмы уголовно-правовой защиты до сих пор не установлены, отсутствует и оперативное реагирование, должное внимание со стороны правоохранительных органов на сигналы о домашнем насилии, учреждения здравоохранения также не всегда правильно реагируют на обращения граждан по поводу причинения вреда при домашнем насилии [11].

В 2019 г. был разработан проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия» [12]. Важно, что законопроект дает определение домашнему насилию, закрепляет его виды, а также устанавливает действия правоохранительных органов, которые они обязаны предпринять при поступлении сигнала о домашнем насилии. В качестве одной из мер законопроект предусмотрел «судебное защитное предписание», в связи с которым семейно-бытовому нарушителю запрещается в том числе преследовать пострадавшего. Таким образом, при принятии закона государство будет обязано защищать жертву, поскольку дела о домашнем насилии перейдут в категорию частно-публичных. Пострадавшие от домашнего насилия зачастую не в состоянии сами собрать доказательственную базу, а переход этой обязанности к государству приведет к более эффективному ходу расследования. И, наконец, пострадавшие уже не смогут забрать жалобу под давлением со стороны родственников и иных лиц [13, с. 66–70].

Однако против закона выступили РПЦ и многие общественные организации. Сегодня сложилась неоднозначная ситуация: население разделяется на тех, кто требует ужесточить ответственность за анализируемые деяния, и тех, кто считает нынешнюю редакцию слишком радикальной.

Так, некоторые авторы в своих научных работах высказывают мнение о неоднозначности принятия закона о домашнем насилии и о сопутствующих его принятию проблемах. В качестве аргументов говорится о том, что для принятия такого закона необходимо определить, как его положения будут соотноситься с нормами СК РФ. Если кроме супругов, их детей и близких родственников закон отнесет к кругу субъектов, подлежащих правовой охране от домашнего насилия, иных лиц, которые не имеют формального статуса по отношению друг к другу, это вызовет ряд сложностей, потребуется легализация таких понятий, как, например, «сожительство», «фактическое опекунство» [14, с. 276–278].

Проанализировав научную литературу, можно констатировать, что многие авторы едины во мнении о том, что, когда отсутствовала административной преюдиция, защита от домашнего насилия была более эффективной. Аргументируется это особенностями положения потерпевшего и виновного. Также отмечается, что судебная практика показывает неэффективность решения проблемы домашнего насилия путем привлечения к административной ответственности [15, с. 188–196].

Таким образом, в заключение рассмотрения такой актуальной проблемы, как противодействие домашнему насилию, подытоживая все вышеизложенное, необходимо отметить, что на настоящий момент в России не разработан эффективный механизм по противодействию и предотвращению распространения домашнего насилия. Имеет место проблема, которая связана с соблюдением баланса между интересами семьи и государства, вследствие чего зачастую государство проявляет невмешательство во внутрисемейные отношения граждан, наблюдается попустительство с его стороны нарушениям прав членов семьи. Анализ судебной практики позволяет убедиться в том, что в России правоохранительные органы нередко проявляют бездействие на сигналы о домашнем насилии, что приводит к ужасающим последствиям.

Необходимо выработать комплекс мер, направленных на решение выявленных проблем. Так, для обеспечения безопасного воспитания ребенка в семье предлагается разработка федеральной программы по правовому просвещению несовершеннолетних. Важно обращать внимание на рекомендации международных организаций и принимать соответствующие меры, такие как, например, введение в законодательство охранных ордеров, которые ограничивали бы взаимодействие между нарушителем и его жертвой.

Все-таки нельзя обойтись без принятия специального закона о домашнем насилии. Представляется, что принятие специального нормативного правового акта повлечет за собой формирование позитивного правосознания граждан, а государство сможет защитить субъектов правовой охраны от домашнего насилия. В перспективе предложенная правовая основа может выступить гарантом по противодействию и предотвращению распространения домашнего насилия. Исходя из аргументов, изложенных в работе, можно заключить, что в России необходимо решить вопрос об отнесении уголовных дел о домашнем насилии в категорию частно-публичного обвинения.

Пристатейный библиографический список

1. *Фоменко Е. В.* Актуальные вопросы противодействия преступлениям, связанным с подкупом, в научной и образовательной сферах // Государство, право и общество : вопросы теории и практики : материалы второй Всероссийской научно-практической конференции (г. Сочи, 7–8 февраля 2020 г.) : сборник статей / отв. ред. В. И. Скрябин. Ростов н/Д : Изд-во профессиональной прессы и лит-ры, 2020.
2. Число потерпевших от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, совершенных в отношении члена семьи // Федеральная служба государственной статистики России : сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/family/7-25.xls (дата обращения: 10.04.2021).
3. *Серегина Е. В., Улезько С. И., Филимонова О. Г.* Уголовно-правовая охрана семьи : история, современное состояние и перспективы развития // Наука и образование : хозяйство и экономика ; предпринимательство ; право и управление. 2021. № 1 (128).
4. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс в 10 томах. Т. 1 : Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2 : Цели, система и эффективность наказания / под ред. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитформ, 2021.
5. *Акуленко В. А.* Домашнее насилие по российскому законодательству // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права : теория и практика : материалы VIII международной научно-практической конференции: Тамбов : ИД «Державинский», 2019.
6. *Торговченков В. И.* К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховных Судом России // Законы России : опыт, анализ, практика. 2016. № 1.
7. *Раушенбах А. В.* Домашнее насилие: проблемные аспекты правовой регламентации наступления ответственности // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всероссийской научной конференции курсантов, слушателей и студентов. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2019.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статьи 116.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л. Ф. Саковой» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Самое опасное место : обзор мер по противодействию домашнему насилию. Международный опыт // Правовая инициатива : сайт. URL: <https://www.srji.org/resources/search/obzor-merprotivodeystvi%D0%B0-domashnemu-nasiliiu> (дата обращения: 10.04.2021).
10. Приговор Серпуховского городского суда Московской области от 15 ноября 2018 г. по делу № 1-375/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8lsiuuHkgkox/> (дата обращения: 10.04.2021).
11. *Gallyamova Z. V., Batyukova V. E., Malakhova V. Y., Fomenko E. V.* Health Care System in the USSR (Through the Example of the Kirov Region) // Journal of Advanced Pharmacy Education and Research. 2019. Т. 9. No. 4.
12. Проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
13. *Денисович В. В., Гайдай М. С.* Меры по противодействию домашнему насилию: уголовно-правовой и виктимологический аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Право. 2020. Т. 5. № 3.
14. *Алещенко Д. А.* Действительно ли необходим закон о домашнем насилии в России? // Меридиан. 2020. № 8 (42).
15. *Соловова Д. О.* Проблемные аспекты декриминализации домашнего насилия // Fundamental and Applied Approaches to Solving Scientific Problems : сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции, Уфа, 12 декабря 2019 года. Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2019.

References

1. *Fomenko E. V.* Topical Issues of Countering Crimes Related to Bribery in the Scientific and Educational Spheres. In *Skriabin V. I. (ed.)*. State, Law and Society: Theory and Practice: Materials of the Second All-Russian Scientific and Practical Conference (Sochi, 7–8 February 2020): Collection of Articles. Rostov-on-Don: Publishing House of Professional Press and Literature, 2020.
2. The Number of Victims of Violent Crimes Committed Against a Family Member. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/family/7-25.xls (date of the application: 10.04.2021).

3. *Seregina E. V., Ulezko S. I., Filimonova O. G.* Criminal Legal Protection of the Family: History, Current State and Development Prospects. *Science and Education: Economy and Economy; Entrepreneurship; Law and Governance*. 2021. No. 1 (128).

4. *Lopashenko N. A. (ed.)*. Criminal Law. A Common Part. Punishment. Academic Course in 10 Volumes. Vol. 1: Concept, Goals of Criminal Punishment. The System of Criminal Punishment. Book 2: Objectives, System and Effectiveness of Punishment. Moscow: Iurlitform, 2021.

5. *Akulenko V. A.* Domestic Violence Under Russian Law. In *Actual Problems of Criminal Law, Criminology, Criminal Procedure and Penal Law: Theory and Practice: Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Tambov: Publishing House Derzhavinskii, 2019.

6. *Torgovchenkov V. I.* On the Issue of Amendments to the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Russian Federation, Proposed by the Supreme Court of Russia. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2016. No. 1.

7. *Rauschenbakh A. V.* Domestic Violence: Problematic Aspects of Legal Regulation of the Onset of Responsibility. In *Problems of Improving Russian Legislation: Collection of Abstracts of the All-Russian Scientific Conference of Cadets, Listeners and Students*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2019.

8. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 8 April 2021 No. 11-P "In the Case of Checking the Constitutionality of Article 116.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizen L. F. Sakova" (SPS "ConsultantPlus").

9. The Most Dangerous Place: An Overview of Measures to Counter Domestic Violence. International Experience. URL: <https://www.srji.org/resources/search/obzor-merprotivodeystvi%D0%B0-domashnemu-nasiliiu> (date of the application: 10.04.2021).

10. Sentence of the Serpukhov City Court of the Moscow Region of 15 November 2018 in case No. 1-375/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8lsiuuHkgkox/> (date of the application: 10.04.2021).

11. *Gallyamova Z. V., Batyukova V. E., Malakhova V. Y., Fomenko E. V.* Health Care System in the USSR (Through the Example of the Kirov Region). *Journal of Advanced Pharmacy Education and Research*. 2019. T. 9. No. 4.

12. Draft Federal Law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

13. *Denisovich V. V., Gaidai M. S.* Measures to Counter Domestic Violence: Criminal Law and Victimological Aspects. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*. 2020. Vol. 5. No. 3.

14. *Aleshchenko D. A.* Is It Really Necessary to Have a Law on Domestic Violence in Russia? *Meridian*. 2020. No. 8 (42).

15. *Solovova D. O.* Problematic Aspects of Decriminalization of Domestic Violence. In *Fundamental and Applied Approaches to Solving Scientific Problems: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Ufa, 12 December 2019*. Ufa: Scientific Publishing Center "Bulletin of Science", 2019.

ВЕБ-КОНФЕРЕНЦИЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ПРОБЕЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-39-46>

Актуальность исследования обусловлена отсутствием законодательного регулирования проведения судебного заседания в форме веб-конференции в цивилистическом процессе России. Предметом исследования выступают законодательство, судебные акты, проекты законов, регулирующие возможность проведения веб-конференции. Цель работы заключается в выявлении пробелов нормативно-правовой базы, содержащей правила и порядок действий лиц, участвующих в цивилистическом процессе, при проведении веб-конференции, для совершенствования процессуального законодательства России. При подготовке статьи были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения, прогнозирования, а также частнонаучные методы: сравнительно-правовой, формально-логический, прогнозирования. В результате исследования были сформулированы выводы, обладающие научной новизной. В их числе предлагается устанавливать личность гражданина, участвующего в веб-конференции, по документам, удостоверяющим личность, а также с помощью дистанционных сервисов. Авторами делаются выводы об отсутствии необходимости получения УКЭП свидетелем, переводчиком и экспертом в целях заверения для суда подписки об их ответственности за дачу показаний. Обоснована позиция о нерациональном с точки зрения финансов и сложности осуществления на практике участия нотариуса в качестве лица, которое может заверить вышеназванный документ своей УКЭП в целях реализации законности получения электронного документа посредством участия названных лиц в онлайн-заседании. Выявлены практические вопросы отсутствия законодательного регулирования веб-конференции. В частности, рассмотрены вопросы отложения (перерыва) судебного заседания в целях проведения онлайн-заседания после возобновления процесса.

ГРИГОРЬЕВА

Тамара Александровна

доктор юридических наук,
профессор кафедры арбитражного
процесса Саратовской
государственной юридической
академии (г. Саратов)

tgrigorieva17@mail.ru

КРУЖАЛОВА

Алена Валерьевна

преподаватель кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)

a.kruzhalova@mail.ru

ЩЕРБАКОВА

Лилия Геннадиевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии, доцент
кафедры гражданского права
и процесса Поволжского института
юридической академии, филиала
Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Саратов)

lilia2107@mail.ru

**Электронное правосудие;
цивилистика;
онлайн-заседание,
видеоконференц-связь;
веб-конференция**

Tamara A. GRIGIRIEVA

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Department of Arbitration Procedure,
Saratov State Law Academy (Saratov)

tgrigorieva17@mail.ru

Alena V. KRUSHALOVA

Teacher, Department of Arbitration
Procedure, Saratov State Law
Academy (Saratov)

a.kruzhalova@mail.ru

WEB CONFERENCE IN CIVIL PROCEDURE OF RUSSIA: GAPS IN LEGISLATION

The relevance of the study is due to the lack of legislative regulation of holding a court session in the form of a web conference in the civil process of Russia. The subject of the study is legislation, judicial acts, draft laws regulating the possibility of holding a web conference. The purpose of the work is to identify gaps in the regulatory framework containing the rules and procedures for the actions of persons participating in the civil procedure process, when holding a web conference, to improve the procedural legislation of Russia. When preparing the article, general scientific methods of analysis, synthesis, generalization,

Lilia G. SHCHERBAKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Arbitration Procedure, Saratov
State Law Academy, Associate
Professor, Department of Civil Law
and Procedure, Volga Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (Saratov)
lilia2107@mail.ru

**E-justice;
civil law;
online meeting,
video conferencing;
web conference**

forecasting, as well as private scientific methods – comparative-legal, formal-logical, forecasting were used. As a result of the study, conclusions with scientific novelty were formulated. Among them, it is proposed to establish the identity of a citizen participating in a web conference using identity documents, as well as using remote services. The authors draw conclusions about the absence of the need for a witness, an interpreter and an expert to obtain a UKEP in order to certify for the court a subscription about their responsibility for giving evidence. The article substantiates the position that the participation of a notary as a person who can certify the above-mentioned document with his UKEP in order to implement the legality of obtaining an electronic document through the participation of these persons in an online meeting is irrational from the point of view of finance and complexity in practice. The practical issues of the lack of legislative regulation of the web conference are identified. In particular, the issues of postponing (interrupting) the court session for the purpose of holding an online meeting after the resumption of the process were considered.

Возможность проведения судебного заседания в онлайн формате, появившаяся благодаря пандемии COVID-19, была зафиксирована в постановлении Президиума Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 [1] (далее – Постановление № 822), но не нашла отражения в кодифицированных нормативных актах. Имеющееся техническое описание проведения веб-конференции, регламентация способа и формы подачи ходатайства заинтересованного лица о его проведении способствуют возникновению коллизий и нарушению процессуальных прав участников процесса. Дело в том, что участие заинтересованных лиц удаленно в гражданском процессе на момент объявления режима самоизоляции было возможно только в виде взаимодействия внутри судебной системы, без использования личного оборудования заинтересованных лиц.

Пандемия показала необходимость внедрения в судебную систему России возможности дистанционного участия в судебном заседании с помощью веб-конференции. Верховный Суд РФ с 2019 г. в своей деятельности использует соответствующие программно-технические средства. 21 апреля 2020 г. ВС РФ провел веб-конференцию, в которой были использованы личные средства связи заинтересованных в рассмотрении дела лиц, а не только технические возможности суда [2], по итогам которой было опубликовано Постановление № 822, а у нижестоящих судов появился прецедент, на основании которого стало возможно использование иных технических средств кроме средств видеоконференц-связи (далее – ВКС) для доступа к правосудию. Таким образом, хотя изменения в Арбитражный процессуальный кодекс РФ [3] (далее – АПК РФ) и в Гражданский

процессуальный кодекс России [4] (далее – ГПК РФ) и не были приняты, арбитражные суды и суды общей юрисдикции смогли использовать возможности онлайн-заседания, не опасаясь процессуальных последствий в виде отмены судебного постановления по рассматриваемому делу. Итогом стала разработка Минюстом России 19 октября 2020 г. проекта федерального закона о внесении изменений в кодифицированные и иные законодательные акты [5] (далее – Проект Минюста России), в соответствии с которым будет законодательно закреплена дистанционная форма участия в судебном заседании, как веб-конференция. В апреле 2021 г. Правительством РФ был внесен на рассмотрение свой проект федерального закона № 1144921-7 [6], касающийся вопроса «регулирования дистанционного участия в судебном процессе» (далее – Проект Правительства РФ).

Веб-конференция в России представляет собой проведение онлайн-заседания. Системой не предусмотрено использование платформы для персональных телефонов, как это, например, реализовано в Республике Казахстан посредством внедрения программы TrueConf [7], проекта «Виртуальный суд». Использование таких сервисов, как Skype, Viber, WhatsApp, либо сервиса WeChat [8, p. 352–354], используемого Китаем, Webex, Zoom, Teams, используемых Португалией при рассмотрении дел в условиях санитарно-эпидемиологических ограничений [9], также не рассматривается как один из видов веб-конференции, что аргументируется правами иностранных организаций на соответствующие продукты интеллектуальной собственности, а также способ и место хранения личных данных лиц, пользующихся названным программным обеспечением [10, с. 142].

В АПК РФ согласно проектам закона о внесении изменений, внесенным на рассмотрение Минюстом России и Правительством РФ, вводится новая ст. 153.2 «Участие в судебном заседании путем использования системы веб-конференции», а в ГПК РФ соответственно – ст. 155.2 с аналогичным названием. Текст приведенных статей практически идентичен, если брать в сравнении два проекта, тем не менее хотелось бы остановиться на различиях.

Абзац 2 ч. 1 ст. 153.2 АПК РФ и абз. 2 ч. 1 ст. 155 ГПК РФ в формулировке Проекта Минюста России использует следующее: «установление личности гражданина... осуществляется по документам, удостоверяющим личность гражданина...». В Проекте Правительства РФ идентификация участвующих в рассматриваемом судебном деле лиц, согласно представленной редакции анализируемой части текста, говорится лишь о возможности «использования информационно-технологических средств». На наш взгляд, «поглощение» возможности распознавания физического лица по паспорту (иному равнозначному ему) объясняется обязанностью лица при подаче ходатайства об участии в судебном заседании посредством онлайн-заседания прикрепить копию паспорта (п. 6 Инструкции получения доступа к онлайн-заседанию [11]). Фотография в документе и будет служить изображением, по которому будет проходить идентификация лица с использованием биометрической системы.

Приведем пример. Московский городской суд совместно с IT-компанией КРОК, используя технологию видеоаналитики (биометрическая система), провели онлайн-заседание. В течение всего времени проведения судебного заседания система контролировала «факт» нахождения того лица, которое заявило желание о проведении судебного заседания онлайн, тому лицу, которое непосредственно участвует в процессе в реальном времени. Указанная функция проводит идентификацию постоянно во время судебного разбирательства при неизменности 30% поверхности лица, а при замене участника процесса система при помощи индикатора сигнализирует судье о нарушении, смене субъекта [12].

Если мы говорим об онлайн-заседании как одном из видов веб-конференции, которое на практике в связи с ограничениями, вызванными пандемией, было введено в арбитражных судах России, а по их примеру апробируется в судах общей юрисдикции. Те инструкции, которые мы имеем на сегодняшний день, запрещают находиться нескольким лицам в судебном процессе онлайн через один личный кабинет, в том числе через аккаунт организации, в том числе если при проведении ВКС запрашивается возможность содействия судов в проведении судебного заседания независимо от того, какой состав лиц бу-

дет представлять интересы конкретного участника дела. Но при проведении онлайн-заседания смена представителя, например, будет означать необходимость отправления нового запроса суду о возможности участия через систему веб-конференции, что не требуется в рамках ст. 153.1 АПК РФ и ст. 155.1 ГПК РФ.

В то же время веб-конференция не ограничивается формой онлайн-заседания с подключением к суду через технически выверенный сервис, в том числе с отсутствием возможности нахождения нескольких лиц, представляющих интересы одного участника процесса, посредством соединения с ними через личный кабинет одного из таких лиц. И если множественность субъектов в арбитражном процессе мы можем исключить очень условно, исходя из категории рассматриваемых дел, передав свои полномочия «специализированному» субъекту – юристу (адвокату), то в рамках гражданского судопроизводства, где у субъектов правоотношения, простых граждан, могут быть проблемы с технической составляющей процесса – будет необходимость привлечения сторонних лиц, в том числе юристов, для возможности участия в онлайн-заседании в том виде, которое существует в настоящий момент на практике.

Принципы гласности, открытости, в том числе транспарентности, судебного разбирательства подразумевают доступ в открытое судебное заседание неопределенного круга лиц. Если при использовании ВКС такие лица могут присутствовать посредством нахождения в зале судебного заседания в суде, рассматривающем дело, или в суде, содействующем правосудию, то при применении веб-конференции исключается множественность, в том числе и присутствие каких-либо лиц через личный кабинет стороны, которое подало ходатайство об участии в деле онлайн. В том числе законом не предусмотрено право заинтересованных лиц, не являющихся участниками рассматриваемого дела, подачи ходатайства о проведении веб-конференции.

Таким образом, предлагаем законодателю оставить формулировку абз. 2 ч. 1 ст. 153.2 АПК РФ и абз. 2 ч. 1 ст. 155.2 ГПК РФ в формулировке Проекта Минюста России, так как необходимо закрепить возможность множественности субъектов, которые будут участвовать в онлайн-заседании через один личный кабинет посредством предъявления паспорта через ВКС, с предъявлением электронной копии документа, удостоверяющего личность, в суд, в том числе для внесения данных в биометрическую систему.

В абз. 2 ч. 1 ст. 153.2 АПК РФ и абз. 2 ч. 1 ст. 155.2 АПК РФ Проекта Минюста России говорится, что «установление личности гражданина... осуществляется... а также с использованием информационно-технологических средств, обеспечивающих

дистанционную идентификацию и аутентификацию лица...», в Проекте Правительства РФ вместо термина «дистанционности» используется формулировка «без его личного присутствия». Надо заметить, что веб-конференция не исключает личное присутствие лица, а наоборот дает возможность защищать свои права самостоятельно, без участия представителя. Онлайн-заседание как одно из составляющих электронного правосудия не исключает принцип устности и письменности судебного разбирательства, равноправия сторон, диспозитивности и доступности судебной защиты прав и законных интересов, а лишь изменяет ее форму, реализуя взаимоотношения между участниками процесса и судом с помощью технических средств. Использование формулировки идентификации и аутентификации лица «без личного присутствия» заинтересованного лица исключает непосредственное участие названных лиц в их желании участвовать в рассмотрении дела. Согласие на обработку персональных данных дает непосредственно то лицо, чья информация будет использована для доступа в веб-конференцию, соответственно термин «дистанционность» переводит взаимоотношения в электронно-техническую плоскость, когда как формулировка, использованная в Проекте Правительства РФ, предполагает работу с автоматизированными системами данных, где лицо до начала судебного разбирательства передал право доступа к своим данным. Такой подход невозможен в связи с положениями Федерального закона «О персональных данных», в том числе с учетом новых положений ст. 10.1, касающихся ужесточения контроля распространения личных данных [13].

Таким образом, предлагаем законодателю оставить формулировку абз. 2 ч. 1 ст. 153.2 АПК РФ и абз. 2 ч. 1 ст. 155.2 ГПК РФ в формулировке Проекта Минюста России, так как обеспечение дистанционной идентификации и аутентификации лица предполагает использование электронных технологий для личного волеизъявления заинтересованного лица в проведении веб-конференции.

Часть 4 ст. 153.2 АПК РФ и ч. 4 ст. 155.2 ГПК РФ в рассматриваемых проектах закрепляют механизм получения подписки о разъяснении обязанностей и ответственности свидетелям, экспертам и переводчикам. В Проекте Минюста России указано, что такой документ будет храниться в материалах дела суда в электронном виде, а также он должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью (далее – УКЭП) лица, у которого берется подписка, либо УКЭП нотариуса. Надо заметить, что доступ к веб-конференции происходит через Портал «Госуслуги» (ЕСИА), где используется простая электронная подпись лица при подаче документов через авторизацию лица в названной системе. Вход

может быть осуществлен в том числе и по электронной цифровой подписи, но надо понимать, что такой вид подписи гражданам России, которые не ведут деятельность, связанную с электронным документооборотом, не получается без крайней необходимости, т.е. если нет возможности взаимодействия с организациями и государственными органами в режиме офлайн. Таким образом, для реализации участия свидетеля, переводчика в судебном заседании онлайн ему необходимо не только иметь соответствующее оборудование, требования к которому предъявляет закон, но и оплатить получение УКЭП в размере от 800 до 1800 руб. Что касается наличия УКЭП у экспертов, то данный вид подписи должен иметься в обязательном порядке у тех экспертов, которые прямо указаны в законе (например, у технических экспертов (п. 15 Правил проведения технического осмотра транспортных средств [14])).

Что касается УКЭП нотариуса, которое указывается в Проекте Минюста России, то согласно п. 12.4 ч. 1 ст. 22.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [15] нотариальный тариф за завершение электронного документа равнозначного письменному документу составляет 50 руб., плюс оплата технических услуг от 500 руб. При этом в проекте закона не уточняется, должен ли свидетель, переводчик, эксперт получить документ у нотариуса заранее до даты проведения судебного заседания либо нотариус участвует в онлайн-заседании, в котором необходимо использовать УКЭП, например. Удостоверение подписки нотариусом при проведении веб-конференции является, на наш взгляд, трудно осуществимой технической, а также финансово и временно затратной процедурой.

Таким образом, перед свидетелями, переводчиками, экспертами будет стоять выбор участия в судебном заседании офлайн, через систему ВКС, т.е. посредством осуществления содействия одного из судов другому, или через систему веб-конференции, используя персональное оборудования, но с затратами на получение УКЭП. На наш взгляд, нет необходимости в получении УКЭП названными лицами, текст подписки может быть написан собственноручно искомым лицом при установлении связи с судом, потом документ пересылается в электронном виде в суд, рассматривающий дело, так же как и другие документы, отправленные через портал «Госуслуги» (ЕСИА) с помощью простой электронной подписи, а суд в свою очередь будет иметь аудио- и видеозапись указанной процедуры, в том числе судья может заверить документ своей УКЭП при необходимости.

Веб-конференция как форма участия в судебном заседании стала возможной после опубликования Постановления № 822, период действия которого согласно п. 9 составлял с 8 апреля 2020 г. по

11 мая 2020 г. – таким образом, оно утратило силу. С одной стороны, суды, основываясь на вышеописанном факте, а также в связи с отсутствием норм, закрепляющих порядок проведения веб-конференции, имеют право отклонять ходатайство о проведении онлайн-заседания. С другой стороны, вышеназванное Постановление № 822 закрепляет право суда при наличии технической возможности проведения дистанционного судебного заседания и не говорит о том, что данная возможность теряется с прекращением ограничительных мер санитарно-эпидемиологического характера.

С учетом того, что в системе арбитражных судов России веб-конференция впервые была проведена в Арбитражном суде Ямало-Ненецкого автономного округа 28 апреля 2020 г. по делу № А81-172/2020 [16], т.е. до опубликования Постановления № 822, а также на 1 апреля 2021 г. доступ к онлайн-заседанию в арбитражных судах России имеют 100 из 116 арбитражных судов России [17], можно сделать вывод о том, что данная система работает, происходит финансирование судов, результатом которого устанавливается необходимое оборудование и программное обеспечение. Но надо заметить, что сообщения юристов о том, что ходатайства о проведении веб-конференции отклоняются по причине истечения срока действия Постановления № 822, имеют место [18]. Проверка данных обстоятельств осложняется тем, что по сравнению с ВКС, где выносятся определения об отказе или об удовлетворении ходатайства о проведении ВКС, доступ к которому предоставляется неограниченному кругу лиц посредством сервиса «Картотека арбитражных дел», то в случае с онлайн-заседанием в карточке дела появляется строка-информация без прикрепления определения суда, в том числе при отклонении ходатайства лица данные в электронную карточку дела не заносятся. Хотя некоторые судьи Арбитражного суда Республики Калмыкия в случае одобрения ходатайства о проведении онлайн-заседания выносят определение по аналогии с ВКС (см., например, дела № А22-1300/2019 [19] и № А22-1073/2018 [20]).

Основным вопросом практического характера является отсутствие указания в проектах, подготовленных Минюстом РФ и Правительством РФ, на возможные ограничения или права заинтересованных лиц, в случае множественности участников правоотношения, участвовать в судебном заседании в разных формах: офлайн, непосредственно в зале суда; с использованием средств ВКС; посредством использования личного оборудования – онлайн. С одной стороны, это означает, что стороны пользуются равными правами, следовательно, вправе участвовать в деле дистанционно или очно. С другой стороны, нестабильность видео- и аудиосигнала может привести к тому, что одновременное проведение судебного заседа-

ния в названных формах может привести к ограничению прав участвующих лиц. Так, судебное заседание откладывается при возникновении технических неполадок (ч. 5 ст. 158 АПК РФ и ч. 1 ст. 169 ГПК РФ). При использовании и ВКС и веб-конференции вероятность нестабильности связи удваивается, следовательно, увеличивается срок рассмотрения конкретного дела.

Проведение веб-конференции после вынесения судом определения об отложении (перерыве) судебного заседания также не урегулировано в проектах. Вносится лишь новое основание отложения дела в связи с обоснованными сомнениями в личности лица, его соответствии тому лицу, которое выразило волеизъявление на участие в судебном заседании онлайн. В связи с отсутствием указаний возможно несколько вариантов:

1) подача ходатайства на каждое судебное заседание. При этом по ходатайству о возможности участия в судебном заседании онлайн, если объявлен перерыв судебного заседания, с учетом его сроков, а также сроков на согласование такой формы заседания (согласно регламенту конкретного суда в среднем не менее чем за пять дней до соответствующего разбирательства [21]), должно быть вынесено решение по искомому вопросу в том же определении, в котором объявляется перерыв судебного заседания. В том числе надо иметь в виду, что если суд заверил о возможности участия заинтересованных лиц в судебном заседании после отложения дела в форме веб-конференции, данный факт фиксируется с помощью средств аудио- и видеозаписи, то в случае отсутствия ссылки для подключения такие действия суда будут свидетельствовать об ограничении права лица на доступ к правосудию (см., например, дело № А70-8325/2020 [22]);

2) подача одного ходатайства, в котором указывается единственная возможная форма участия субъекта на весь период рассмотрения дела.

Таким образом, пандемия оказала влияние на внедрение новых информационных технологий в цивилистический процесс России. Несмотря на разнообразие использования электронных платформ в правосудии [23, с. 52–60], существенные недостатки в электронном документообороте в гражданском процессе [24, с. 403–410], а также учитывая опыт зарубежных стран, например Великобритании, где пандемия не стала препятствием для внесения изменений в Правила гражданского судопроизводства [25], российское судопроизводство является прогрессивным по доступности правосудия. Апробация технического оборудования, внедрение системы веб-конференции в судопроизводство основано на праве лиц на доступ к правосудию даже в условиях ограничительных мер. Созданный прецедент ВС РФ, который на

своем примере внедрил систему веб-конференции, позволяет арбитражным судам, судам общей юрисдикции рассматривать дела без законодательно установленных норм по соответствующему вопросу. Выявленные вопросы формулирования норм в проектах Минюста России и Правительства РФ позволяют до внесения изменений в кодифицированные

акты получить замечания судей, практических работников, а также лиц, занимающихся научной деятельностью. Это говорит о том, что конечный вариант проекта, который будет реализован в тексте соответствующего федерального закона, будет учитывать все недостатки, выявленные в ходе апробации веб-конференции в судах.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Президиума Верховного Суда РФ и Президиума Совета судей РФ от 29 апреля 2020 г. № 822 «О внесении изменений в постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821» // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://vsrf.ru/files/28876/> (дата обращения: 15.06.2021).
2. Веб-конференция в Верховном Суде Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/28867/ (дата обращения: 15.06.2021).
3. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
5. Проект федерального закона «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минюстом России 19 октября 2020 г.) // СПС «Гарант».
6. Проект федерального закона № 1144921-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования дистанционного участия в судебном процессе» (внесен Правительством РФ 6 апреля 2021) // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (дата обращения: 15.06.2021).
7. Инструкция по настройке и использованию мобильного приложения видеоконференцсвязи «TrueConf» // Верховный суд Республики Казахстан : сайт. URL: <https://sud.gov.kz/sites/default/files/newfiles/instrukciya.pdf> (дата обращения: 15.06.2021).
8. Peng J., Xiang W. The Rise of Smart Courts in China: Opportunities and Challenges to the Judiciary in a Digital Age // Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research (NNJLSR). 2019. No. 9.
9. Tools for courts and practitioners. Taking evidence by videoconferencing – Portugal // European e-Justice Portal : сайт. URL: https://e-justice.europa.eu/content_taking_evidence_by_videoconferencing-405-pt-en.do?member=1 (дата обращения: 15.06.2021).
10. Прохоров М. Ю., Данилов Д. Б. К вопросу о перспективах развития онлайн-правосудия по гражданским делам // Общество и право. 2020. № 3 (73).
11. Как получить доступ к судебному онлайн-заседанию? // МойАрбитр : сайт. URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/55> (дата обращения: 15.06.2021).
12. КРОК помог Мосгорсуду провести дистанционное заседание с распознаванием лиц // КРОК. Цифровая трансформация : сайт. URL: <https://www.croc.ru/media-center-ru/news-ru/justice-online-croc-delivers-facial-recognition-for-moscow-city-court/> (дата обращения: 15.06.2021).
13. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 519-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных»» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 58.
14. Постановление Правительства РФ от 15 сентября 2020 г. № 1434 «Об утверждении Правил проведения технического осмотра транспортных средств, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 39. Ст. 6031.
15. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ от 11 февраля 1993 г. № 4462-1) // Российская газета. 1993. 13 марта. № 49.
16. Дело № А81-172/2020. Судебное заседание от 28 апреля 2020 г. Видеозапись. // Арбитражный суд Ямало-Ненецкого автономного округа : сайт. URL: <https://yamal.arbitr.ru/node/14094> (дата обращения: 15.06.2021).
17. Перечень судов, для которых доступна возможность проведения онлайн-заседаний // МойАрбитр : сайт. URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (дата обращения: 15.06.2021).

18. *Твердой В. П.* Арбитражные суды стали отклонять ходатайства об участии в онлайн-заседаниях по причине того, что срок действия Постановления Президиума ВС РФ от 08.04.2020 № 821 истек // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/3/arbitrazhnye_sudy_stali_otklonyat_hodatajstva_ob_uchastii_v_onlajn-zasedaniyah_po_prichine_togo_chno (дата обращения: 15.06.2021).

19. Определение Арбитражного суда республики Калмыкия от 5 апреля 2021 г. по делу № А22-1300/2019 // Электронное правосудие. Банк решений арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/1478665b-03bf-4602-9b4d-c88acf7a3611/a6fd9b01-9947-4a1b-9860-e0720d87f1f4/%D0%9022-1300-2019__20210405.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021).

20. Определение Арбитражного суда республики Калмыкия от 25 марта 2021 г. по делу № А22-1073/2018 // Электронное правосудие. Банк решений арбитражных судов : сайт. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/b6308827-0bac-4904-9455-7aea812da01e/ee7312e7-765e-48cd-8050-7ab7a937cf4e/%D0%9022-1073-2018__20210325.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021).

21. Обязательные требования к подаче ходатайства об участии в онлайн-заседании // Пятый арбитражный апелляционный суд : сайт. URL: <https://5aas.arbitr.ru/node/15039> (дата обращения: 15.06.2021).

22. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 18 марта 2021 г. по делу № А70-8325/2020 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел : сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/38d1f7ae-efef-481c-8b6a-466218c53ccf/110c5af0-9fe0-463c-a81b-3bf1f980eb71/A70-8325-2020_20210323_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 15.06.2021).

23. *Королева А. Н., Губина Е. Н.* Цифровые платформы в правосудии: за и против // Актуальные проблемы правообразования. 2020. № 4 (68).

24. *Borisova V. F., Afanasiev S. F.* (2019) *Realia and Prospects of Civil E-Justice Legal Regulation // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Ed. by E.G. Popkova. Cham: Springer, 2019.*

25. *Civil Procedure Rules // Ministry of Justice : сайт.* URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil> (дата обращения: 15.06.2021).

References

1. Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation and the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of 29 April 2020 No. 822 "On Amendments to the Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, the Presidium of the Council of Judges of the Russian Federation of 8 April 2020 No. 821". URL: <https://vsrf.ru/files/28876/> (date of the application: 15.06.2021).

2. Web Conference in the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/28867/ (date of the application: 15.06.2021).

3. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 30. Art. 3012.

4. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14 November 2002 No. 138-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 46. Art. 4532.

5. Draft Federal Law "On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and other legislative acts of the Russian Federation" (prepared by the Ministry of Justice of Russia on 19 October 2020) (SPS "Garant").

6. Draft Federal Law No. 1144921-7 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Regulation of Remote Participation in Judicial Proceedings" (introduced by the Government of the Russian Federation on 6 April 2021)". URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1144921-7> (date of the application: 15.06.2021).

7. Supreme Court of the Republic of Kazakhstan. Instructions for Setting up and Using the Mobile Video Conferencing Application "TrueConf". URL: <https://sud.gov.kz/sites/default/files/newfiles/instrukciya.pdf> (date of the application: 15.06.2021).

8. *Peng J., Xiang W.* The Rise of Smart Courts in China: Opportunities and Challenges to the Judiciary in a Digital Age. *Naveiñ Reet: Nordic Journal of Law and Social Research (NNJLSR)*. 2019. No. 9.

9. Tools for courts and practitioners. Taking evidence by videoconferencing – Portugal. URL: https://e-justice.europa.eu/content_taking_evidence_by_videoconferencing-405-pt-en.do?member=1 (date of the application: 15.06.2021).

10. *Prokhorov M. Iu., Danilov D. B.* On the Prospects for the Development of Online Justice in Civil Cases. *Society and Law*. 2020. No. 3 (73).

11. MyArbitr. How Do I Get Access to the Online Court Session? URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/55> (date of the application: 15.06.2021).

12. CROC Helped the Moscow City Court to Hold a Remote Meeting with Face Recognition. URL: <https://www.croc.ru/media-center-ru/news-ru/justice-online-croc-delivers-facial-recognition-for-moscow-city-court/> (date of the application: 15.06.2021).

13. Federal Law of 30 December 2020 No. 519-FZ "On Amendments to the Federal Law 'On Personal Data'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2021. No. 1 (part 1). Art. 58.

14. Decree of the Government of the Russian Federation of 15 September 2020 No. 1434 "On Approval of the Rules for the Technical Inspection of Vehicles, as Well as on Amendments to Some Acts of the Government of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 39. Art. 6031.

15. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Soviet of the Russian Federation of 11 February 1993 No. 4462-1). *Rossiiskaia Gazeta*. 1993. No. 49.

16. Arbitration Court of the Yamalo-Nenetskiy Autonomous Okrug. Case No. A81-172/2020. Court session of 28 April 2020. Video recording. URL: <https://yamal.arbitr.ru/node/14094> (date of the application: 15.06.2021).

17. MyArbitr. List of Courts for Which the Possibility of Holding Online Sessions Is Available. URL: <https://my.arbitr.ru/#help/4/56> (date of the application: 15.06.2021).

18. *Tverdoi V.P.* Arbitration Courts Began to Reject Applications for Participation in Online Meetings Due to the Fact That the Period of Validity of the Resolution of the Presidium of the Armed Forces of the Russian Federation of 08.04.2020 No. 821 Has Expired. URL: https://zakon.ru/blog/2020/9/3/arbitrazhnye_sudy_stali_otklonyat_hodatajstva_ob_uchastii_v_onlajn-zasedaniyah_po_prichine_togo_chno (date of the application: 15.06.2021).

19. Determination of the Arbitration Court of the Republic of Kalmykia of 5 April 2021 in case No. A22-1300/2019. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/1478665b-03bf-4602-9b4d-c88acf7a3611/a6fd9b01-9947-4a1b-9860-e0720d87f1f4/%D0%9022-1300-2019__20210405.pdf?isAdd (date of the application: 15.06.2021).

20. Determination of the Arbitration Court of the Republic of Kalmykia of 25 March 2021 in case No. A22-1073/2018. URL: https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/b6308827-0bac-4904-9455-7aea812da01e/ee7312e7-765e-48cd-8050-7ab7a937cf4e/%D0%9022-1073-2018__20210325.pdf?isAddStamp=True (date of the application: 15.06.2021).

21. Fifth Arbitration Court of Appeal. Mandatory Requirements for Filing an Application for Participation in an Online Meeting. URL: <https://5aas.arbitr.ru/node/15039> (date of the application: 15.06.2021).

22. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian Okrug of 18 March 2021 in case № A70-8325/2020. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/38d1f7ae-fefe-481c-8b6a-466218c53ccf/110c5af0-9fe0-463c-a81b-3-bf1f980eb71/A70-8325-2020__20210323_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of the application: 15.06.2021).

23. *Koroleva A. N., Gubina E. N.* Digital Platforms in Justice: *Pro and Contra. Actual Problems of Jurisprudence*. 2020. No. 4 (68).

24. *Borisova V. F., Afanasiev S. F.* Realia and Prospects of Civil E-Justice Legal Regulation. In *Popkova E.G. (ed.)*. *Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT*. Cham: Springer, 2019.

25. Civil Procedure Rules. URL: <https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/civil> (date of the application: 15.06.2021).

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭСКИЗ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-47-55>

Авторами в работе дана криминологическая характеристика преступлений террористического характера. Актуальность изучения этой темы подтверждается высокой степенью общественной опасности терроризма, которая состоит в том, что он проповедует насильственные методы разрешения конфликтов в обществе, порождает чувство страха, панику, подавляя тем самым позитивную активность людей, препятствует нормальному функционированию органов власти, обесценивает человеческую жизнь. Противодействие этому опасному явлению относится к одному из приоритетных направлений уголовной политики нашего государства. Предметом настоящего исследования являются криминологически значимые признаки преступлений террористического характера. Целью написания статьи является исследование основных аспектов преступлений террористического характера для выработки в перспективе эффективной методики противодействия этой группе преступлений. Методологическую основу работы составили общенаучные методы познания, а также частнонаучные методы, такие как формально-юридический, историко-логический, статистический, метод правового моделирования и другие методы в их различном сочетании. В работе сделан вывод о том, что только детальное исследование криминологической характеристики преступлений террористического характера, обуславливающей их возникновение и распространение, позволяет ученым выработать реально эффективные меры по профилактике и предупреждению этой группы преступлений.

МАТОРИН

Михаил Александрович

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Калуга)

mihamvd@yandex.ru

МАТОРИНА

Юлия Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Калуга)

yulyamatorina@yandex.ru

ФОМЕНКО

Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

89266006361@mail.ru

**Терроризм;
преступления
террористического характера;
криминологическая
характеристика;
уголовная политика**

Mikhail A. MATORIN

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure and Operational Investigative Activities, Kaluga Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice (Kaluga)
mihamvd@yandex.ru

CRIMES OF A TERRORIST NATURE: A CRIMINOLOGICAL SKETCH

The authors of the paper give a criminological characteristic of terrorist crimes. The relevance of studying this topic is confirmed by the high degree of public danger of terrorism, which consists in the fact that it preaches violent methods of resolving conflicts in society, generates a sense of fear, panic, thereby

Yulia N. MATORINA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Head of the
Department of Criminal Law
Disciplines, Kaluga Institute (Branch)
of All-Russian State University of
Justice (Kaluga)
yulyamatorina@yandex.ru

Elena V. FOMENKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Leading
Researcher, Center for Scientific
Research, All-Russian State University
of Justice (Moscow)
89266006361@mail.ru

**Terrorism;
crimes of a terrorist nature;
criminological characteristics;
criminal policy**

suppressing positive activity of people, hinders the normal functioning of government bodies, devalues human life. Countering this highly dangerous phenomenon is one of the priority directions of the criminal policy of our state. The subject of this study is criminologically significant signs of terrorist crimes. The purpose of this article is to study criminologically significant aspects of a terrorist crime in order to develop an effective method of countering this group of crimes in the future. The methodological basis of the work was made up of general scientific methods of cognition, as well as private scientific methods, such as: formal-legal, historical-logical, the method of legal modeling and other methods in their various combinations. The paper concludes that only a detailed study of the criminological characteristics of terrorist crimes that cause their occurrence and spread allows scientists to develop really effective measures for the prevention and prevention of this group of crimes.

Терроризм – сложное, многоаспектное, разнообразное по своим формам явление. Проблематика борьбы с ним возросла до глобальных масштабов, став важной частью обеспечения не только национальной, но и международной безопасности.

Общественная опасность терроризма не вызывает сомнений. В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г., он определяется как угроза национальной безопасности.

Исследователи отмечают, что преступлениям террористического характера в современном мире присущи такие признаки, как высокая технологичность, озлобленность и жестокость, масштабность и широкая распространенность. Они становятся все более циничными, изощренными, несут большие человеческие жертвы, значительный материальный ущерб и огромную социально-психологическую травму обществу [1, с. 3–4]. Вместе с тем они оказывают значительное негативное воздействие на социально-экономическое развитие общества и уровень доверия населения к общественным институтам [2].

Мы уже обращали внимание в более ранних работах на то, что повышенная общественная опасность терроризма обусловлена еще и его сопряженностью с экстремизмом и коррупцией [3, с. 57–62; 4, с. 3], которые является своего рода плацдармом и питательной средой для совершения преступлений террористического характера.

Борьба с терроризмом является одним из приоритетных направлений политики нашего государства. Уголовное законодательство РФ предоставляет достаточные возможности для успешного противодействия этому опасному явлению и назначения виновным справедливого наказания, вплоть до пожизненного лишения свободы [5].

Согласно п. 15 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации предупреждение (профилактика) терроризма предполагает противодействие распространению идеологии терроризма путем обеспечения защиты единого информационного пространства РФ; совершенствование системы информационного противодействия терроризму; усиление взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и укрепление международного сотрудничества в области противодействия терроризму. Таким образом, одним из приоритетных направлений предупреждения этого явления является разработка комплекса информационных мер (разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности, формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму).

Президент России В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно отмечал, что террористы активно «используют самые современные информационные средства, технологии, включая Интернет и социальные сети» [6].

Пунктом 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» запрещено распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Обращаясь к недавнему прошлому, позволим себе вспомнить, что в 1969 г., когда Интернет только зарождался, известный специалист в области уголовного права, профессор М. Д. Шаргородский, отмечал в своих работах, что «появление новых технических средств, научные открытия, обнаружение новых сил природы всегда, наряду с чувством удовлетворения, вызывали в обществе в прошлом тревогу и опасения и создавали необходимость правового регулирования возникающих новых отношений. Такая необходимость имеется и сейчас и касается многих новых отношений, возникающих в обществе в связи с новейшими достижениями науки и техники... Право в современном обществе не может и не должно отставать от научного и технического прогресса» [7, с. 385].

Современные ученые и практики также обращают внимание на использование сети Интернет как средства совершения многих преступлений. Так, например, они отмечают, что «использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении преступления повышает степень его общественной опасности за счет упрощения совершения деяния, анонимности преступников, а также массовости, быстроты и глубины проникновения негативного информационного воздействия на общество» [8]. По утверждению тех же ученых [9], с которыми нельзя не согласиться, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет) позволяют дистанционно, ускоренно, массово и анонимно осуществлять коммуникации для распространения идеологии, поиска, привлечения, вербовки рекрутов, координации и планирования преступлений террористической направленности.

А. А. Турышев в своих работах отмечает, что «общественную опасность представляет не сам факт совершения преступных действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе Интернета), а возможность распространить эти действия в отношении более широкого круга потребителей» [10, с. 19–23].

Другие специалисты [11] указывают на то, что с течением времени использование электронных или информационно-телекоммуникационных сетей из новшества превратилось в типичный способ совершения многих уголовно наказуемых деяний

[12, с. 5–27; 13, с. 85–89], в том числе и преступлений террористической направленности. Законодатель с явным запозданием обратил внимание на эту тенденцию современной террористической преступности – только в 2016 г., закрепив в ч. 2 ст. 205.2 Уголовного кодекса РФ соответствующий квалифицирующий признак.

Поскольку фактически использование таких сетей имеет место при совершении различных преступлений террористической направленности, проблемы квалификации, связанные с данным способом, выходят за рамки расследования и рассмотрения уголовных дел о публичных призывах к осуществлению террористической деятельности, публичном оправдании или пропаганде терроризма, распространяясь на противодействие терроризму и экстремизму в целом.

Особенные трудности при рассмотрении криминалогических признаков, присущих преступлениям террористического характера, обусловлены латентностью данного вида преступной деятельности. Методов определения уровня латентности той или иной разновидности преступлений известно много, но наиболее часто в этих целях используется (особенно в условиях социальной нестабильности) метод экспертных оценок. В целях повышения объективности оценки опасности терроризма в стране необходимо учитывать, в том числе, мировые рейтинги террористических угроз, которые анализируются, например, Институтом экономики и мира, который публикует ежегодный доклад «Глобальный индекс терроризма». Россия в глобальном индексе терроризма занимает 39-е место с индексом 4.542, сразу после Франции.

По мнению специалистов, экономические последствия пандемии COVID-19 в 2020 г. могут оказать влияние на уровень и типы терроризма в ближайшие годы. Хотя комендантский час и закрытые границы затрудняют передвижение террористов и вербовку новых боевиков, устойчивость многих развитых западных обществ в последние годы снизилась. Пандемия может усугубить эту тенденцию и из-за неопределенных экономических перспектив привести к еще большей политической нестабильности [14].

Для иллюстрации и анализа динамики распространения на территории РФ преступлений террористической направленности обратимся к данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, согласно которым в России в 2010 г. было совершено 581 преступление террористического характера, в 2011 г. – 622 (+7,1%), в 2012 г. – 637 (+2,4%), в 2013 г. – 661 (+3,8%), в 2014 г. – 1128 (+70,7%), в 2015 г. – 1538 (+36,3), в 2016 г. – 2227 (+44,8%), в 2017 г. – 1871 (–16,0), в 2018 г. – 1679 (–10,3%), в 2019 г. – 1806 (+7,6), в 2020 г. – 2342 (+29,7) (см. диаграмму 1).

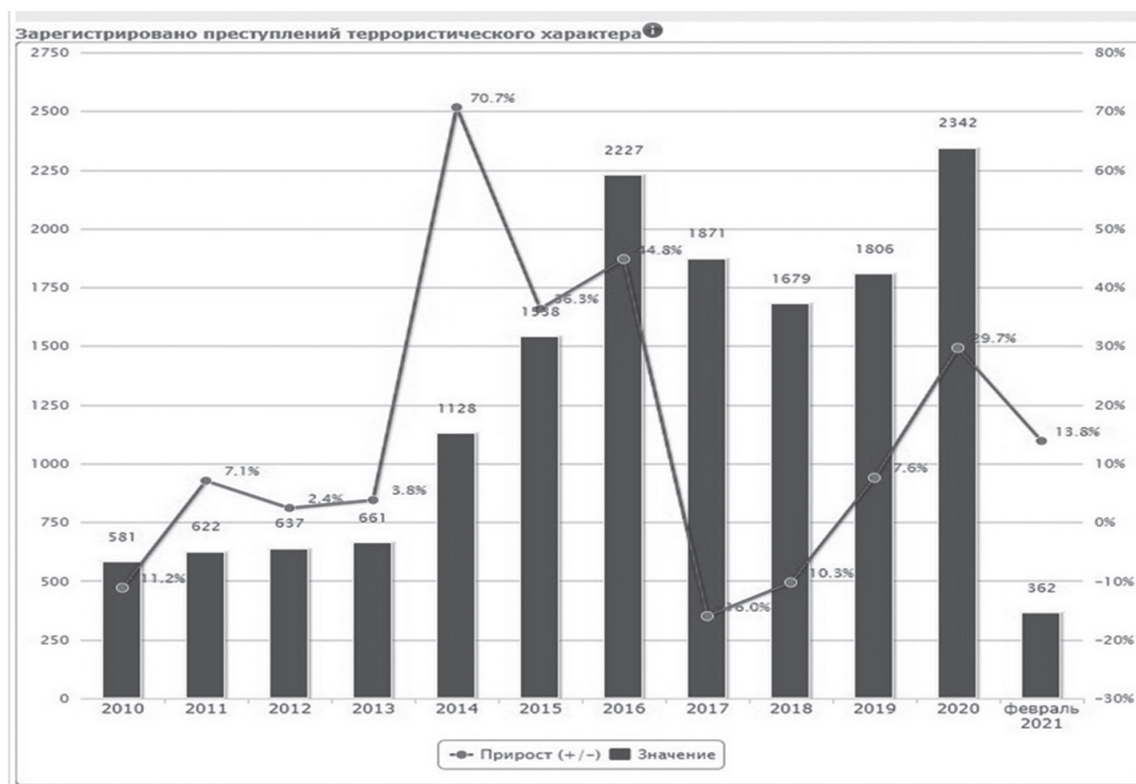

Диаграмма 1

Из общего числа зарегистрированных в 2020 г. в РФ преступлений террористического характера на стадии приготовления и покушения пресечено 71 (+18,3%). Только 13,9% (326) преступлений террористического характера составили оконченные преступления, совершенные в отчетном периоде на территории России. Основная их часть квалифицирована по ст. 205.2 (94), 205.1 (69), 205.6 (60), 205.5 (47) УК РФ и не носит насильственный характер. В 2020 г. в результате совершения преступлений террористического характера погибло два лица, одному причинен тяжкий (либо средней тяжести) вред здоровью [15].

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что начиная с 2011 г. наблюдался рост анализируемой преступности. В 2017 г. правоохранителям удалось переломить ситуацию, и динамика преступлений террористического характера пошла на спад, но с 2018 г. тенденция на рост преступлений террористического характера продолжилась, причем, динамика такого роста впечатляет. В МВД такую динамику, по данным СМИ, пытаются оправдать ростом числа случаев возбуждения уголовных дел по фактам организации незаконного вооруженного формирования [16].

По сведениям из других источников, рост терроризма силовика также связывают с динамикой преступлений в сети Интернет. Заместитель секретаря

Совета безопасности России Ю. А. Коков в конце октября 2020 г. заявил, что «распространение в обществе радикальных настроений в связи с психологическими последствиями повсеместных локдаунов, в том числе депрессией, социальной изоляцией, утратой источников дохода и другими факторами, становится питательной средой для их пропагандистской и вербовочной деятельности». С начала 2019 г. террористы стали активнее в Интернете в 1,5 раза. В результате наибольшее воздействие через Интернет радикалы оказывают на молодежь [17].

То, что технологии вербовки в террористические организации активно развиваются по всему миру, также отмечал генсек ООН Антониу Гутерриш. По его словам, сегодня террористы и их пособники «хорошо подкованы в технологиях» [18].

По данным ГИАЦ МВД России, в 2020 г. в РФ было зарегистрировано 232 преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 9,4% больше, чем в предыдущем году [15].

Несмотря на рост анализируемой группы преступности, определенные успехи в деле борьбы с терроризмом у наших правоохранительных органов, безусловно, имеются. Так, российские спецслуж-

бы в 2020 г. предотвратили 41 теракт на территории страны. Как сообщил директор ФСБ России, председатель Национального антитеррористического комитета А. В. Бортников на заседании комитета, «на стадии приготовления предотвращено 61 преступление террористической направленности, в том числе 41 теракт» [19, с. 3].

По информации Интерфакс, в 2020 г. была пресечена деятельность 55 законспирированных ячеек международных террористических организаций. Не допущен въезд в Россию 149 иностранных граждан, причастных к экстремистской и террористической деятельности.

Состояние преступности террористического характера отражается не только в абсолютных, но и в относительных показателях, что позволяет определить удельный вес преступлений за конкретный период времени по видам и территории. Эта характеристика представляет собой отношение числа зарегистрированных преступлений террористического характера к общему количеству зарегистрированных преступлений в России.

В целом удельный вес преступлений террористического характера в РФ позволяет оценить уровень террористической преступности в стране и в субъектах РФ. Следует отметить также закономерное явление, что в общем объеме всех зарегистрированных преступлений в России удельный вес зарегистрированных преступлений террористического характера год от года увеличивается. С 2011 г. только один раз в 2017 г. этот показатель продемонстрировал тенденцию к снижению.

Анализируя территориальную распространенность преступлений террористического характера, отметим, что, согласно данным того же портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ, в 2020 г. больше всего преступлений террористического характера зарегистрировано на территории Северо-Кавказского федерального округа – 1195 (+30,32 % по сравнению с 2019 г., в том числе в Республике Дагестан – 723 (+35,9 %), в Чеченской Республике – 143 (-4,03%)), на втором месте Южный федеральный округ – 249 преступлений (+61,69 %) на третьем – Приволжский федеральный округ – 248 (+27,18%), далее следует Центральный федеральный округ – 238 (-4,03%) [15].

В современных исследованиях также указывается, что большинство преступлений данной категории совершаются в приграничных регионах Северо-Кавказского федерального округа (76%), и в результате действий террористов устойчивость государственной границы РФ, стабильность всего спектра положительных процессов, протекающих в приграничных регионах, значительно подорвана террористическими факторами [20, с. 3].

Рассуждая о негативных последствиях совершения преступлений террористического характера, нельзя не отметить, что действиями террористов гражданам может причиняться физический, моральный и материальный вред. С 1 января 2020 г. вступило в силу постановление Правительства РФ от 28 декабря 2019 г. № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями».

Закрепленными в этом нормативном акте новыми правилами предусмотрено предоставление трансфертов на финансовое обеспечение осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями.

Важной составляющей криминологической характеристики любой группы преступлений является анализ личности преступника, их совершающего. В первую очередь следует остановиться на описании социально – демографических признаков террориста, таких как пол и возраст. В результате анализа данных, полученных в ГИАЦ МВД, а также уголовных дел рассматриваемой категории, установлено, что подавляющее большинство лиц, совершивших преступления террористического характера, – мужского пола.

Отдельные авторы [21] отмечают, что в обществе сложились стереотипы, согласно которым субъектами терроризма являются только лица мужского пола. Однако установлено, что в совершение преступлений террористического характера вовлекаются не только мужчины, но и женщины, причем различных возрастов (как взрослые, так и несовершеннолетние). Некоторые исследователи указывают, что «тревожным является вовлечение в террористическую деятельность женщин, являющихся, как правило, непосредственными исполнителями взрывов».

Соотношение возрастных категорий лиц, совершивших преступления террористического характера, показывает, что основной контингент составляют лица в возрасте от 18 до 30 лет, менее криминально активной группой являются лица от 31 до 40 лет и более, в единичных случаях – несовершеннолет-

ние. Именно несовершеннолетние подростки «в силу слабого развития инстинкта самосохранения более смело идут на совершение преступления, меньше задумываются о его последствиях, вызывают меньше внимания со стороны правоохранительных органов» [22, с. 184].

Относительно участия в совершении преступлений террористического характера лиц, ранее судимых, криминологи отмечают, что они довольно часто вовлекаются в их совершение. «Многие из них незаконно владеют оружием, в определенных ситуациях применяют его. Они уже приобрели необходимые преступные знания, умения, опыт. В последние годы тенденция вовлечения таких лиц в совершение террористических актов, преступлений террористического характера усиливается» [21, с. 188].

А. Г. Красильников, исследуя социальные характеристики террористов, отмечает в своих работах, что большинство террористов не имеют постоянного источника доходов, не считая доходов, получаемых в результате террористической деятельности или в связи с ней; среди лидеров-террористов есть ранее судимые, которые были осуждены в основном за совершение корыстных преступлений и бандитизм, другие насильственные преступления; среди «рядовых» террористов не много профессиональных преступников, которые пришли в терроризм, как правило, из общеуголовной преступности продолжать заниматься тем же в рамках террористической деятельности. Он же указывает, что в террористической деятельности, как правило, участвуют физически здоровые и психически вменяемые люди, но имеющие определенные психологические особенности личности (нередко приобретенные) и связанные с неприятием «инакомыслящих» и ориентацией на борьбу с чуждыми идеологией, религией и т.п. Полагаем, что такая позиция обусловлена очень низким уровнем образования и правосознания членов террористических организаций (групп) [23].

Интересной с научной точки зрения представляется информация Фонда исследований американского Института Нации, который опубликовал анализ террористических актов, совершенных в США с 2008 по 2016 г. Согласно данным, указанным в нем, количество терактов, подготовленных и совершенных неонацистами, более чем в два раза превышает те, что обычно характеризуют как «исламский терроризм».

Российские исследователи отмечают, что «современный террорист – террорист религиозный. И именно религия, а точнее исламский фундаментализм, выступает в роли идеологического механизма, который противопоставляется всему остальному современному миру» [24].

Кроме того, в юридической литературе указывается, что «в условиях системного кризиса, который ис-

пытывает современное мировое сообщество в силу обострения глобальных проблем, стоящих перед человечеством, усиления противоречий между потребностями общества и инерцией отживших форм его жизнедеятельности, терроризм все чаще избирается лицами, имеющими определенные психологические особенности личности, методом борьбы с «чужими» идеологией, религией, традициями, с другим образом жизни [25, с. 18–23].

Существенное влияние на состояние противодействия преступлениям террористического характера оказывают принимаемые государством правовые меры. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» направлен на оптимизацию антитеррористической деятельности в РФ. В нем устанавливаются основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма, а также правовые и организационные основы применения Вооруженных Сил РФ в борьбе с терроризмом.

В соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 2 данного Закона одним из основных принципов противодействия терроризму является приоритет мер его предупреждения. Основными задачами противодействия терроризму являются, в том числе, выявление и устранение причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма, обеспечение безопасности граждан и антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств, в том числе критически важных объектов инфраструктуры и жизнеобеспечения, а также мест массового пребывания людей (п. 6, 7, 11 Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.).

Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 [26], предусмотрела, что при обеспечении общественной безопасности на долгосрочную перспективу следует исходить из необходимости постоянного совершенствования системы обеспечения общественной безопасности, а также политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и иной преступной деятельности.

В совокупности все вышеуказанные нормативные правовые акты образуют эффективную правовую систему профилактики, выявления и противодействия терроризму и преступлениям террористического характера. С целью профилактики преступлений террористического характера следует сконцентрировать усилия всех субъектов профилактической деятельности на основных ее направлениях, таких

как: своевременная и актуальная информационная деятельность, направленная на подрыв идеологической основы терроризма, антитеррористическое воспитание подрастающего поколения, совершенствование правовой базы в сфере противодействия терроризму и развитие международного сотрудничества в этой области.

В этой связи именно детальное исследование криминологической характеристики преступлений террористического характера и факторов, обуславливающих их возникновение и распространение, позволяет ученым выработать реально эффективные меры по профилактике и предупреждению преступности данного вида.

Пристатейный библиографический список

1. *Захарова А. К.* Криминологические и уголовно-правовые меры предупреждения терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
2. *Восканян Р. О.* Взаимозависимые лица как угроза экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 1.
3. *Фоменко Е. В.* К вопросу о семантике преступлений, связанных с подкупом, и их месте среди преступлений коррупционной направленности // Российский следователь. 2018. № 6.
4. *Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V.* Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia) // Journal of Environmental Treatment Techniques. 2019. T. 7. No. 3.
5. *Маторина Ю. Н., Фоменко Е. В.* Правовые основы противодействия терроризму : уголовно-правовой и криминологический аспекты : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2019.
6. Путин : террористы сохраняют возможность для совершения терактов в России // ТАСС : сайт. URL: <http://tass.ru/politika/1102640> (дата обращения: 28.06.2021).
7. *Шаргородский М. Д.* Избранные работы по уголовному праву. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003.
8. *Косарев М. Н.* Информационно-телекоммуникационные сети как признак преступления // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionno-telekommunikatsionnye-seti-kak-priznak-prestupleniya> (дата обращения: 28.06.2021).
9. *Косарев М. Н.* Состояние и перспективы противодействия терроризму в России : теоретические и практические аспекты // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sostoyanie-i-perspektivy-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossii-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> (дата обращения: 28.06.2021).
10. *Турышев А. А.* Уголовно-правовые инструменты защиты информационного общества // Законы России : опыт, анализ, практика. 2017. № 10.
11. *Бадамшин С. Г.* Уголовно-правовые особенности квалификации преступлений террористической направленности, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-osobennosti-kvalifikatsii-prestupleniy-terroristicheskoy-napravlenosti-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-elektronnyh> (дата обращения: 28.06.2021).
12. *Красиков В. И., Фоменко Е. В.* Группы ненависти в Рунете : ареалы интернет распространения и типология // Вестник Российской правовой академии. 2020. № 4.
13. *Маторина Ю. Н., Быков С. А.* Безопасность персональных данных в эпоху цифровизации : уголовно-правовые аспекты // Цифровизация рыночных отношений : вопросы экономики и права : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции г. Москва, 25 марта 2020 г. М. : РФ-Пресс, 2021.
14. Global Terrorism Index : для Запада ультраправый террор опаснее, чем ИГ // Инфоцентр AfterShock : сайт. URL: <https://aftershock.news/?q=node/925138&full> (дата обращения: 28.06.2021).
15. Сборник «Состояние преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года» // МВД России : сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 28.06.2021).
16. Почему в России растет процент терроризма? // Пикабу : сайт. URL: https://pikabu.ru/story/pochemu_v_rossii_rastet_protsent_terrorizma_7854597 (дата обращения: 28.06.2021).
17. *Егоров И.* Опасные клики // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2020/10/20/v-sovbeze-rf-prognoziruiut-sereznuui-aktivizaciiu-terroristov.html> (дата обращения: 28.06.2021).
18. *Булкаты А.* Генсек ООН : террористы и неонацисты наращивают вербовку в интернете // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20200509/1571203633.html> (дата обращения: 28.06.2021).
19. *Иванов Р. С.* Противодействие терроризму в пограничной сфере Российской Федерации : уголовно-правовые и криминологические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.

20. Матчанова З. Ш. Социально-демографический состав субъектов терроризма: криминологическая характеристика // Международный научно-практический журнал «Правозащитник» : сайт. URL: <http://pravozashitnik.bet/ru/2014/3/4> (дата обращения: 28.06.2021).
21. Алехин В. П. Соучастие в террористической деятельности. М. : Юрлитинформ. 2009.
22. Мусаелян М. Ф. Террористический акт : уголовно-правовой аспект. М. : Юрлитинформ. 2009.
23. Красильников А. Г. Личность террориста : криминологический аспект // Законность. 2008. № 5.
24. Современный террорист борется не за справедливость, а за богатство. Личный взгляд профессора РЭУ им. Плеханова Владимира Галанова // ФедералПресс : сайт. URL: <http://fedpress.ru/personal-view/1740577> (дата обращения: 28.06.2021).
25. Дорохов Н. И. Портрет современного террориста: нравственно-психологические и личностные аспекты // Военно-юридический журнал. 2006. № 5.
26. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации, утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Zakharova A. K. Criminological and Criminal-Legal Measures to Prevent Terrorism: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2007.
2. Voskanian R. O. Interdependent Persons as a Threat to Economic Security. *Problems of Theory and Practice of Management*. 2019. No. 1.
3. Fomenko E. V. On the Semantics of Crimes Related to Bribery and Their Place Among Corruption-Related Crimes. *Russian Investigator*. 2018. No. 6.
4. Kozlova E. B., Gureev V. A., Iliushina M. N., Kazachkova Z. M., Fomenko E. V. Theoretical Aspects of Anti-Corruption Enlightenment as Factor of System Increase of Efficiency of Activity of Federal Executive Authorities (on the Example of the Federal Bailiff Service of Russia) // *Journal of Environmental Treatment Techniques*. 2019. T. 7. No. 3.
5. Matorina Iu. N., Fomenko E. V. Legal Framework for Countering Terrorism: Criminal Law and Criminological Aspects: Textbook for Universities. Moscow: Iurait, 2019.
6. Putin: Terrorists Retain the Opportunity to Commit Terrorist Attacks in Russia. URL: <http://tass.ru/politika/1102640> (date of the application: 28.06.2021).
7. Shargorodskii M. D. Selected Works on Criminal Law. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2003.
8. Kosarev M. N. Information and Telecommunications Networks as a Sign of a Crime. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/informatsionno-telekommunikatsionnye-seti-kak-priznak-prestupleniya> (date of the application: 28.06.2021).
9. Kosarev M. N. The State and Prospects of Countering Terrorism in Russia: Theoretical and Practical Aspects. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sostoyanie-i-perspektivy-protivodeystviya-terrorizmu-v-rossii-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> (date of the application: 28.06.2021).
10. Turyshev A. A. Criminal-Legal Instruments of Information Society Protection. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2017. No. 10.
11. Badamshin S. G. Criminal and Legal Features of the Qualification of Terrorist Crimes Committed Using Electronic or Information and Telecommunications Networks. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovye-osobennosti-kvalifikatsii-prestupleniy-terroristicheskoy-napravlenosti-sovershaemyh-s-ispolzovaniem-elektronnyh> (date of the application: 28.06.2021).
12. Krasikov V. I., Fomenko E. V. Hate Groups in the Runet: Areas of Internet Distribution and Typology. *Bulletin of the Russian Medieval Academy*. 2020. No. 4.
13. Matorina Iu. N., Bykov S. A. Personal Data Security in the Era of Digitalization: Criminal and Legal Aspects. In *Digitalization of Market Relations: Issues of Economics and Law: Collection of Scientific Papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference Moscow, 25 March 2020*. Moscow: RG-Press, 2021.
14. Global Terrorism Index: For the West, Far-Right Terror Is More Dangerous Than ISIS. URL: <https://aftershock.news/?q=node/925138&full> (date of the application: 28.06.2021).
15. Collection "The State of Crime in the Russian Federation for January–December 2020". URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (date of the application: 28.06.2021).
16. Why Is the Percentage of Terrorism Growing in Russia? URL: https://pikabu.ru/story/pochemu_v_rossii_rastet_protsent_terrorizma_7854597.
17. Egorov I. Dangerous Clicks. URL: <https://rg.ru/2020/10/20/v-sovbeze-rf-prognoziruiut-sereznuui-aktivizaciiu-terroristov.html> (date of the application: 28.06.2021).

18. *Bulkaty A.* UN Secretary General: Terrorists and Neo-Nazis Are Increasing Recruitment on the Internet. URL: <https://ria.ru/20200509/1571203633.html> (date of the application: 28.06.2021).

19. *Ivanov R. S.* Counteraction to Terrorism in the Border Area of the Russian Federation: Criminal-Legal and Criminological Aspects: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2017.

20. *Matchanova Z. Sh.* Socio-Demographic Composition of the Subjects of Terrorism: Criminological Characteristics. URL: <http://pravozashitnik.bet/ru/2014/3/4> (date of the application: 28.06.2021).

21. *Aliokhin V. P.* Complicity in Terrorist Activities. Moscow: Iurlitinform, 2009.

22. *Musaelian M. F.* Terrorist Act: Criminal-Legal Aspect. Moscow: Iurlitinform, 2009.

23. *Krasilnikov A. G.* The Identity of a Terrorist: Criminological Aspect. *Legality*. 2008. No. 5.

24. The Modern Terrorist Is Not Fighting for Justice, but for Wealth. Personal View of the Professor of the Russian Economic University named after G. V. Plekhanov Vladimir Galanov. URL: <http://fedpress.ru/personal-view/1740577> (date of the application: 28.06.2021).

25. *Dorokhov N. I.* Portrait of a Modern Terrorist: Moral, Psychological and Personal Aspects. *Military Legal Journal*. 2006. No. 5.

26. The Concept of Public Security in the Russian Federation, approved by the President of the Russian Federation on 14 November 2013 No. Pr-2685 (SPS "ConsultantPlus").

ПРОЩЕНИЕ ДОЛГА КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: ПРОБЛЕМЫ ДОКТРИНЫ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ (часть II)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-56-65>

Современная сложная социально-экономическая ситуация, сложившаяся как в России, так и в большинстве стран мира, обусловленная пандемией новой коронавирусной инфекции и связанная с непомерно высокой нагрузкой на предпринимателей, массовым закрытием предприятий малого и среднего бизнеса, преддефолтным состоянием значительного количества предприятий крупного бизнеса, влечет за собой актуализацию в целом вопросов прекращения обязательств, не связанных с их исполнением. Возросла, в частности, у участников экономической деятельности востребованность такого правового механизма, как прощение долга, что, предполагается, повлечет за собой новый этап в его правовом исследовании, учитывая значительное количество связанных с ним неразрешенных проблем доктрины, правового регулирования и правоприменительной практики. Целью настоящего исследования является рассмотрение целого ряда актуальных вопросов, связанных с прощением долга. Во второй части исследования проведен общетеоретический анализ прощения долга на предмет установления его возмездности и соотношения с иными способами прекращения обязательств. Изучены вопросы предмета и формы сделки, а также спорные аспекты прощения долга по обязательствам, носящим личный характер. Предметом исследования выступили нормы российского законодательства, регулирующие вопросы прощения долга, и существующие в правовой науке взгляды, представления о прощении долга как способе прекращения гражданско-правовых обязательств. Теоретико-методологическую основу работы составили труды ученых-цивилистов, затрагивающих различные аспекты прощения долга. Характер анализируемых вопросов обусловил применение общенаучных методов эмпирического и теоретического исследования: логического, системного и функционального. Системно-правовой подход был применен во взаимодействии с формально-юридическим методом исследования. По результатам проведенного исследования во второй части работы были сделаны выводы о том, что обязательным условием для реализации прощения долга между коммерческими организациями выступает не возмездность как таковая, а имущественная выгода либо экономический интерес, а также о необходимости дифференцированно по субъектному составу подходить к решению вопроса о допустимости прощения долга в личных обязательствах. Обосновывается общий вывод о невозможности достижения единообразия в применении института прощения долга на сегодняшний день без внесения изменений в ГК РФ.

КОЗЛОВА

Елена Борисовна*

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kozlova@urexpert.ru

ЧЕРЕПАНОВА

Диана Константиновна**

студентка 5-го курса юридического факультета Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

diana.cherepanova97@mail.ru

**Прощение долга;
прекращение обязательств;
прощение долга как сделка;
способы прекращения
обязательств;
прощение долга по личным
обязательствам;
прощение долга
коммерческими
организациями**

* Раздел 5.

** Разделы 3, 4, 6.

Elena B. KOZLOVA

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Professor, Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow)

kozlova@urexpert.ru

Diana K. CHEREPANOVA

Firth-Year Student, All-Russian State University of Justice (Moscow)

diana.cherepanova97@mail.ru

**Debt forgiveness;
termination of obligations;
debt forgiveness as a deal;
ways to terminate obligations;
debt forgiveness for personal
obligations;
debt forgiveness by commercial
organizations**

DEBT FORGIVENESS AS A GROUND FOR TERMINATION OF OBLIGATION: PROBLEMS OF DOCTRINE, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE (part II)

The current difficult socio-economic situation, which has developed both in Russia and in most countries of the world, caused by the pandemic of the new coronavirus infection and associated with an unreasonably high burden on entrepreneurs, the massive closure of small and medium-sized businesses, the pre-default state of a significant number of large enterprises, entails for itself updating in general the issues of termination of obligations not related to their performance. In particular, the demand for such a legal mechanism as debt forgiveness has increased among participants in economic activity, which is supposed to entail a new stage in its legal research, given the significant number of unresolved problems of doctrine, legal regulation and law enforcement practice associated with it. The purpose of this study is to address a range of pressing issues related to debt forgiveness. In the second part of the study, a general theoretical analysis of debt forgiveness was carried out with a view to establishing its retribution and correlation with other methods of termination of obligations. The issues of the subject and form of the transaction, as well as the controversial aspects of debt forgiveness for obligations of a personal nature, have been studied. The subject of the research was the norms of Russian legislation governing the issues of debt forgiveness and the views existing in legal science, ideas about debt forgiveness as a way to terminate civil obligations. The theoretical and methodological basis of the work was formed by the works of civil scientists, touching upon various aspects of debt forgiveness. The nature of the issues analyzed led to the use of general scientific methods of empirical and theoretical research: logical, systemic and functional. The systemic legal approach was applied in conjunction with the formal legal research method. According to the results of the study, in the second part of the work, it was concluded that a prerequisite for the implementation of debt forgiveness between commercial organizations is not repayment as such, but property benefit or economic interest, as well as the need to differentiate by subject composition to approach the issue of admissibility of debt forgiveness in personal obligations. The general conclusion is substantiated that it is impossible to achieve uniformity in the application of the institution of debt forgiveness today without amending the Civil Code of the Russian Federation.

3. Возмездность сделки по прощению долга и соотношение с иными способами прекращения обязательств

Вопрос о возмездности прощения долга прямо вытекает из дискуссии по признанию его двусторонней сделкой. Закон не содержит положений, указывающих на возмездный характер, к тому же нельзя говорить о встречном предоставлении в рамках рассмотрения концепции прощения долга, как односторонней сделки. Однако если взять за истину, что при прощении долга существуют два волеизъявления, а квалифицирующими признаками являются наличие имущественной выгоды кредитора в результате прощения или получение им иного экономического интереса [1], то невольно можно прийти к выводу о возмездном характере рассматриваемой сделки.

Однако, например, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский исходили из того, что «признаком прощения долга как особого способа прекращения обязательств служит то, что при нем не предполагается какое бы то ни было встречное удовлетворение, иначе отношения сторон превратятся, в зависимости от обстоятельств, в новацию или отступное» [2, с. 261].

Представляется необходимым отграничить прощение долга от иных способов прекращения обязательств в связи с тем, что нередко происходит подмена таких институтов на практике. Так, например, стороны заключают соглашение об отступном, тогда как суд впоследствии квалифицирует сделку как прощение долга. Такая ситуация возникает, когда сумма денежных средств либо стоимость иного имущества, переданных должником, не равна неисполнен-

ному обязательству [3], что может быть признано частичным прощением долга и соответственно повлечет за собой установленные в законе ограничения. При этом, сама правовая природа отступного заключается в том, что оно порождает новое обязательство, которое и прекращает собой прежнее, тогда как при прощении долга для прекращения первого обязательства необходимо лишь достижение согласия сторон, а новое обязательство существует независимо от прекращенного, что иллюстрирует разграничение данных институтов по критерию возмездности. При новации прежнее обязательство трансформируется в новое, например, договор купли-продажи в договор займа.

Наиболее интересным видится соотношение зачета с конструкцией соглашения о взаимном прощении долгов, которое, как отмечает А. Ю. Ноздрачева [4, с. 209], является самым очевидным примером отсутствия намерения одарить должника и одновременно возмездной конструкцией прощения долга. Для прекращения обязательства зачетом законодательством предусмотрены жесткие ограничения: в первую очередь, обязательство должно быть однородным (чаще всего речь идет о выплате денежных средств), во-вторых, встречным, т.е. зачет возможен только по обязательствам между одними и теми же сторонами, в которых каждое лицо выступает и в качестве кредитора, и в качестве должника (ст. 410 ГК РФ), при этом необходимо наступление срока исполнения по таким обязательствам либо отсутствие его в договоре (исполнение обязательства по требованию). Иначе говоря, чтобы избрать для себя данный способ прекращения обязательств, сторонам придется соблюдать установленные правила.

Вместе с тем очевидна ситуация, при которой стороны при наличии взаимных требований не могут воспользоваться данным способом прекращения обязательства, например, по причине их неоднородности (оплата по одному обязательству производилась в национальной валюте, по второму – в иностранной). В данном случае стороны могут прийти к соглашению о взаимном прощении долгов, который пусть не тождественен зачету по своей правовой природе, однако эти два способа способствуют достижению одной и той же цели на практике. Несмотря на то что, по сути, взаимное прощение долгов в данном случае будет являться прикрытием прекращения обязательства зачетом и законным способом обойти установленные ограничения, при этом взаимное прощение долга стоит рассматривать как альтернативный способ прекращения, но не как нарушение закона. Так, в постановлении от 8 июня 2017 г. по делу № А70-6147/2016 Восьмой арбитражный апелляционный суд квалифицировал прекращение обязательства зачетом как взаимное прощение долгов, указав на то,

что «подписанием подобного рода соглашений стороны фактически приходят к соглашению о прекращении обязательств, указанных в этих актах путем взаимного прощения долга на возмездной основе, так как взамен прощения своего долга перед одним лицом сторона прощает долг другому лицу» [5]. Иначе говоря, сторонами в данном случае было нарушено требование о встречности предоставления и подписано многостороннее соглашение о зачете, при котором не во всех случаях зачет был произведен между одними и теми же сторонами в обязательствах. При этом если бы стороны заключили соглашение о взаимном прощении долгов, то можно было бы избежать признания сделки недействительной.

Как показывает судебная практика, встречное предоставление в виде имущественной выгоды при прощении долга могут входить в одно соглашение между сторонами, которое может доказать их взаимосвязь в судебном порядке. Так, в решении Арбитражного суда Республики Бурятия от 23 августа 2016 г. по делу № А10-2788/2016 [6] именно установленная взаимосвязь между прощением и имущественной выгодой для кредитора стала основанием для отказа в удовлетворении требований о признании прощения долга дарением. В мировом соглашении стороны указали на то, что «у ответчика отсутствует финансовая возможность оплатить долг, что как раз и составляет потенциальное основание для достижения договоренности о прощении долга во взаимосвязи с платежом в погашение долга в непросщенной части без обращения в суд». Таким образом, может быть подтверждено наличие имущественной выгоды как одного из обязательных условий для признания прощения долга состоявшимся для коммерческих организаций.

Другим вариантом для подтверждения отсутствия *animus donandi* (намерения одарить) является иной экономический интерес, который представляет собой еще более неопределенную правовую категорию. Например, в определении ВС РФ от 20 августа 2020 г. [7], суд признал иным экономическим интересом «попытку повысить ликвидность акций банка, от которой зависела ликвидность принадлежащего контролирующему лицу пакета акций банка», т.е. фактически, как комментирует А. Г. Карапетов: «ВС РФ отнес к возмездности ситуацию, когда кредитор прощал долг своему подконтрольному обществу, не получая ничего взамен от самого общества, но при этом преследуя свой понятный экономический интерес и выигрывая как бенефициар от улучшения экономического состояния своего общества» [8]. Данная ситуация, представляется, вовсе не иллюстрирует возмездный характер прощения долга, а лишь указывает на заинтересованность кредитора простить, при этом встречное предоставление явно отсутствует.

На сегодняшний день отсутствует законодательное определение понятий «имущественная выгода» и «экономический интерес», что влечет за собой возможность их трактовки судами лишь на конкретных примерах в рамках определенного дела. Определение имущественной выгоды в большинстве случаев дается лишь в рамках доктрины уголовного права, например: «имущественная выгода – это действия имущественного характера, совершаемые лицом с объектами гражданских прав и направленные на извлечение имущественных благ посредством экономии собственного имущественного фонда, извлечения прибыли либо избавления от материальных затрат» [9, с. 183]. Представляется, что в рамках условия для прощения долга между коммерческими организациями имущественной выгодой можно признать конкретный результат, имеющий определенную и прогнозируемую стоимость, который получит кредитор после свершившегося прощения долга. В рамках сложившейся судебной практики суды признавали в качестве имущественной выгоды несколько ситуаций: сокращение срока исполнения обязательства, прощение части долга и взыскание оставшейся части в досудебном порядке, признание долга, предоставление дополнительного обеспечения возврата непущенной части долга. Перечень является открытым, что нашло свое отражение в позиции Верховного Суда РФ [1].

Определение экономического интереса содержится лишь в трудах по теории экономики. Например, Е. В. Панюшкина трактует данное понятие следующим образом: «экономические интересы – это формы проявления потребностей и экономических отношений, выражающейся в объективном стремлении хозяйствующих субъектов к обновлению социально-экономических отношений, институтов и механизмов их реализации с целью достижения экономической выгоды, более высокого жизненного уровня» [10]. В отличие от имущественной выгоды, экономический интерес не имеет точного стоимостного выражения, но им может признаваться любое прогнозируемое улучшение положения кредитора на рынке либо в отдельно взятых взаимоотношениях с должником. На данном этапе развития института прощения долга существуют примеры, непосредственно иллюстрирующие экономический интерес, такие как: предоставление должником скидок для будущих сделок с кредитором, спасение выгодного контрагента-должника от банкротства и др. Видится необходимым развитие данных категорий в доктрине и расширение перечня примеров в решениях высших судебных инстанций, в том числе в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» [1] (далее – ПП ВС № 6).

Судебная практика, складывающаяся после принятия ПП ВС № 6, исходит из того, что «само по себе заключение кредитором и должником соглашения о прощении долга не свидетельствует о совершении ими безвозмездной сделки». Однако думается, что в рамках сделки по прощению долга нельзя подменять сущность встречного предоставления имущественной выгодой и экономическим интересом, в первую очередь потому, что выгода возникает как результат свершившегося прощения долга, т.е. после заключения сделки, а интерес – как побуждение к совершению прощения, т.е. до момента заключения сделки. Оба этих условия и их последующее исполнение стоят за временными рамками непосредственно отправления уведомления и получения согласия на него. Например, экономический интерес может даже не быть реализованным в будущем: должник, которого пытался сохранить на рынке кредитор, обанкротился по иным причинам, но это не повлечет правовых последствий для свершившегося прощения долга. И выгоду, и интерес можно признать лишь возможными доказательствами отсутствия *animus donandi* при возникновении судебного спора. Таким образом, прощение долга само по себе носит безвозмездный характер, однако кредитор обязан указывать в уведомлении причину, по которой прощение долга может быть выгодно ему самому или какой экономической интерес из прощения он может для себя извлечь. Такие указания важны не только при разрешении судебных споров, но и потому что конкретная имущественная выгода кредитора может стать причиной отказа должника от прощения долга.

Продолжая тему признания прощения долга законным в судебном порядке, нельзя не отметить постановление от 28 апреля 2018 г. по делу № А75-5697/2017, в котором Арбитражный суд Западно-Сибирского округа признал прощение долга свыше 3 млн руб. между коммерческими организациями состоявшимся в условиях отсутствия в соглашении какого-либо подтверждения имущественной выгоды или экономического интереса кредитора, поддержав решение апелляционной инстанции: «в соответствии с требованиями ст. 65 АПК РФ доказательства того, что сделка имеет безвозмездный характер и должна быть квалифицирована как дарение, обязана представлять сторона, настаивающая на данном доводе» [11]. В рассматриваемом деле истец не предоставил доказательств безвозмездности сделки. Данное решение суда ярко иллюстрирует участникам гражданских правоотношений, что даже рискованное и ненадежное соглашение по прощению долга, формально подпадающее под запреты, установленные для договора дарения, казалось бы, абсолютно не способное выдержать ни одного судебного разбирательства, все же может дойти до кассационной инстанции и остаться состоявшимся и законным.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что обязательным условием для реализации прощения долга между коммерческими организациями выступает не возмездность как таковая, а указанная в соглашении о прощении долга или установленная в судебном порядке имущественная выгода либо экономический интерес. При этом вышеизложенное доказывает, что данные категории не порождают возмездность, так как не несут в себе обязательство по встречному предоставлению. В реалиях сложившейся судебной практики на сегодняшний день выгоду и интерес можно признать лишь необходимыми условиями для разблокирования механизма прощения долга в отношениях между предпринимателями, так как дарение между коммерческими организациями запрещено, а заключение непоименованного безвозмездного договора с обязательным указанием причин прощения (интереса и выгоды) – нет. Таким образом, прощение долга между любыми субъектами стоит признать безвозмездной сделкой.

Исключением из такого вывода о безвозмездности можно считать ситуацию взаимного прощения долгов, например, реализованного в рамках одного мирового соглашения. Иначе говоря, возмездность такого прощения заключается в том, что одна сторона прощает обязательство второй стороне только на основании того, что ей простят обязательство в ответ.

4. Предмет прекращения долга и форма сделки

Предметом сделки по прощению долга является договорное или внедоговорное обязательство. На взгляд некоторых исследователей, предметом не могут являться исключительно внедоговорные обязательства, прекращение которых по смыслу закона возможно лишь исполнением: алиментные обязательства, а также обязательства из причинения вреда жизни и здоровью. Такой подход обусловлен их направленностью на удовлетворение публичного интереса, хотя ряд исследователей не видит препятствий к прощению такого рода обязательств [12].

Наиболее важной проблемой можно считать выявление из самой сделки существа прощаемого обязательства, которое складывается из двух составляющих: идентификации прощаемой обязанности и определения ее размера. О размере прощаемого обязательства Верховный Суд РФ в п. 32 ПП ВС № 6 разъяснил, что в ст. 415 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) подразумевается прощение долга как полностью, так и в части, а также как основного обязательства, так и дополнительного. В первую очередь здесь необходимо установить волю сторон на размер прощаемого долга, если установить волю не представляется возможным, то обязательства считается прощенным в полном объеме вместе с дополнительными требованиями, включая неустойку. Верховный

Суд РФ, представляется, снова не зря указал именно на волю обеих сторон, а не на исключительную волю кредитора, так как важным для установления является не только то, сколько именно хотел простить кредитор, но и то, какую сумму принял за прощенную должник. При определенных обстоятельствах, особенно при отсутствии письменного соглашения сторон, а также при ненадлежащем уведомлении должника, такие суммы могут отличаться. Верховный Суд РФ разъяснил также и то, что прощение основного долга не влечет автоматического прощения дополнительных обязательств, главным условием является конкретизация такого прощения. Если в соглашении (уведомлении) указан лишь размер прощаемого долга в определенном денежном выражении без отнесения такой суммы к основному долгу, процентам или неустойке, то очередность прекращения соответствующих требований устанавливается применительно к правилам ст. 319 ГК РФ (п. 34 ПП ВС № 6).

Идентификация прощаемой обязанности заключается, согласно п. 33 ПП ВС № 6, в указании на условия ее выполнения, чтобы отграничить ее от других обязанностей в одном сложном обязательстве (договоре). Если идентифицировать и выделить конкретную прощаемую обязанность из соглашения (уведомления) невозможно, то прощенным считается все обязательство в полном объеме. Таким образом, можно сделать вывод о том, что точное указание на размер прощаемого обязательства, а также на конкретную обязанность не является существенным условием соглашения, в отличие от указания на те правоотношения, которые породили прощаемое обязательство.

Закон не устанавливает для прощения долга обязательной письменной формы, поэтому заключение возможно также в устной и конклюдентной форме. Как верно отмечает А. А. Павлов [12], указанное в ст. 415 ГК РФ уведомление означает любое доведение воли кредитора до должника. Конклюдентными действиями в данном случае может выступать возврат расписки кредитором на руки должнику или уничтожение такой расписки в присутствии должника.

5. Прощение долга по обязательствам личного характера

Следует особо остановиться на вопросе возможности прекращения долга по обязательствам по уплате алиментов и возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, т.е. обязательств, носящих так называемый личный характер.

Говоря об алиментных обязательствах, необходимо подчеркнуть, что ст. 120 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) [13] исчерпывающим образом устанавливает основания прекращения таких обязательств в случаях их взыскания в судебном порядке: достижение ребенком совершеннолетия или им

полной дееспособности до достижения совершеннолетия; усыновление (удочерение) ребенка, на содержание которого взыскивались алименты; признание судом восстановления трудоспособности или прекращения нуждаемости в помощи получателя алиментов; вступление нетрудоспособного нуждающегося в помощи бывшего супруга – получателя алиментов в новый брак; смерть получателя или плательщика алиментов.

Но алиментные обязательства могут быть установлены не только судебным актом, но и соглашением об уплате алиментов, к которому согласно ст. 101 СК РФ применяются нормы ГК РФ, регулирующие заключение, исполнение, расторжение и признание недействительными гражданско-правовых сделок.

Как уже отмечалось, согласно ст. 415 ГК РФ прекращение обязательства прощением долга возможно, если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора, а в соответствии со ст. 407 ГК РФ стороны своим соглашением вправе прекратить обязательство, если иное не установлено законом или не вытекает из существа обязательства.

В правовой доктрине превалирует мнение, что обязательства, носящие личный характер, не могут прекращаться прощением долга [14; 15; 16]. Однако данная точка зрения представляется немного упрощенной. Представляется целесообразным рассмотреть соглашение об уплате алиментов в контексте возможного прекращения порожденных им обязательств прощением долга исходя из субъектного состава такого соглашения.

Как следует из ст. 99 СК РФ соглашение об уплате алиментов заключается между лицом, обязанным уплачивать алименты и их получателем, а при недееспособности лица, обязанного уплачивать алименты, и (или) получателя алиментов – между законными представителями этих лиц. Не полностью дееспособные лица заключают соглашение об уплате алиментов с согласия законных представителей. Но, кроме того, давно отмечено, что соглашения об уплате алиментов могут быть заключены между лицами как имеющими право на взыскание алиментов в судебном порядке, так и между лицами, вообще не отнесенными к кругу лиц, уполномоченных требовать алименты в судебном порядке: например, лицами, находящимися в фактических брачных отношениях и др. лицами [17, с. 98]. В связи с этим необходимо оговориться, что для целей настоящего исследования за основу взята классификация алиментных обязательств по субъектному составу, представленная в СК РФ.

Алиментные обязательства родителей и детей (ст. 80–88 СК РФ), в свою очередь, можно подразделить на обязательства, в которых плательщиком алиментов выступают родители и обязательства, в которых плательщиками выступают дети.

Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, в том числе несовершеннолетних детей, оставшихся без попечения родителей, а также своих совершеннолетних нетрудоспособных детей, под которыми понимаются лица, признанные в установленном порядке инвалидами I, II или III группы, а также лица, достигшие общеустановленного пенсионного возраста, что разъяснено п. 7 постановления пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 [18].

Получателем алиментов при их выплате на несовершеннолетнего ребенка, являющегося недееспособным, является несовершеннолетний ребенок, во время как субъектами соглашения об уплате алиментов в этом случае выступают родители ребенка – один в качестве плательщика алиментов, другой – в качестве законного представителя несовершеннолетнего ребенка.

При заключении соглашения об уплате алиментов на ребенка, оставшегося без попечения родителей, алименты выплачиваются опекуну (попечителю) или приемным родителям. Если алименты выплачиваются на детей, находящихся в образовательных, медицинских организациях, организациях социального обслуживания и в аналогичных организациях, зачисляются на счета этих организаций. Фактически на эти организации распространяются функции опекунов и попечителей [19, с. 26]. Соответствующим образом формируется и состав соглашения об уплате алиментов.

В случаях, когда алименты выплачиваются на совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка, являющегося недееспособным, соглашение об уплате алиментов в интересах ребенка подписывает законный представитель или опекун. Если ребенок является не полностью дееспособным, то соглашение об уплате алиментов может заключать он сам, но с согласия попечителя или законного представителя – другого родителя.

Очевидно, что во всех вышеперечисленных случаях прекращение обязательства по уплате алиментов путем прощения долга (которое должно бы осуществляться родителем как законным представителем, приемными родителями, опекуном (попечителем) не представляется возможным, так как в любом случае повлечет за собой нарушение имущественных прав ребенка, уменьшение объема его имущества.

В данном случае применительно к участию в рассматриваемых отношениях опекунов и попечителей, следует обратить внимание на положения ст. 4 и 7 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [20] и разъяснения Федеральной службы по труду и занятости, данные в Руководстве по соблюдению обязательных требований в сфере опеки и попечительства в отношении совер-

шеннолетних недееспособных или не полностью дееспособных граждан, все действия, предпринимаемые опекуном (попечителем), органами опеки и попечительства, организациями и лицами в рамках правоотношений по опеке (попечительству), должны быть направлены на обеспечение прав и законных интересов недееспособного или не полностью дееспособного лица [21]. Это же можно отнести и к действиям родителей как законных представителей детей.

С другой стороны, согласно ст. 87 СК РФ трудоспособные совершеннолетние дети обязаны содержать своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, и в данном случае при заключении соглашения об уплате алиментов плательщиком алиментов будет выступать совершеннолетний ребенок, а получателем алиментов – нетрудоспособный родитель. В случае, если нетрудоспособный родитель является дееспособным лицом, то он сам вправе как заключить такое соглашение, так и изменить или расторгнуть его, реализуя свои права в рамках п. 1 ст. 450 ГК РФ. Прекратить обязательство прощением долга в данном случае также возможно.

Если получатель алиментов – нетрудоспособный и недееспособный родитель, то, обращаясь к доводам, изложенным выше, прощение долга также представляется невозможным.

Второй блок алиментных обязательств – алиментные обязательства супругов и бывших супругов. Статья 89 СК РФ определяет категории лиц, имеющих право требовать предоставления алиментов с супругов или бывших супругов в судебном порядке. В этом случае, как уже отмечалось, прощение долга по алиментным обязательствам невозможно. В случаях, когда речь идет о заключении соглашения об уплате алиментов между дееспособными супругами или бывшими супругами, то прощение долга также представляется возможным.

Такой же подход применим и в отношении алиментных обязательств, возникающих между другими членами семьи, в зависимости от субъектного состава таких обязательств.

В отношении обязательств вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина следует отметить, что ст. 1064 ГК РФ закреплено, что такой вред подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим, а судебными актами по конкретным делам подтверждается правовая позиция, что данная норма является императивной и не допускает возможности снижения размера подлежащего возмещению вреда на основании соглашения сторон. Изменение размера возмещения вреда возможно только в сторону его увеличения [22]. Соответственно, и прощение долга по такому обязательству недопустимо.

Однако в случае, когда стороны правоотношения по возмещению вреда, причиненного жизни или здо-

ровью гражданина, решают вопрос такого возмещения во внесудебном порядке, заключая соответствующее соглашение, которое также квалифицируется как гражданско-правовой договор, прощение долга возможно при условии, что потерпевшей стороной опять-таки выступает дееспособное лицо. Когда потерпевший недееспособен, то в его интересах действует опекун, который, как уже отмечалось выше в отношении алиментных обязательств, не имеет права действовать вопреки имущественным интересам подопечного, следовательно, прощение долга при таких условиях невозможно.

6. Прощение долга и возникновение налоговых споров

Может показаться на первый взгляд, что все правовые неопределенности настигнут сделку по прощению долга только при возникновении судебных споров между сторонами, например, если кто-то из них решит признать прощение недействительным или в рамках процедуры банкротства кредитора сделку попытается оспорить конкурсный управляющий. Однако на самом деле с проблемой соответствия сделки предъявляемым требованиям стороны столкнуться на стадии выездной налоговой проверки.

Главной причиной, по которой прощение долга должно стать для коммерческих организаций открытым, применимым и понятным способом прекращения обязательств – это избежание многочисленных налоговых споров. Их суть заключается в тех налоговых последствиях, которые порождает прощение долга для кредитора и должника. На практике, пропустив долг, кредитор зачастую списывает в налоговом учете прощенную сумму в свои расходы как безнадежный долг, тем самым уменьшая налогооблагаемую базу по налогу на прибыль. Тогда как в ст. 266 Налогового кодекса РФ [23] (далее – НК РФ) установлен закрытый перечень оснований для признания долга безнадежным, одним из которых действительно признается способ прекращения обязательства, но не прощением долга, а невозможностью исполнения. Таким образом, можно сделать вывод, что прощение долга не может признаваться безнадежным долгом и соответственно списываться в учитываемые при налогообложении расходы кредитора.

Вместе с тем в одном из своих решений ВАС РФ разрешил подобные действия, но только если в прощении долга можно будет выявить обоснованность, т.е. наличие того же экономического интереса или имущественной выгоды кредитора [24]. Несмотря на это, инспекции Федеральной налоговой службы стремятся оспорить эту обоснованность, признать прощение долга способом реализации договора дарения (и, как следствие, признание его недействительным), чтобы доначислить налог на прибыль (20% от суммы

прощенного долга) и пени, взыскать штраф, что может составить довольно значительную сумму [25].

Прощение долга, разумеется, сказывается и на налогооблагаемых доходах должника. Должник учитывает у себя сумму расходов при налогообложении в том периоде, когда произошла реализация (исполнение договора), но впоследствии эти расходы не несет из-за прощения долга. На основании подп. 1 п. 1 ст. 250 НК РФ такое прощение должно признаваться для должника внереализационным доходом, который облагается налогом на прибыль, причем в доходы включается сумма долга с учетом налога на добавленную стоимость.

Таким образом, налоговые органы в такой ситуации доказывают наличие налогооблагаемого дохода у должника и необоснованность расходов у кредитора на списание такого долга. Одним из исключений может быть признана ситуация, при которой кредитором является материнская компания либо учредитель организации с долей более 50%. В таком случае у должника не возникает налогооблагаемого дохода (подп. 11 п. 1 ст. 251 НК РФ).

Подводя итоги под исследованием проблемы института прощения долга, однозначно можно судить только о том, что такой институт существует в законодательстве, используется правовой доктриной и применяется судебной практикой, а также остается востребованным не только в качестве способа прекращения обязательств, но и в качестве пространства для вечной и многогранной научной дискуссии. Представляется, без внесения изменений в ГК РФ достичь единообразия в применении данного института на сегодняшний день невозможно, как и невозможно дать однозначные ответы на поставленные в данной статье вопросы.

Можно лишь представить собственный взгляд на правовую природу прощения долга, который значительно упростил бы понимание и применение данного института, если бы нашел свое отражение одновременно в законодательстве и разъяснениях судебных инстанций.

Прощение долга – это двусторонняя сделка по прекращению обязательства, требующая обязательного согласия должника на ее совершение. Согласие может быть выражено в любой форме, в том числе в виде акцепта молчанием. Предметом прощения долга является право требования, т.е. обязательственное субъективное право, вытекающее из договора или являющееся внедоговорным, кроме обязательств, прекращение которых возможно лишь исполнением. Прощение долга может быть применено к обязательствам в двух формах: как способ реализации договора дарения, который подчиняется установленным запретам; как самостоятельная сделка по прощению долга между коммерческими организациями с обязательным указанием на отсутствие намерения одарить должника. Прощение долга – это безвозмездная сделка, не предполагающая встречного предоставления. При прощении долга между коммерческими организациями необходимо составлять соглашение, в которое одновременно будут входить, во-первых, положения о прощении долга с точным указанием прощаемого обязательства, и, во-вторых, доказательства имущественной выгоды или иного экономического интереса кредитора. Необходимо явно указывать на взаимосвязь между прощением долга и имущественной выгодой (экономическим интересом).

Институту прощения долга предстоит пройти свой долгий путь применения на практике, в том числе в связи с новыми разъяснениями Верховного Суда РФ и актуальной потребностью в прекращении обязательств. И насколько бы ни была занимательной сложившаяся дискуссия, каждый исследователь данного института мечтает однажды увидеть отражение собственного анализа и понимания прощения долга на страницах законодательства. На самом же деле главная цель в решении большинства проблем прощения долга – создание выработанного механизма прощения долга на практике, а также типового соглашения, понятного образца, который позволил бы всем участникам гражданского оборота без страха и упрека прощать своих должников.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 8.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая : Общие положения. 3-е изд., стереотип. М. : Статут, 2001.
3. Постановление Президиума ВАС РФ от 4 декабря 2012 г. № 8989/12 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Ноздрачева А. Ю. Обзор судебной практики по вопросу соотношения института прощения долга со смежными правовыми конструкциями // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 7.
5. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2017 г. по делу № А70-6147/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Решение Арбитражного суда Республики Бурятия от 23 августа 2016 г. по делу № А10-2788/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Определение Верховного Суда РФ от 20 августа 2020 г. по делу № 306-ЭС19-2986(5) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Правовые позиции ВС РФ по сделкам, договорам и обязательствам за июнь–август 2020 года: обзор и комментарий // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/11/pravovye_pozicii_vs_rf_po_sdelkam_dogovoram_i_obyazatelstvam_za_iyun_-_avgust_2020_goda_obzor_i_komm (дата обращения: 07.01.2021).

9. Хилюта В. В. Имущественная выгода как субъективный признак преступлений против оборота объектов гражданских прав // Вестник Полоцкого государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. № 5.

10. Панюшкина Е. В. Теоретические аспекты реализации экономических интересов в условиях современной экономики : автореф. дис.... канд. экон. наук. Ярославль, 2013.

11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28 апреля 2018 г. по делу № А75-5697/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

12. Павлов А. А. Прекращение обязательств. Авторский онлайн-курс // LF Академия : сайт. URL: <https://lfacademy.ru/c/course/2980244> (дата обращения: 07.01.2021).

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

14. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М. : Статут, 2018.

15. Комментарий к гражданскому кодексу Российской Федерации (часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ) (постатейный). Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2019.

16. Кулаков В. В. Обязательственное право : учебное пособие. М. : РГУП, 2016.

17. Чефранова Е. А. Имущественные отношения в российской семье : практическое пособие. М. : Юристъ, 1997.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

19. Рабец А. М. Алиментные обязательства и отношения по опеке и попечительству : проблемы сосуществования // Современное право. 2018. № 2.

20. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.

21. Руководство по соблюдению обязательных требований в сфере опеки и попечительства в отношении совершеннолетних недееспособных граждан (2019) (утв. Рострудом) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2018 г. по делу № 33-37734/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

23. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

24. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2010 г. № ВАС-3616/10 // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 октября 2013 г. № 3710/13 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 11 June 2020 No. 6 “On Some Issues of Application of the Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Termination of Obligations”. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2020. No. 8.

2. Braginskii M. I., Vitrianskii V. V. Contract Law. Book One: General Provisions. 3rd ed. Moscow: Statut, 2001.

3. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 4 December 2012 No. 8989/12 (SPS “ConsultantPlus”).

4. Nozdracheva A. Iu. Review of Judicial Practice on the Relationship Between the Institution of Debt Forgiveness and Related Legal Structures. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2019. No. 7.

5. Resolution of the Eighth Arbitration Court of Appeal of 8 June 2017 in case No. A70-6147/2016 (SPS “ConsultantPlus”).

6. Decision of the Arbitration Court of the Republic of Buryatia of 23 August 2016 in case No. A10-2788/2016 (SPS “ConsultantPlus”).

7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 20 August 2020 in case No. 306-ES19-2986(5) (SPS "ConsultantPlus").

8. Legal Positions of the Supreme Court of the Russian Federation on Transactions, Agreements and Obligations for June–August 2020: Review and Comment. URL: https://zakon.ru/blog/2020/09/11/pravovye_pozicii_vs_rf_po_sdelkam_dogovoram_i_obyazatelstvam_za_iyun_-_avgust_2020_goda_obzor_i_komm (date of the application: 07.01.2021).

9. Khiliuta V. V. Property Benefit as a Subjective Sign of Crimes Against the Circulation of Objects of Civil Rights. *Bulletin of the Polotsk State University. Economic and Legal Sciences*. 2017. No. 5.

10. Paniushkina E. V. Theoretical Aspects of Realization of Economic Interests in the Conditions of Modern Economy: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Economic Sciences. Yaroslavl, 2013.

11. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of 28 April 2018 in case No. A75-5697/2017 (SPS "ConsultantPlus").

12. Pavlov A. A. Termination of Obligations. Author's Online Course. URL: <https://lfacademy.ru/c/course/2980244> (date of the application: 07.01.2021).

13. Family Code of the Russian Federation of 29 December 1995 No. 223-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 1. Art. 16.

14. Ksenofontova D. S. Legal Guarantees in the Sphere of Alimony: Monograph. Moscow: Statut, 2018.

15. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (part one of 30 November 1994, No. 51-FZ) (itemized). Saratov: Ip Er Media, 2019.

16. Kulakov V. V. Obligations Law: Textbook. Moscow: Russian State University of Justice Publ., 2016.

17. Chefranova E. A. Property Relations in the Russian Family: Practical Guide. Moscow: Iurist, 1997.

18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26 December 2017 No. 56 "On the Application of Legislation by Courts When Considering Cases Related to the Recovery of Alimony". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2018. No. 4.

19. Rabets A. M. Alimony Obligations and Relations of Custody and Guardianship: Problems of Coexistence. *Modern Law*. 2018. No. 2.

20. Federal Law of 24 April 2008 No. 48-FZ "On Guardianship and Trusteeship". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2008. No. 17. Art. 1755.

21. Guidelines for Compliance with Mandatory Requirements in the Field of Guardianship and Guardianship in Relation to Adult Incapacitated Citizens (2019) (approved by Rostrud) (SPS "ConsultantPlus").

22. Appellate Ruling of the Moscow City Court of 28 August 2018 in case No. 33-37734/2018 (SPS "ConsultantPlus").

23. Tax Code of the Russian Federation (Part Two) of 5 August 2000 No. 117-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2000. No. 32. Art. 3340.

24. Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 26 March 2010 No. VAS-3616/10 (SPS "ConsultantPlus").

25. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22 October 2013 No. 3710/13 (SPS "ConsultantPlus").

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ РАБОТЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-66-72>

Настоящая статья посвящена изучению проблем правового регулирования труда дистанционных работников. Актуальность исследования обусловлена тем, что с 2021 г. вступили в силу поправки в Трудовой кодекс РФ, которые были призваны значительно облегчить взаимодействие работодателей с дистанционными работниками, а также упростить перевод на дистанционную работу в исключительных обстоятельствах, например в связи с пандемией коронавируса. Предметом настоящего исследования выступают правоотношения, возникающие в процессе применения дистанционного труда. Цель данной работы заключается в том, чтобы проанализировать правовые проблемы, связанные с увольнением дистанционного работника по специальным основаниям, использованием усиленной квалифицированной электронной подписи при обмене кадровыми документами, обеспечением дистанционного работника необходимым оборудованием, а также переводом на дистанционную работу без согласия работника в исключительных случаях. Исследование проводилось на основе методов сравнительного анализа и синтеза, структурно-функционального анализа, формально-юридического анализа, а также общенаучных методов познания. В рамках настоящего исследования предлагается внести изменения в действующее законодательство, в частности скорректировать формулировки специальных оснований увольнения дистанционных работников, уточнить случаи использования усиленной электронной подписи при обмене кадровыми документами, закрепить ориентировочный перечень расходов, которые работодатель обязан компенсировать дистанционному работнику. Представляется, что предлагаемые нововведения способствовали бы недопущению злоупотребления правом со стороны работодателей и дискриминации дистанционных работников, устранения правовых пробелов в указанной сфере. Материалы настоящей статьи могут быть использованы для дальнейших научных исследований и совершенствования законодательства в указанной сфере.

ЛЮТАРЕВИЧ-ГЕФТЕР
Юлия Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

gefter.84@list.ru

**Дистанционная работа;
перевод;
трудоустройство;
защита от дискриминации;
злоупотребление правом**

Yulia A. LYUTAREVICH-GEFTER

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil Procedure and Organization
of the Bailiff Service, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

gefter.84@list.ru

**Distance work;
transfer;
labor contract;
protection against
discrimination;
abuse of the right**

THE NEW PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF REMOTE WORK AND THE WAYS OF OVERCOMING THEM

This article is devoted to considering the problems of legal regulation of remote work. The relevance of the study stipulated by the fact that in 2021 amendments to the Labor Code of the Russian Federation entered into force, which were designed to facilitate the interaction of employers with remote workers, as well as to simplify the transfer to remote work in exceptional circumstances, for example, in connection with the coronavirus pandemic. The subject of this research is the legal relationship arising in the process of remote work. The purpose of this research is to analyze the legal problems associated with the dismissal of a remote worker on special grounds, the use of an enhanced qualified electronic signature when exchanging personnel documents, providing a remote worker with

the necessary equipment, as well as transferring to remote work without the employee's consent in exceptional cases. The research was carried out on the basis of methods of comparative analysis and synthesis, structural and functional analysis, formal legal analysis, as well as general scientific methods. Within the framework of this study, it is proposed to amend the current legislation. In particular, to correct the wording of special grounds for dismissing remote workers, to clarify the cases of using an enhanced electronic signature when exchanging personnel documents, to fix an indicative list of expenses that the employer is obliged to compensate for a remote worker. It seems that the proposed innovations would help prevent abuse of the right by employers and discrimination against remote workers. The materials of this article can be used for further research and improvement of legislation in this area.

В декабре 2020 г. были внесены кардинальные изменения в Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) в части регулирования труда дистанционных работников. Необходимость в указанных нововведениях назрела давно, поскольку прежние нормы о дистанционном труде не соответствовали сложившейся практике взаимоотношений между сторонами трудовых отношений и, кроме того, допускали дискриминацию дистанционных работников.

Так, по ранее действовавшим нормам для того, чтобы работник мог работать дистанционно, с ним должен был быть заключен отдельный трудовой договор о дистанционной работе. Однако на практике работники и работодатели нередко заключали дополнительные соглашения о дистанционной работе к уже действовавшим обычным трудовым договорам. Такие действия, хотя и не были прямо разрешены законом, тем не менее не вызвали претензий у судов в процессе разрешения споров с дистанционными работниками (апелляционное определение Мосгорсуда от 6 июля 2017 г. по делу № 33-21198/2017 [1]).

Кроме того, по действовавшим ранее правилам работодатели имели возможность прописывать в трудовых договорах о дистанционной работе дополнительные основания увольнения работников по инициативе организации. Такая прерогатива компаний в отношении дистанционных работников приводила к злоупотреблениям со стороны работодателей. В частности, они указывали в трудовых договорах, что те расторгаются, если работодатель принял соответствующее решение и уведомил о нем дистанционного работника за определенный срок. Иначе говоря, дистанционного работника можно было уволить практически в любой момент и даже при отсутствии его вины. Есть пример, когда суд признал, что указанное основание расторжения трудового договора незаконно, так как противоречит сути трудового законодательства, допуская увольнение работника по инициативе работодателя без указания мотива (решение Невского районного суда г. Санкт-Петербур-

бурга от 29 сентября 2020 г. по делу № 2-2688/2020 [2]). Таким образом, содержание старой редакции ч. 1 ст. 312.5 ТК РФ приводило к дискриминации дистанционных работников и лишению их права на защиту от необоснованного увольнения. В связи с этим работники были вынуждены добиваться восстановления в должности через суд.

Несмотря на очевидные пробелы и коллизии в правовом регулировании труда дистанционных работников, законодатель не спешил вносить в ТК РФ необходимые изменения. Ситуация резко изменилась весной 2020 г., когда из-за пандемии коронавируса COVID-19 Президент РФ объявил нерабочие дни с сохранением заработной платы (указы Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206, от 2 апреля 2020 г. № 239, от 28 апреля 2020 г. № 294 [3; 4; 5]).

Чтобы не прекращать деятельность в период самоизоляции, работодатели стали экстренно организовывать дистанционную работу. При этом далеко не все компании сразу же заключили с работниками письменные дополнительные соглашения о дистанционной работе. Часто указанные документы оформляли уже после окончания нерабочих дней, т.е. «задним числом». Для работников такая ситуация была опасна. Ведь работодатель мог воспользоваться отсутствием надлежаще оформленного перевода на дистанционную работу и уволить за прогул. В итоге работникам приходилось добиваться восстановления в должности через суд (апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 14 октября 2020 г. по делу № 33-3479/2020 [6]).

Дабы упростить перевод на дистанционную работу и взаимодействие с указанной категорией работников, законодатели стали работать над соответствующими поправками в ТК РФ. Итогом такой работы стало принятие в декабре 2020 г. Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ [7]. Указанный закон существенно изменил правила регулирования труда дистанционных работников. Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью про-

анализировать нововведения и вывить правовые проблемы, связанные с применением недавно принятых норм о дистанционном труде. Научная новизна и практическая значимость работы заключаются в сделанных автором статьи предложениях по совершенствованию действующего законодательства в данной сфере.

Проблема 1. Согласно ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ трудовой договор с дистанционным работником может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае, если в период дистанционной работы работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по служебным вопросам более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса от организации. При этом более длительный срок, в течение которого дистанционный работник обязан ответить работодателю, может быть установлен трудовым или коллективным договором, а также локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения первичной профсоюзной организации.

Исходя из формулировки вышеуказанной нормы можно сделать вывод, что увольнение по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ по своему правовому смыслу является дисциплинарным взысканием. Ведь расторжение трудового договора в данном случае производится по инициативе работодателя за виновное неисполнение работником возложенных на него трудовых обязанностей.

В ст. 192 ТК РФ закреплен исчерпывающий перечень оснований расторжения трудовой договора, которые являются дисциплинарными взысканиями, и указано, что применение дисциплинарных взысканий, не предусмотренных федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине, не допустимо. Однако увольнение по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ не поименовано в ч. 3 ст. 192 ТК РФ как вид дисциплинарного взыскания.

Указанный правовой пробел порождает не только теоретический вопрос о соотношении общих и специальных норм ТК РФ, но и является сложной практической проблемой. Ведь если работодатель применяет дисциплинарное взыскание, в том числе и в виде увольнения, он должен соблюсти процедуру, наложения наказания. Если работник действительно совершил дисциплинарный проступок, но работодатель, применяя взыскание, не выполнил указанную процедуру, наказание не будет законным.

Таким образом, сейчас ТК РФ не обязывает работодателя соблюдать процедуру применения дисциплинарного взыскания при увольнении дистанционного работника по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ. Однако увольнение по данному основанию правомерно только в том случае, если дистанционный работник по своей вине не взаимодействовал с работодателем.

А чтобы установить наличие или отсутствие вины работника, придется затребовать у него объяснительную, т.е. фактически хотя бы частично исполнить требования ст. 193 ТК РФ.

Для устранения правовой неопределенности и предотвращения споров о законности увольнения дистанционного работника по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ предлагается дополнить ч. 3 ст. 192 ТК РФ положением о том, что увольнение по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ является дисциплинарным взысканием.

Проблема 2. Согласно ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ трудовой договор с лицом, выполняющим дистанционную работу на постоянной основе, может быть прекращен в случае изменения работником местности выполнения трудовой функции, если из-за этого сохранить условия трудового договора невозможно.

Понятие местности в трудовом законодательстве не закреплено. Но при разрешении споров суды ориентируются на п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 [8]. Согласно указанному акту под местностью понимают территорию в пределах административно-территориальных границ населенного пункта.

По замыслу законодателя трудовой договор можно прекратить по ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ, если, например, дистанционный работник по своей инициативе переехал из местности, где нет районного коэффициента и надбавки, в местность с особыми климатическими условиями. В такой ситуации у работодателя возникает обязанность предоставлять дистанционному работнику гарантии, связанные с выполнением работы в особых условиях, в частности, по повышенной оплате труда и дополнительному отпуску. Значит, при согласии обеих сторон трудового договора его условия надо будет изменить. Если же работодатель не согласится выплачивать дистанционному работнику районный коэффициент, надбавку и предоставлять дополнительный отпуск, он вправе прекратить трудовой договор.

Представляется, что по своему правовому смыслу увольнение по ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ является увольнением по инициативе работодателя. Ведь он вправе, но не обязан прекращать трудовой договор при изменении дистанционным работником места выполнения трудовой функции. Однако указанная норма сформулирована таким образом, что относится к случаям прекращения трудового договора, а не к случаям его расторжения по инициативе работодателя. Следовательно, увольняя работников по данному основанию, работодатели не будут предоставлять им гарантии, предусмотренные ч. 6 ст. 81, ст. 261, 269 ТК РФ.

Также необходимо обратить внимание, что увольнение по ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ возможно только в том случае, если работник выполняет трудовую функцию

дистанционно на постоянной основе. Если же работник трудится дистанционно временно, т.е. не более полугода или периодически, то уволить его по вышеназванному основанию нельзя. Получается, что если беременная женщина, которая постоянно работает дистанционно, по каким-либо причинам переедет из обычной местности в местность с особыми климатическими условиями, работодатель вправе будет такую работницу уволить. Если же беременная работница трудится дистанционно только временно, в аналогичной ситуации работодатель не сможет ее уволить по ч. 2 ст. 312.8 ТК. Таким образом, законодатель допустил дискриминацию беременных женщин, постоянно работающих дистанционно, в том числе по сравнению с беременными женщинами, которые работают дистанционно только временно.

Для недопущения дискриминации дистанционных работников предлагается изложить ч. 2 ст. 312.8 ТК РФ в следующей редакции: «Трудовой договор с работником, выполняющим дистанционную работу на постоянной основе, может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае изменения работником местности выполнения трудовой функции, если это влечет невозможность исполнения работником обязанностей по трудовому договору на прежних условиях». Также предлагается дополнить п. 4 ч. 1 ст. 77 ТК РФ указанием на то, увольнение по ч. 1 или 2 ст. 312.8 ТК РФ относится к случаям увольнения по инициативе работодателя.

Проблема 3. Условие о месте работы является обязательным для включения в трудовой договор, при этом закон не запрещает прописывать его детально. В трудовых договорах с обычными работниками работодатели, как правило, ограничиваются лишь указанием на наименование организации и местность. Ведь если прописать, например, точный адрес, у работодателя возникнут дополнительные трудности. Так, при переезде в другое здание ему придется заключать с работниками дополнительные соглашения, чтобы скорректировать условие о месте работы.

С дистанционными работниками ситуация противоположная. Работник выполняет свои обязанности вне стационарного рабочего места, прямо или косвенно находящегося под контролем работодателя. В итоге работодателю выгодно прописывать в трудовом договоре о дистанционной работе конкретный адрес, по которому работник будет трудиться. Ведь тогда переехать в другой дом или квартиру работник сможет только по согласованию с работодателем и после внесения изменения в трудовой договор. Значит, у работодателя будет возможность отказать работнику в переезде, а если тот самовольно изменит место работы, уволить его впоследствии за неоднократное неисполнение трудовых обязанностей. Таким образом, работодатель получает еще один рычаг

давления на работников, которые и так являются более слабой стороной трудового правоотношения.

Для недопущения злоупотреблений со стороны работодателей представляется необходимым дополнить ст. 57 и 312.1 ТК РФ указанием на то, что в трудовом договоре о дистанционной работе в качестве места работы указывается наименование работодателя и местность выполнения трудовой функции.

Проблема 4. Согласно ст. 312.3 ТК РФ при заключении, изменении или расторжении в электронном виде трудовых договоров, дополнительных соглашений к ним, договоров о материальной ответственности, ученических договоров, используются усиленная квалифицированная электронная подпись (далее – УКЭП) работодателя и УКЭП или усиленная неквалифицированная электронная подпись (далее – УНЭП) работника. В иных случаях работник и работодатель вправе подписывать кадровые документы, например, простой электронной подписью.

На практике юристы по-разному трактуют вышеуказанную норму. Так, по мнению одних экспертов, работодатель должен подписывать УКЭП, а работник – УКЭП или УНЭП только договоры и соглашения, заключаемые в электронном виде. А вот локальные нормативные акты, уведомления, согласия, запросы и иные кадровые документы работодатель и работник вправе подписать простой электронной подписью [9].

Однако другие эксперты трактуют содержание ч. 1 ст. 312.3 ТК РФ шире и придерживаются противоположной позиции, указывая, что: «Работник должен подписать усиленной квалифицированной или неквалифицированной электронной либо живой подписью все заявления, приказы, уведомления, которые оформляются в рамках данных процедур и в обычных условиях подписываются работником лично: заявление о приеме на работу, соглашение, заявление и приказ об увольнении, уведомление о сокращении...» [10].

Для применения указанных норм на практике важно единообразное их понимание. Ведь в противном случае неизбежны споры о законности, например, направления заявления об увольнении или уведомления о сокращении в форме электронного документа, подписанного простой электронной подписью.

Во избежание споров следует переформулировать ч. 1 ст. 312.3 ТК РФ, зафиксировав в ней исчерпывающий перечень документов, которые надо подписывать УКЭП либо собственноручно.

Представляется возможным разрешить сторонам трудового договора подписывать простой электронной подписью все иные кадровые документы кроме непосредственно договоров и соглашений. В противном случае большинство основополагающих электронных кадровых документов пришлось бы по-прежнему подписывать УКЭП, что затрудняло бы взаимодействие между сторонами трудового договора.

Проблема 5. Работодатель должен обеспечить дистанционного работника необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими и иными средствами. Дистанционный работник вправе с согласия или ведома работодателя и в его интересах использовать для выполнения трудовой функции принадлежащие работнику или арендованные им оборудование, программно-технические и иные средства. При этом работодатель выплачивает дистанционному работнику компенсацию за использование указанных средств, а также возмещает расходы, связанные с их использованием. Порядок, сроки и размеры осуществления указанных выплат определяются коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к нему.

Исчерпывающего перечня средств, которые дистанционный работник использует для осуществления трудовой функции, нет и быть не может. Но исходя из указанных положений можно сделать вывод, что работодатель должен обеспечить дистанционного работника любыми средствами, которые нужны для исполнения трудовых обязанностей, а если работник с ведома работодателя использует свое или арендованное имущество, – компенсировать работнику соответствующие расходы.

На практике часть работодателей вообще не предоставляют дистанционным работникам никакое служебное оборудование и при этом не компенсируют использование собственного имущества. В этой ситуации работодатели рассчитывают, что работник либо не обратится в суд, желая избежать конфликта, либо в случае спора проиграет дело, так как ни в договоре, ни в локальном нормативном акте суммы компенсаций не установлены.

В целях защиты дистанционных работников целесообразно конкретизировать ст. 312.6 ТК РФ, указав следующее:

«В случае, если дистанционный работник с ведома или согласия работодателя и в его интересах использует для выполнения трудовой функции личное или арендованное имущество, то работодатель обязан возместить дистанционному работнику расходы:

- по оплате электроэнергии;
- по оплате интернет-связи;
- связанные с амортизацией компьютера, ноутбука или аналогичного устройства;
- связанные с покупкой необходимого для работы программного обеспечения;
- связанные с амортизацией стула, стола или иной мебели, которую дистанционный работник использует для выполнения трудовых обязанностей.

При этом работодатель считается уведомленным и согласным на использование дистанционным ра-

ботником личного или арендованного имущества, в случае если работодатель не обеспечил дистанционного работника необходимым для исполнения трудовой функции служебным имуществом и иными средствами.

Расходы компенсируются дистанционному работнику ежемесячно пропорционально фактически отработанному им времени.

Работодатель компенсирует дистанционному работнику иные расходы, связанные с дистанционным выполнением трудовой функции, в порядке и размерах, которые предусмотрены коллективным договором, локальным нормативным актом, принятым с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, трудовым договором, дополнительным соглашением к нему».

Проблема 6. Статья 312.9 ТК РФ предусматривает, что работодатель вправе без согласия работника временно перевести его на дистанционную работу в исключительных обстоятельствах. К таким обстоятельствам могут относиться, например, катастрофа, стихийное бедствие или же пандемия коронавируса. Перевод на дистанционную работу для случаев, указанных в ст. 312.9 ТК РФ, осуществляется на основании локального нормативного акта, в котором, помимо прочего, должен быть указан срок дистанционной работы.

Если из-за специфики трудовой функции или ограниченности средств, которыми располагает работодатель, невозможно перевести работников на дистанционный труд, то работников необходимо отправить в простой по причинам, не зависящим от воли сторон.

Значит, в исключительных обстоятельствах работодатель должен перевести работников на дистанционную работу на определенный срок, а тех, кто не могут работать в таком формате – отправить в простой. Исходя из изложенного можно сделать вывод, что ст. 312.9 ТК РФ не предусматривает возможности чередовать дистанционную и офисную работу, хотя такой вид занятости прямо разрешен законом.

Мэр Москвы указом от 1 октября 2020 г. № 96-УМ [11] обязал столичных работодателей перевести не менее 30% работников на дистанционный труд. Исполняя указанное решение, компании нередко утверждали графики, по которым работники в одни дни недели работали из дома, а в другие – приезжали в офис. В итоге общая численность работников, одновременно находившихся на стационарных рабочих местах, не превышала 70%, а значит, требования московских властей были выполнены.

Проблема в том, что если, например, региональные власти вновь обяжут работодателей перевести на дистанционную работу часть работников, то в соответствии с локальным нормативным актом, т.е. без заключения дополнительного соглашения к трудовым

договорам, работодатели смогут перевести работников на дистанционную работу только на определенный период времени. Прописать в локальном нормативном акте, что, например, одна группа работников работает дистанционно только по понедельникам, средам и пятницам, а другая – по вторникам и четвергам, не получится, ведь такая возможность не предусмотрена ст. 312.9 ТК РФ. Следовательно, придется заключать с работниками дополнительные соглашения к трудовым договорам, а значит, норма ТК РФ, специально созданная, чтобы облегчить перевод на дистанционную работу в исключительных обстоятельствах, не будет в полной мере выполнять свою функцию.

Для устранения правового пробела предлагается дополнить ч. 1 ст. 312.9 ТК РФ указанием на то, что в исключительных обстоятельствах работодатель вправе временно перевести работников на дистанционную работу, в том числе на условиях чередования дистанционной работы и работы на стационарном рабочем месте. Также следует дополнить абз. 4 ч. 3 ст. 312.9 ТК РФ указанием на то, что в локальном нормативном акте о временном переводе на дистанционную работу надо указать срок временного перевода либо график, по которому работники будут работать одни дни дистанционно, а другие – на стационарных рабочих местах.

Пристатейный библиографический список

1. Апелляционное определение Мосгорсуда от 6 июля 2017 г. по делу № 33-21198/2017 // Мосгорсуд : сайт URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/1de55e6c-0d48-4e45-9962-ebbdae8dab33?caseNumber=33-21198/2017> (дата обращения: 15.04.2021).
2. Решение Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 29 сентября 2020 г. по делу № 2-2688/2020 // Невский районный суд г. Санкт-Петербурга : сайт URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=429016160&case_uid=34804d8f-7793-4c17-b97e-50237dda9207&delo_id=1540005 (дата обращения: 15.04.2021)
3. Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // СЗ РФ. 2020. № 13. Ст. 1898.
4. Указ Президента РФ 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2082.
5. Указ Президента РФ от 28 апреля 2020 г. № 294 «О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СЗ РФ. 2020. № 18. Ст. 2875.
6. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 14 октября 2020 г. по делу № 33-3479/2020 // Верховный суд Чувашской Республики : сайт URL: <http://vs.chv.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2> (дата обращения: 15.04.2021).
7. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы и временного перевода работника на дистанционную (удаленную) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. 3). Ст. 8052.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.
9. Иванова А. Удаленку узаконили. Как работать с учетом поправок в ТК // Трудовые споры : сайт. URL: <https://e.tsporg.ru/862656> (дата обращения: 15.04.2021).
10. Катышев И., Маркина А. Электронная почта и дистанционные работники. Пять вопросов, которые возникли у работодателей после изменений в ТК // Трудовые споры. 2021. № 3.
11. Указ Мэра Москвы от 1 октября 2020 г. № 96-УМ «О внесении изменений в указы Мэра Москвы от 4 апреля 2020 г. № 40-УМ и от 8 июня 2020 г. № 68-УМ» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 55.

References

1. Appellate Ruling of the Moscow City Court of 6 July 2017 No. 33-21198/2017. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/1de55e6c-0d48-4e45-9962-ebbdae8dab33?caseNumber=33-21198/2017> (date of the application: 15.04.2021).
2. Decision of the Nevskii District Court of St. Petersburg of 29 September 2020 No. 2-2688/2020. URL: https://nvs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=429016160&case_uid=34804d8f-7793-4c17-b97e-50237dda9207&delo_id=1540005 (date of the application: 15.04.2021).

3. Decree of the President of the Russian Federation of 25 March 2020 No. 206 "On Declaring of Non-Working Days in the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 13. Art. 1898.

4. Decree of the President of the Russian Federation of 2 April 2020 No. 239 "On Measures for Ensuring Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population in the Territory of the Russian Federation in Connection with the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19)". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 14 (part 1). Art. 2082.

5. Decree of the President of the Russian Federation of 28 April 2020 No. 294 "On the Extension of the Measures for Ensuring Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population in the Territory of the Russian Federation in Connection with the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19)". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 18. Art. 2875.

6. Appellate Ruling of the Chuvash Republic Supreme Court of 14 October 2020 No. 33-3479/2020. URL: <http://vs.chv.sudrf.ru/modules.php?name=sdp2> (date of the application: 15.04.2021).

7. Federal Law of 8 December 2020 No. 407-FZ "On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation Regarding the Regulation of Remote Work and Temporary Transfer of an Employee to Remote Work at the Initiative of the Employer in Exceptional Cases". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 50 (part 3). Art. 8052.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of 17 March 2004 No. 2 "On Application by the Courts of the Russian Federation Labor Code of the Russian Federation". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2004. No. 6.

9. *Ivanova A.* Remote Work in Law. How to Work Given Amendments to the Labor Code. URL: <https://e.tspor.ru/862656> (date of the application: 15.04.2021).

10. *Katyshev I., Markina A.* E-Mail and Remote Workers. Five Questions That Arose After the Amendments to the Labor Code. *Labor Disputes*. 2021. No. 3.

11. Decree of the Mayor of Moscow of 1 October 2020 No. 96-UM "On Amendments to the Decrees of the Mayor of Moscow of 4 April 2020 No. 40-UM and of 8 June 2020 No. 68-UM". *Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow*. 2020. No. 55.

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «РАЗЪЕЗДНОЙ ХАРАКТЕР РАБОТЫ»

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-73-84>

В статье рассматривается проблема содержания понятия «разъездной характер работы», отсутствующего в действующем законодательстве. Актуальность исследуемого вопроса заключается в отсутствии в настоящее время единой (общей) легальной дефиниции названного понятия, что порождает существенные сложности при необходимости квалификации характера работы конкретного лица (группы лиц). Предметом исследования являются нормы трудового законодательства РФ и иные акты, содержащие нормы трудового права, позволяющие выявить существенные черты (признаки) разъездного характера работы. Целью работы стали раскрытие содержания понятия «разъездной характер работы» и формулирование общего определения разъездной работы, применимого ко всем частным случаям и предполагающего возможность учета специфики условий работы в различных отраслях. В качестве характерного примера выводы, полученные в результате исследования, применены авторами при квалификации условий работы специальной категории работников – спортсменов и тренеров. В работе затронут вопрос документального оформления служебных поездок работников, чья работа имеет разъездной характер. В процессе исследования были применены следующие методы: анализ, аналогия, системный и структурный методы, а также формально-юридический и сравнительно-правовой. Исходя из толкования положений действующего трудового законодательства выявлена вторичность критерия постоянства (регулярности) служебных поездок в вопросе квалификации характера работы, а также определен предпочтительный порядок установления правил оформления направления работника в служебную поездку. На основании обобщения и системного анализа положений трудового законодательства, ведомственных нормативных актов, разъяснений по вопросу о понятии и признаках разъездной работы, изучения достижений науки трудового права советского периода авторами предпринята попытка реконструкции сущностного смыслового наполнения общего понятия «разъездной характер работы», а также предложено авторское определение этого понятия. Выводы, к которым пришли авторы в процессе изучения данной проблемы, могут быть в дальнейшем применены в выработке единой позиции профильных государственных органов исполнительной власти, а также судов в вопросе обоснованности квалификации работы по конкретной должности в качестве работы, имеющей разъездной характер.

КИЧИГИН
Сергей Владиславович

Спортивная школа олимпийского резерва Кузбасса по боксу им. заслуженного тренера СССР В. П. Курегешева (г. Кемерово)
76-42-50@mail.ru

ПОПОВА
Диана Григорьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово)
popdi@rambler.ru

**Понятийный аппарат;
разъездная работа;
характер работы;
условия работы;
служебные командировки;
служебные поездки;
толкование права;
юридическая герменевтика;
доктринальное толкование;
юридическая техника**

Sergei V. KICHIGIN

Sports School of the Olympic Boxing Reserve named after the Honored Trainer of the USSR V. P. Kuregeshev (Kemerovo)

76-42-50@mail.ru

ON THE CONTENT OF THE CONCEPT OF “TRAVELING NATURE OF WORK”

The article discusses the problem of disclosing the content of the term “traveling nature of work”, which is absent in the current legislation. The relevance of the issue under study lies in the absence at present of a single (general) legal definition of the named concept, which gives rise to significant difficulties when it is necessary to qualify the nature of the work of a particular person (group of

Diana G. POPOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Labor, Environmental Law and Civil
Procedure, Law Institute, Kemerovo
State University (Kemerovo)
popdi@rambler.ru

**Conceptual construct;
traveling work;
nature of work;
working conditions;
business trips;
business trips;
interpretation of law;
legal hermeneutics;
doctrinal interpretation;
legal technique**

persons). The subject of the research is the norms of the labor legislation of the Russian Federation and other acts containing the norms of labor law, which make it possible to identify the essential features (signs) of the traveling nature of work. The aim of the work was to reveal the disclosure of the content of the term «traveling nature of work» and to formulate a general definition of traveling work, applicable to all special cases and assuming the possibility of taking into account the specifics of working conditions in various industries. As a typical example, the conclusions obtained as a result of the study were applied by the authors when qualifying the working conditions of a special category of workers – athletes and coaches. The work touches upon the issue of documentary registration of official trips of employees, whose work has a traveling nature. During the research, the following methods were applied: analysis, analogy, systemic and structural methods, as well as formal legal and comparative legal. Based on the interpretation of the provisions of the current labor legislation, it was revealed that the criterion of constancy (regularity) of business trips is secondary in terms of qualification of the nature of work, and the preferred procedure for establishing the rules for formalizing an employee's assignment on a business trip was determined. Based on the generalization and systemic analysis of the provisions of labor legislation, departmental regulations, clarifications on the concept and signs of traveling work, studying the achievements of the science of labor law of the Soviet period, the authors made an attempt to reconstruct the essential semantic content of the general concept of «traveling nature of work», and also proposed the author's definition of this concept. The conclusions reached by the authors in the process of studying this problem can be further applied in the development of a unified position of the relevant state executive bodies, as well as courts in the issue of the validity of qualifying a job in a specific position as a traveling job.

1. Введение

Положениями ч. 2 ст. 57 Трудового кодекса РФ [1] (далее – ТК РФ), определяющей содержание трудового договора, установлено, что к числу условий, обязательных для включения в трудовой договор, относятся «условия, определяющие в необходимых случаях характер работы (подвижной, разъездной, в пути, другой характер работы)». Собственно, под характером работы следует понимать существенную характеристику предстоящей трудовой деятельности работника, настолько значимую, что закон прямо указывает на обязательность включения ее в текст трудового договора.

Обоснование отнесения условий работы по тем или иным должностям, профессиям, специальностям к разъездному характеру работы на практике зачастую вызывает существенные сложности, поскольку ТК РФ не содержит определения понятия «*разъездной характер работы*», а изучение массива нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (как действующих на настоящий момент, так и утративших силу) свидетельствует об отсутствии в действующем трудовом законодательстве единых общих квалификационных критериев разъездной работы.

В современных условиях «для работодателя решение производственных задач связывается прежде всего с возможностью оперативно задействовать имеющиеся трудовые ресурсы. Нередко выполнение поручений не ограничивается пределами одной организации и даже местности» [2, с. 3]. Служебные поездки, как и командировки, в этих условиях представляются необходимым правовым инструментом в руках работодателя.

Особенную актуальность реконструкция содержания понятия «*разъездной характер работы*» и вскрытие критериев, позволяющих квалифицировать работу в качестве разъездной, имеет для трудовой деятельности спортсменов и тренеров, поскольку данные категории работников достаточно часто направляются работодателем за пределы населенного пункта, региона и страны для участия в спортивных мероприятиях. При этом, часто участие спортсменов в данных поездках невозможно запланировать на длительный период, поскольку решающую роль в этом играют спортивные результаты конкретного спортсмена, которые невозможно уверенно спрогнозировать. Соответственно, невозможно заранее на долгую перспективу определить как объем занятости работника в таких поездках, так и график, и геогра-

фию этих поездок. Квалификация работы названных категорий работников в качестве разъездной значительно упростила бы расчеты с ними в части заработной платы, сняв необходимость учета командировок в таблице учета рабочего времени, а также отдельного расчета оплаты дней нахождения в поездке.

Несмотря на наличие значительного количества публикаций, посвященных исследованию вопросов, связанных со служебными поездками, нужно, однако, констатировать, что в них, как правило, рассматриваются проблемы возмещения расходов, связанных со служебными поездками, а также проблемы налоговой отчетности организаций и документального оформления служебных поездок работников. Вопрос реконструкции сущностного смыслового содержания понятия «*разъездной характер работы*» в них не ставится, и обозначенная нами научная проблематика до настоящего времени не находила своего исследователя. При этом эффективность реализации правовой нормы напрямую «зависит от правильного уяснения сторонами трудовых отношений ее смысла и содержания» [3, с. 3]. Ошибка в интерпретации правовой нормы способна повлечь как нарушение прав работников, так и административную ответственность добросовестно действовавшего работодателя. В ситуации, когда имеет место пробел в законодательном регулировании, вопрос правильности толкования нормы, «разъяснения... смысла и целей правовых норм, которое дается как результат теоретических поисков, научного анализа права» [4, с. 14–15; 5, с. 406], приобретает особую остроту. Исходя из того, что «юридическая терминология является основным, наиболее информативным компонентом трудового нормативного пространства» [6, с. 3], «от степени точности, доступности содержания правовой нормы, ее понятности зависит качество решений, принимаемых субъектами трудового права» [там же]. Учитывая изложенное, а также актуальность применения разъездной работы в деятельности большого числа организаций, исследование этого понятия представляет существенное теоретическое и практическое значение для науки трудового права.

Для разрешения поставленного вопроса необходимо в рамках настоящего исследования:

1) выявить критерии и сформулировать общее определение понятия разъездной работы (разъездного характера работы);

2) с учетом выявленных критериев определить возможность или невозможность отнесения работы, выполняемой специальной категорией работников (спортсменами и тренерами), к работе с разъездным характером.

2. О критериях разъездного характера работы

Положения ст. 57 ТК РФ зачастую воспринимаются работодателями излишне прямолинейно – как

требование указать в трудовом договоре с работником тот факт, что работа последнего имеет разъездной характер (либо подвижной, в пути и др.). Однако из буквального прочтения текста статьи следует, что в трудовой договор необходимо включить условие, определяющее характер работы, что в отсутствие формально определенного значения термина «*разъездной характер работы*», следует понимать как требование раскрыть в трудовом договоре конкретное содержание тех условий работы, в связи с которыми характер этой работы квалифицируется как разъездной. Иными словами, в трудовом договоре с работником должны быть зафиксированы такие характеристики предстоящей работы, из которых следует ее разъездной характер.

Из анализа положений ч. 2 ст. 57 ТК РФ отдельными исследователями иногда делается вывод о том, что относимость конкретной работы к разъездной определяется работником и работодателем совместно [7, с. 126]. Думается, что подобного рода толкование противоречит положениям ТК РФ, в частности ч. 2 ст. 168 ТК РФ, закрепляющей, что перечень работ, профессий, должностей, имеющих разъездной характер устанавливается коллективным договором, соглашением (т.е. в рамках социального партнерства, а не напрямую работником и работодателем при заключении трудового договора) и локальными нормативными актами работодателя. Указывая в трудовом договоре условия, определяющие разъездной характер предстоящей работы, стороны всего лишь соглашаются на наличие таких особенностей будущей работы у конкретного лица, предварительно ознакомленного с соответствующим локальным нормативным актом, коллективным договором или соглашением.

Помимо ч. 2 ст. 57 и ст. 168.1 ТК РФ разъездной характер работы упоминается также в ст. 166 ТК РФ, разъясняющей, что «служебные поездки работников, постоянная работа которых осуществляется в пути или имеет разъездной характер, не признаются служебными командировками». Из приведенной цитаты очевидно, что понятие разъездной работы опирается на понятие служебной поездки, которое также отсутствует в тексте ТК РФ. Однако содержание понятия служебной поездки интуитивно понятно из семантики составляющих его слов и это понимание не противоречит смыслу, заложенному законодателем. Следует только уточнить, применительно к исследуемому вопросу, что служебная поездка, т.е. поездка работника по распоряжению работодателя, как максимально широкое понятие, включает в себя как командировки, так и служебные поездки в рамках установленного разъездного характера работы (а также подвижного, экспедиционного, работы в пути или в полевых условиях), а также разовые поездки работников по распоряжению работодателя.

Термин «*разъездной характер работы*» встречается в целом ряде подзаконных нормативных актов, большая часть которых посвящена утверждению положений и типовых положений о заработной плате работников государственных и муниципальных учреждений. Как правило, вопросы отнесения той или иной работы к разъездной в них не поднимается, не обозначаются критерии разъездной работы, и нигде не дается ее определения. Далее мы достаточно подробно рассмотрим несколько наиболее информативных подзаконных нормативных правовых актов, а сейчас отметим, что для раскрытия содержания понятия «*разъездной характер работы*» наиболее общим и информативным источником представляется ст. 166 ТК РФ, текстуальный анализ положений которой позволяет заключить следующее:

1. Служебные поездки, совершаемые в рамках установленного работнику разъездного характера работы, выделяются из общего массива служебных поездок работника, связанных с исполнением им должностных обязанностей. При этом, они не противопоставляются служебным командировкам, хотя квалификация поездки в качестве служебной порождает иные правовые последствия, нежели служебная командировка. Используемая законодателем речевая конструкция, в том числе в наименовании гл. 24 ТК РФ, позволяет утверждать, что служебная командировка – это разновидность служебной поездки, которая ограничена определенным сроком, связана с выполнением конкретного поручения работодателя вне места его нахождения, требует соблюдения специальной процедуры оформления и не является заранее установленной характеристикой (условием) выполняемой работы, на которую соглашается работник при заключении трудового договора. Напротив, наличие периодических или постоянных служебных поездок представляет собой ординарную характеристику условий труда при разъездном характере работы. С таким подходом согласны большинство исследователей [8, с. 8–147; 9, с. 24; 10, с. 279; 11, с. 33; 12, с. 11; 13, с. 10]. Этому же мнению придерживаются профильные федеральные органы власти.

Федеральная служба по труду и занятости (Роструд) в своем письме от 12 декабря 2013 г. № 4209-ТЗ в качестве единственного признака разъездной работы, при наличии которого работодатель вправе установить для работника такой характер работы, называет то, что «*трудовая функция работника предполагает постоянную работу в разъездах*». В п. 2 Инструкции об организации служебных командировок сотрудников ОВД [14], а также в п. 2 Инструкции об организации служебных командировок военнослужащих спасательных воинских формирований МЧС России и сотрудников государственной противопожарной службы в системе министерства РФ по делам

ГО и ЧС [15] разъездной характер работы определен как осуществление регулярных служебных поездок в пределах обслуживаемой территории (участков) при наличии возможности ежедневного возвращения к месту жительства.

В целом, соглашаясь с подходом, отраженным в двух последних упомянутых нормативных актах, следует, однако, сделать существенное уточнение: такого рода служебные поездки характерны для рассматриваемой специальной категории работников.

Кроме того, из анализа ч. 1 ст. 166 ТК РФ следует закономерный вывод о том, что для работников, чья постоянная работа имеет разъездной характер, свойственны именно служебные поездки, а не командировки, что является одной из особенностей их деятельности. *Закрепленное в соответствии с ч. 2 ст. 57 ТК РФ в трудовом договоре условие, определяющее разъездной характер работы, очевидно, предполагает наличие в должностных обязанностях работника служебных поездок, не квалифицируемых как служебные командировки и не требующих установленного для служебных командировок порядка оформления.*

2. Еще одним отличием служебной поездки при разъездном характере работы является иной порядок ее оплаты. Если время нахождения работника в командировке оплачивается, исходя из размера его среднего заработка, то время нахождения работника в служебных поездках не выделяется из общего рабочего времени и оплачиваются как обычные рабочие дни.

Служебные поездки работника при разъездном характере работы непосредственно связаны с выполнением им своей трудовой функции полностью или в части. *Иначе говоря, работа, или некоторая ее часть, выполняемая работником вне места расположения организации-работодателя, представляет собой неотъемлемую составную часть его должностных обязанностей.*

В ст. 168.1 ТК РФ установлен перечень расходов, связанных со служебными поездками работников, постоянная работа которых имеет разъездной характер, и которые подлежат возмещению со стороны работодателя. Расходы, понесенные работником в служебных поездках, подлежат возмещению работодателем так же, как и расходы в рамках служебных командировок. Перечень расходов, приведенный в ст. 168.1 ТК РФ абсолютно аналогичен перечню расходов, связанных со служебными командировками, содержащемуся в ст. 168 ТК РФ. Порядок и размеры возмещения расходов, понесенных работником в служебных поездках, установленный ч. 2 ст. 168.1 ТК РФ, также полностью совпадает с порядком и размерами возмещения расходов, понесенных в служебных командировках, установленным ч. 4 ст. 168 ТК РФ (за исключением специальных категорий работников – государственных и муниципальных служащих,

работников государственных внебюджетных фондов, в также работников государственных и муниципальных учреждений).

Последнее подтверждает ранее сделанный вывод о том, что служебная командировка представляет собой разновидность служебной поездки, а не противопоставлена ей, однако подлежит квалификации в качестве таковой для выполнения работ иного рода, не носящих разъездного характера.

3. Закон не содержит обязательных требований к оформлению служебной поездки при установленном разъездном характере работы (в отличие от служебной командировки). Это предоставляет работодателю самые широкие возможности для самостоятельного определения такого порядка, исходя из объективных потребностей, диктуемых конкретным видом поручаемой работы, условиями ее выполнения, спецификой трудовой деятельности и другими обстоятельствами.

Например, (1) работнику может быть установлен график или периодичность посещения тех или иных объектов в течение отчетного периода (специалист, занятый текущим обслуживанием банкоматов); (2) работник может, исходя из актуальных потребностей, самостоятельно определять схему и порядок своих служебных поездок в пределах границ какой-либо территории, отражая эти поездки в какой-то форме отчетности (торговый представитель); (3) работник может иметь план поездок, адресов, на каждый конкретный день (курьер, экспедитор, почтальон); (4) работник может направляться работодателем в служебные поездки, с оформлением поездок в том же порядке, что и служебных командировок.

Закон не содержит запрета на оформление служебной поездки через издание приказа о направлении работника в служебную поездку, с выдачей ему командировочного удостоверения, оформления служебного задания. Оптимальным вариантом, в условиях достаточно широкой свободы действий, представляется установление индивидуализированного порядка оформления служебных поездок работников с разъездным характером работы в локальных нормативных актах работодателя.

С этой позицией, однако, несогласно Министерство финансов РФ, которое в письмах от 8 февраля 2005 г. № 03-05-01-04/21 [16], от 1 июня 2005 г. г. № 03-05-01-04/168 [17], от 28 апреля 2010 г. № 03-03-06/1/304 [18] и некоторых других, указывает, что наличие распоряжения работодателя о направлении работника в поездку является отличительным признаком именно служебной командировки. Позднее, в письме от 25 октября 2013 г. № 03-04-06/45182 [19], Министерство финансов РФ рекомендовало заявителям адресовать вопросы о возможности квалификации работы в рамках тех или иных должностей

в качестве разъездной, профильному органу – Министерству труда и социальной защиты РФ.

Думается, что приведенные в названных выше письмах, разъяснения не учитывают, что само по себе издание работодателем распоряжения о направлении работника в служебную поездку при разъездном характере работы, т.е. применение сходного или идентичного порядка оформления, не запрещено трудовым законодательством и такой порядок может быть установлен локальным актом работодателя. Кроме того, в приведенных разъяснениях не отражен критерий периодичности такого рода поездок, в связи с чем данная позиция, по нашему мнению, не может служить основой для характеристики условий труда, определяющих разъездной характер работы.

Итак, обобщая изложенное, можно заключить, что *первым критерием разъездного характера работы является наличие в деятельности работника периодических или постоянных служебных поездок, не являющихся служебными командировками, которое представляет собой ординарную характеристику условий труда при разъездном характере работы.*

В качестве второго критерия отнесения работы к разъездной, применительно к отдельным категориям работников, может выступать *значительная удаленность места выполнения трудовой функции от места нахождения организации, в которой трудоустроен работник.* При этом необходимо помнить, что значительная удаленность – это понятие оценочное и этот факт в некоторых случаях может создавать препятствие правильной квалификации условий работы.

Так в п. 2 Положения о выплате надбавок, связанных с подвижным и разъездным характером работ в строительстве, указывалось, что «надбавка за разъездной характер работ устанавливается работникам, выполняющим работы на объектах, расположенных на значительном расстоянии от места размещения организации, в связи с поездками в нерабочее время от места нахождения организации (сборного пункта) до места работы на объекте и обратно» [20]. При этом время нахождения в пути до объекта и обратно не включается в рабочее время. Тот же критерий отражен в п. 3.18 Отраслевого соглашения по строительству и промышленности строительных материалов Российской Федерации на 2017–2020 годы [21].

В постановлении Минтруда России от 29 июня 1994 г. № 51 [22] закреплялось, что надбавка за разъездной характер работы может быть установлена при занятости в разъездах от 12 дней в месяц. При этом, для работников строительных организаций время проезда, так же, как и в двух приведенных выше подзаконных нормативных актах, не включалось в рабочее время. В рассматриваемом документе, так же как и в упоминавшихся выше инструкциях МВД и МЧС,

указывается еще один (дополнительный) критерий разъездной работы – возможность для работников ежедневно возвращаться к их месту жительства. Вместе с тем, устанавливая особенности оплаты труда работников, чья деятельность связана с выполнением ремонтных, механизированных, монтажных, наладочных и мелиоративных работ, и имеет разъездной характер, в тексте постановления предусматривалось, что надбавка за эти работы выплачивается «за каждые сутки пребывания на работе вне места нахождения предприятия», что в данном случае позволяет говорить о том, что ежедневное возвращение к месту жительства не является общим квалификационным признаком разъездного характера работы.

Кроме того, немаловажным представляется то, что, если для работников строительной отрасли время нахождения в пути до объекта не учитывается как рабочее, то служебные поездки сотрудников полиции или МЧС в пределах обслуживаемой территории (проверочные, оперативные мероприятия и др.) происходят в течение рабочего дня и не могут быть исключены из рабочего времени.

Обобщение правовых позиций профильных федеральных органов исполнительной власти по данному вопросу, приводит к выводу об отсутствии единых общих критериев разъездного характера работы. В каждом отдельном случае вопрос отнесения той или иной работы к разъездной определяется ситуативно и индивидуально. Так, в письме Роструда от 12 декабря 2013 г. № 4209-ТЗ приводятся следующие характеристики разъездного характера работы: а) выполнение работником своей трудовой функции, как правило, вне расположения организации, б) «трудовая функция работника предполагает постоянную работу в разъездах». В письме Минтруда России от 25 декабря 2019 г. № 14-2/ООГ-10230 [23] указывается на следующие два, существенных обстоятельства, определяющих возможность отнесения какой-либо работы к разъездной: а) «работа в разъездах производится постоянно», б) «работник, как правило, возвращается ежедневно домой». В ответе Роструда от 23 декабря 2019 г. № 42/10-1619-19-И [24] на частное обращение авторов с вопросом о критериях разъездной работы и возможности отнесения характера работы спортсменов и тренеров к разъездному, в качестве единственного критерия разъездной работы названо отсутствие, как правило, у такого работника стационарного рабочего места. В качестве дополнительного примера можно привести также ответ на вопрос об особенностях служебных поездок, размещенный на сайте Онлайнинспекция.рф, где указывается, что «под разъездной следует понимать работу, выполнение которой непосредственно связано с перемещениями по одному или нескольким населенным пунктам или от одного населенного пункта к другому» [25].

Приведенные выше подходы к проблеме определения критериев разъездной работы (отсутствие стационарного рабочего места, постоянная работа вне места нахождения работодателя) имеют под собой историческую основу. В советский период нашей истории разъездной характер работы рассматривался как дополнительная статья расходов работодателя, обязанного произвести выплаты работникам, которым по должности была положена доплата за особый характер работы. Можно указать на следующие характерные особенности в регулировании трудовых отношений советского периода нашей истории, связанные со смысловым содержанием исследуемого понятия:

- отсутствие общих критериев разъездной работы. Даже сам термин в этот период, как правило, употребляется в связке и иными специфическими характеристиками работы (подвижной, в пути), не выделяя, какие из работ, следующих далее в списке, имеют разъездной характер, а какие – подвижной, в пути и др.;

- производилось через принятие ведомственного или общегосударственного нормативного акта, в котором приводились списки конкретных должностей и профессий, работа по которым имела разъездной или иной специфический характер;

- выделение работы, связанной со служебными поездками в пределах обслуживаемого участка, в отдельную категорию разъездных работ [26, с. 663; 27, с. 267];

- квалификация в качестве основного вида разъездного характера работы трудовой деятельности, носящей исключительно разъездной характер в качестве командировок.

Последние два замечания нами делаются на основе положений Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г., гласящего следующее: «Не признаются командировками служебные поездки работников, постоянная работа которых протекает в пути или носит *исключительно* разъездной характер, а равно служебные поездки, совершаемые работником в пределах обслуживаемого им района самостоятельно, без специального распоряжения нанимателя [выделено нами. – Прим. авт.]» [28, с. 662]. В этой части норма Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г. практически дословно перенесена в действующую ст. 166 ТК РФ с вычеркиванием из текста слова «*исключительно*». Вероятно, именно отголоском требования об исключительно разъездном характере работы и является мнение о том, что у разъездного работника отсутствует стационарное рабочее место, а работа его выполняется в разъездах полностью или почти полностью.

Таким образом, как в советском, так и в российском трудовом законодательстве отсутствуют единые критерии для определения разъездного характера работы. На основе проведенного анализа действующих

и утративших силу нормативных актов, достижений науки советского и современного российского трудового права, выявлено, что большинство дефиниций служебной поездки, используемых в юридической литературе, по существу сводится к воспроизведению соответствующей нормы ТК РФ. Правовое регулирование разъездной работы по большей части осуществляется на уровне ведомств и ориентировано на деятельность отдельных, специальных категорий работников. Поэтому, следует признать невозможным простое перенесение всех, приведенных выше, черт разъездного характера работы, на иные категории работников без учета специфики их деятельности.

К сожалению, в судебной практике также имеет место различное понимание содержания и общих критериев разъездного характера работы. Вместе с тем судебные постановления по конкретным делам, в которых возникают вопросы, связанные с разъездным характером работы, не содержат выводов относительно правовой природы данного явления, определения каких-либо признаков, позволяющих отнести ту или иную работу к разъездной. Как правило, суды указывают на отсутствие в законе легального определения интересующего нас понятия, а при решении вопроса о правомерности признания работы конкретного лица в качестве разъездной, ограничиваются исследованием соблюдения порядка установления работнику этого режима работы.

На основании проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что *разъездная работа – это работа, неизменно условием и неотъемлемой составной частью которой являются служебные поездки работника на объекты, удаленные от организации работодателя, где им выполняется его трудовая функция (полностью или в части)*. При этом иные характеристики разъездной работы, а также виды работ, профессий и должностей, трудовая деятельность в рамках которых имеет разъездной характер, могут и должны быть установлены на уровне отрасли или организации-работодателя, исходя из особенностей конкретной выполняемой работы, или специфики сферы деятельности. Документальное оформление служебных поездок при разъездной работе совершенно обоснованно оставлено законодателем на усмотрение работодателя и также подлежит формализации через закрепление в положениях локальных нормативных актов, отраслевых соглашений, коллективных договоров.

Предложение авторской дефиниции, полученной в процессе доктринального толкования нормы, в ситуации, когда сам законодатель не оставил в действующих нормах права какой-либо официальной формулировки, дающей понятие о первоначальной смысловой нагрузке понятия, предполагает «не просто извлечение из правового текста воли законодате-

ля, но познавательную деятельность, нацеленную на выявление динамического объективного смысла заключенного в норме правового явления, определяемого современными потребностями общественного развития» [29, с. 7], с учетом понимания исследуемого понятия в исторической ретроспективе, «оценку правовой ситуации, сопутствующей реализации этой нормы» [30, с. 83]. При этом любое авторское толкование, безусловно, имеет элемент субъективности. Однако в обозначенной выше ситуации определение содержания понятия разъездной работы является шагом вперед в вопросе формализации содержания особых режимов работы (разъездной, подвижной, в пути, экспедиционной, в поле), а также поводом для последующей дискуссии.

3. О квалификации характера работы спортсменов и тренеров

Ввиду описанной выше законодательной неопределенности критериев разъездной работы соответствующие обращения по вопросу возможности квалификации характера работы спортсменов и тренеров в качестве разъездного авторами были направлены в Министерство труда и социальной защиты РФ (Минтруд России), а также в Федеральную службу по труду и занятости (Роструд). В ответе территориального органа Роструда по Кемеровской области обращалось внимание на право работодателя самостоятельно определять характер работ в рамках своей организации [24]. В ответе Минтруда России, напротив, было прямо указано на невозможность квалификации характера работы спортсменов и тренеров как разъездного [23].

Основываясь на выявленных нами выше общих квалификационных характеристиках разъездного характера работы, полагаем возможным, в качестве примера, рассмотреть вопрос отнесения характера работы спортсменов и тренеров к разъездному через призму данного нами определения разъездного характера работы.

Часть 1 ст. 348.1 ТК РФ определяет содержание трудовой функции спортсмена двумя составными частями – подготовкой к спортивным соревнованиям и участием в спортивных соревнованиях по своему виду или видам спорта, а трудовой функции тренера – проведением со спортсменами тренировочных мероприятий и осуществлением руководства состязательной деятельностью спортсменов для достижения теми спортивных результатов. Планы спортивной подготовки спортсменов уровня совершенствования спортивного мастерства и высшего спортивного мастерства (1 взрослый спортивный разряд, кандидат в мастера спорта, мастер спорта, мастер спорта международного класса, заслуженный мастер спорта), кроме тренировок по месту нахождения работода-

ля, в обязательном порядке включают в себя участие в тренировочных сборах, места проведения которых не привязаны к месту нахождения организации-работодателя. Участие в тренировочных сборах, на основании решения работодателя, является неотъемлемой составной частью спортивной подготовки работника-спортсмена. При этом тренировочные сборы в массе своей проходят на значительном удалении от организации-работодателя, в том числе за пределами домашнего региона, а соревнования – в том числе и за границами РФ. Поскольку выполнение спортсменами высокого уровня (а именно высокий уровень индивидуальных спортивных достижений является предпосылкой для заключения со спортсменом трудового договора) своей трудовой функции не представляется возможным в отсутствие поездок по России и миру, можно сделать вывод о том, что неотъемлемой составной частью трудовой функции спортсмена являются служебные поездки, в которые спортсмены направляются распоряжением работодателя, а выполнение этими работниками части своих трудовых функций осуществляется вне места расположения организации-работодателя. Следовательно, характер работы спортсменов и тренеров может быть правомерно квалифицирован как разъездной.

Аналогичная логика применима и к профессии спортивного тренера. Поскольку участие спортсмена в выездных тренировочных мероприятиях (в том числе спортивных сборах) и спортивных соревнованиях происходит под непосредственным руководством и контролем тренера или при участии тренера данного спортсмена (спортсменов), а выполнение этой трудовой функции тренером дистанционно, в отсутствие непосредственного контакта со спортсменом, невозможно, то и в этом случае следует неизбежный вывод о том, что неотъемлемой составной частью трудовой функции тренера являются служебные поездки по распоряжению работодателя, а часть трудовой функции тренерами выполняется вне места расположения организации-работодателя. Следовательно, и характер работы тренеров оправданно будет квалифицировать в качестве разъездного.

Дополнительным аргументом в пользу сделанных выводов может служить тот факт, что профессии спортсмена (спортсмена-инструктора) и спортивного тренера, являющихся иностранными гражданами, включены в перечень профессий, должностей [31], работа по которым носит разъездной характер. В приказе Минздравсоцразвития России от 28 июля 2010 г. № 564н, которым утвержден названный перечень, речь идет об иностранных гражданах и лицах без гражданства, однако будет неверным полагать, что трудовая функция спортсмена и тренера изменяется от наличия или отсутствия у него российского гражданства.

Еще одним актуальным вопросом является порядок привлечения данных работников к работе в выходные и праздничные дни в процессе их служебных поездок. При нахождении названных работников на спортивных сборах или в процессе участия их в соревнованиях, отдых (выходные дни) предоставляется им исходя из графика соревнований или тренировочного процесса в рамках сборов. Такие выходные дни не привязаны недельному циклу (пяти- или шестидневной рабочей неделе) и зачастую выпадают на рабочие дни, в то время как выходные дни могут быть заняты тренировками или непосредственным участием в спортивных состязаниях. Основная сложность здесь заключается в том, что работодатель чаще всего не имеет заранее информации о том, на какие из дней нахождения спортсмена на том или ином мероприятии выпадут дни отдыха, а в какие дни, соответственно, работника следует в установленном порядке привлекать к работе в выходной день.

Согласно ч. 2 ст. 113 ТК РФ привлечение работников к работе в выходные и нерабочие праздничные дни производится с их письменного согласия (может также потребоваться учет мнения выборного органа первичной профсоюзной организации, если работник является членом профсоюза). Несмотря на то что на практике, естественным образом сложилась ситуация, когда, привлекая работника к работе в выходные и нерабочие праздничные дни, и работодатель и работник заранее знают не только количество этих дней, но и конкретные даты в которые работник будет привлекаться к работе, нужно понимать, что это именно сложившаяся практика кадровой работы, а не требование закона. Ни ст. 113 ТК РФ, ни иные положения ТК РФ не содержат норм, запрещающих в ситуации направления работника в служебную поездку, как работнику написать согласие на привлечение его к работе в выходные дни без указания конкретных дат (например, с формулировкой «согласно графика тренировочных мероприятий»), так и работодателю издать приказ о привлечении работника к работе в выходные дни с той же формулировкой, не указывая в нем конкретных дат. А по возвращении из служебной поездки, работник, предоставляет документы, подтверждающие выполнение им работы в конкретные выходные или праздничные дни, когда он находился в служебной поездке (или эту информацию предоставляет организация, проводившая мероприятие, на которое направлялся работник), а работодатель, в свою очередь, издает приказ об оплате этих дней в повышенном размере или о предоставлении работнику соответствующего количества неоплачиваемых дней отдыха.

Данное предложение не предполагает возможности его механической экстраполяции на трудовые отношения с работниками иных сфер деятельности, однако оно представляется обоснованным отно-

сительно специальной категории работников, чья трудовая деятельность регулируется гл. 54.1. ТК РФ – спортсменов и тренеров.

Статья 252 ТК РФ устанавливает, что особенности регулирования труда специальных категорий работников, связанные с характером и условиями их труда, устанавливаются в том числе коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами работодателя. Особенности регулирования труда, влекущие за собой снижение уровня гарантий работникам, ограничение их прав, могут устанавливаться исключительно ТК РФ, либо в случаях и порядке, им предусмотренных. Нормами ч. 5 ст. 348.1 ТК РФ определено, что особенности режима рабочего времени спортсменов и тренеров, привлечения их к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни, а также особенности оплаты труда спортсменов, тренеров в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни могут устанавливаться коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными ак-

тами. Иначе говоря, исходя из системного толкования приведенных правовых норм, можно заключить, что законодатель, понимая невозможность и ненужность законодательного урегулирования всех без исключения нюансов трудовых отношений со спортсменами и тренерами, предоставил работодателю достаточно широкую возможность самостоятельного регулирования названных аспектов трудовых отношений.

4. Выводы

Предлагается следующее определение понятия разъездного характера работы: «разъездной характер работы представляет собой условие, определяющее характер осуществления работником своей трудовой функции, при котором неотъемлемой составной частью выполняемой работы являются служебные поездки необходимые для выполнения им своих должностных обязанностей (полностью или в части)».

Полагаем возможным и оправданным квалифицировать работу спортсменов и тренеров в качестве работы, имеющей разъездной характер.

Пристатейный библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
2. Суслина Н. В. Командировки по российскому трудовому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004.
3. Дворников Н. Л. Системное толкование права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007.
4. Лазарев В. В. О роли доктринального толкования права // Советская юстиция. 1969. № 14.
5. Теория государства и права : учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина. М. : Городец, 2003.
6. Шайхутдинова Н. П. Терминологические проблемы трудового права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
7. Бородина Е. Н. Гарантии и компенсации для работников, осуществляющих трудовую деятельность в разъездах, в пути и в полевых условиях // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2 (75).
8. Анисеева О. Е. Трудовые отношения: вопросы и ответы // Налоги и финансовое право. 2019. № 5.
9. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовая деятельность : гарантии и компенсации. М. : Библиотечка «Российской газеты», 2016.
10. Ситникова Е. Г., Сенаторова Н. В. Трудовой кодекс Российской Федерации. Оплата и нормирование труда. Раздел VII. Гарантии и компенсации. Постатейный научно-практический комментарий. М. : Библиотечка «Российской газеты», 2014.
11. Тарасов В. Д. Вопросы о разъездном характере работы // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2019. № 3.
12. Шадрин Т. В. Замолвим слово о разъездном характере // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2015. № 12.
13. Колинко А. Разъездной сотрудник // эж-Юрист. 2015. № 34.
14. Инструкция об организации служебных командировок сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск министерства внутренних дел Российской Федерации на территории Российской Федерации, утв. приказом МВД России от 15 ноября 2011 г. № 1150 // Российская газета. 2014. 5 нояб. № 251 (утратила силу).
15. Инструкция об организации служебных командировок военнослужащих спасательных воинских формирований МЧС России и сотрудников государственной противопожарной службы в системе министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последс-

твий стихийных бедствий, утв. приказом МЧС России от 10 января 2008 г. № 3 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2009. № 46.

16. Письмо Минфина России от 8 февраля 2005 г. № 03-05-01-04/21 «О правильности взимания налога на доходы физических лиц с доходов водителей грузовых автомобилей» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Письмо Минфина России от 1 июня 2005 г. № 03-05-01-04/168 «О правильности взимания налога на доходы физических лиц с доходов водителей грузовых автомобилей» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Письмо Минфина России от 28 апреля 2010 г. № 03-03-06/1/304 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Письмо Минфина России от 25 октября 2013 г. № 03-04-06/45182 «О порядке налогообложения налогом на прибыль организаций и налогом на доходы физических лиц при разъездном характере работы» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Положение о выплате надбавок, связанных с подвижным и разъездным характером работ в строительстве, утв. постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 1 июня 1989 г. № 169/10-87 // СПС «КонсультантПлюс» (утратило силу).

21. Отраслевое соглашение по строительству и промышленности строительных материалов Российской Федерации на 2017–2020 годы, утв. Минстроем России, Профессиональным союзом работников строительства и промышленности строительных материалов РФ, Общероссийским межотраслевым объединением работодателей «Российский Союз строителей» 3 апреля 2017 г. (зарегистрировано в Роструде 28 апреля 2017 г., регистрационный номер 10/17-20) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Минтруда России от 29 июня 1994 г. № 51 «О нормах и порядке возмещения расходов при направлении работников предприятий, организаций и учреждений для выполнения монтажных, наладочных, строительных работ, на курсы повышения квалификации, а также за подвижной и разъездной характер работы, за производство работ вахтовым методом и полевых работ, за постоянную работу в пути на территории Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (утратило силу).

23. Письмо Минтруда России от 25 декабря 2019 г. № 14-2/ООГ-10230 (данный документ получен авторами статьи в ответ на обращение).

24. Письмо Роструда от 23 декабря 2019 г. № 42/10-1619-19-И (данный документ получен авторами статьи в ответ на обращение).

25. В чем особенность служебных поездок работников, постоянная работа которых имеет разъездной характер, и каков порядок их оформления? // Онлайнинспекция.рф : сайт. URL: <https://онлайнинспекция.рф/questions/viewFaq/394> (дата обращения: 22.05.2021).

26. Кинофикация, кинопрокат, кинопромышленность : систематизированный сборник нормативных актов и ведомственных указаний. М. : Искусство, 1972.

27. Комментарий к законодательству о труде / под общ. ред. В. И. Теребилова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрид. лит., 1986.

28. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 5 ноября 1928 г. // Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 1 : 1917–1928 гг. М. : Госюриздат, 1959.

29. Манукян А. Г. Толкование норм права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

30. Волкова Н. С. Приемы формирования правовой позиции Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2005. № 9 (105).

31. Приказ Минздравсоцразвития России от 28 июля 2010 г. № 564н «Об установлении случаев осуществления трудовой деятельности иностранным гражданином или лицом без гражданства, временно пребывающими (проживающими) в Российской Федерации, вне пределов субъекта Российской Федерации, на территории которого им выдано разрешение на работу (разрешено временное проживание)» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Labor Code of the Russian Federation of 30 December 2001 No. 197-FZ. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2002. No. 1 (part 1). Art. 3.

2. *Suslina N. V. Business Trips Under Russian Labor Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences*. Perm, 2004.

3. *Dvornikov N. L. Systemic Interpretation of Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences*. Volgograd. 2007.

4. *Lazarev V. V. On the Role of the Doctrinal Interpretation of Law*. *Soviet Justice*. 1969. No 14.

5. *Pigolkin A. S. Theory of State and Law: Textbook for Law Schools*. Moscow: Gorodets, 2003.

6. *Shaikhutdinova N. P.* Terminological Problems of Labor Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Perm, 2004.
7. *Borodina E. N.* Guarantees and Compensation for People Working on the Road, in Transit and in the Field. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2019. No. 2 (75).
8. *Anikeeva O. E.* Labor Relations: Questions and Answers. *Tax and Financial Law*. 2019. No. 5.
9. *Sitnikova E. G., Senatorova N. V.* Labor Activity: Guarantees and Compensations. Moscow: Bibliotekha "Rossiskoi gazety", 2016.
10. *Sitnikova E. G., Senatorova N. V.* Labor Code of the Russian Federation. Payment and Rationing of Labor. Section VII. Warranties and Compensation. Scientific and Practical Commentary. Moscow: Bibliotekha "Rossiskoi gazety", 2014.
11. *Tarasov V. D.* Questions About Traveling Work. *Personnel Department of a State (Municipal) Institution*. 2019. No. 3.
12. *Shadrina T. V.* Say a Word About Traveling Character. *Personnel Department of a State (Municipal) Institution*. 2015. No. 12.
13. *Kolinko A.* Traveling Employee. *Electronic Journal Lawyer*. 2015. No. 34.
14. Instructions on the Organization of Business Trips for Employees of Internal Affairs Bodies and Servicemen of Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the Territory of the Russian Federation, approved by order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 15 November 2011 No. 1150. *Rossiiskaia Gazeta*. 5 November 2014. No. 251 (expired).
15. Instruction on the Organization of Business Trips for Servicemen of the Rescue Military Units of the EMERCOM of Russia and Employees of the State Fire Service in the System of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, approved by Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia of 10 January 2008 No. 3. *Bulletin of Normative Acts of Federal Executive Bodies*. 2009. No. 46.
16. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 8 February 2005 No. 03-05-01-04/21 "On the Correctness of Tax Collection on Personal Income from the Income of Truck Drivers" (SPS "ConsultantPlus").
17. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 1 June 2005 No. 03-05-01-04/168 "On the Correctness of the Collection of Personal Income Tax from the Income of Truck Drivers" (SPS "ConsultantPlus").
18. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 28 April 2010 No. 03-03-06/1/304 (SPS "ConsultantPlus").
19. Letter of the Ministry of Finance of the Russian Federation of 25 October 2013 No. 03-04-06/45182 "On the Procedure for Taxation With Corporate Income Tax and Personal Income Tax in Case of Traveling Nature of Work" (SPS "ConsultantPlus").
20. Regulations on the payment of allowances related to the mobile and traveling nature of work in construction, approved by the Resolution of the USSR State Committee for Labor and the All-Union Central Council of Trade Unions Secretariat of 1 June 1989 No. 169/10-87 (SPS "ConsultantPlus") (invalidated).
21. Sectoral Agreement on the Construction and Building Materials Industry of the Russian Federation for 2017–2020, approved by the Ministry of Construction of Russia, the Trade Union of Workers in the Construction and Building Materials Industry of the Russian Federation, the All-Russian Intersectoral Association of Employers "Russian Union of Builders" on 3 April 2017 (SPS "ConsultantPlus").
22. Resolution of the Ministry of Labor of the Russian Federation of 29 June 1994 No. 51 "On the Norms and Procedure for Reimbursement of Expenses When Sending Employees of Enterprises, Organizations and Institutions to Perform Installation, Commissioning, Construction Work, to Refresher Courses, as Well as for the Mobile and Traveling Nature of Work, for the Production of Work on a Rotational Basis and Field Work, for Constant Work on the Way on the Territory of the Russian Federation" (expired) (SPS "ConsultantPlus").
23. Letter of the Ministry of Labor of 25 December 2019 No. 14-2/OOG-10230 (this document was received by the authors of the article in response to a request).
24. Letter of the Ministry of Labor of 23 December 2019 No. 42/10-1619-19-1 (this document was received by the authors of the article in response to a request).
25. What Is the Peculiarity of Official Trips of Employees, Whose Permanent Work Is of a Traveling Nature, and What Is the Procedure for Their Registration? URL: <https://онлайнинспекция.рф/questions/viewFaq/394> (date of the application: 22.05.2021).
26. Cinema, Film Distribution, Film Industry: A Systematized Collection of Regulations and Departmental Instructions. Moscow: Iskustvo, 1972.
27. *Terebilov V. I. (ed.)*. Commentary on Labor Legislation. 2nd ed. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1986.

28. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of 5 November 1928. In Chronological Collection of Laws, Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet and Resolutions of the Government of the RSFSR. Vol. 1: 1917–1928. Moscow: Gosizdat, 1959.

29. *Manukian A. G.* Interpretation of the Rule of Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2006.

30. *Volkova N. S.* Methods of Forming the Legal Position of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Journal of Russian Law*. 2005. No. 9 (105).

31. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of 28 July 2010 No. 564n "On the Establishment of Cases of Employment by a Foreign Citizen or Stateless Person Temporarily Staying (Residing) in the Russian Federation, Outside the Constituent Entity of the Russian Federation, on the Territory of Which They Were Issued a Work Permit (Temporary Residence Is Allowed)" (SPS "ConsultantPlus").

РОЛЬ АДВОКАТУРЫ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДОСТУПНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ, СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РАВНОПРАВИЕ В СУДЕ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-85-91>

Принципы состязательности и процессуального равноправия участников судебного разбирательства являются ключевыми для любой системы осуществления правосудия. Обеспечение доступа граждан к правосудию выступает главным направлением развития судебной системы. Наличие институтов, позволяющих влиять на качество выносимых судебных актов, в частности адвокатуры, является показателем степени формирования гражданского общества. Сущность адвокатуры состоит в обеспечении соблюдения основополагающих принципов правосудия, что обуславливает актуальность статьи. Предметом данного исследования выступают нормы законодательства, отдельные взгляды ученых, касающиеся определения места адвокатуры в системе институтов российского гражданского общества, направленных на обеспечение доступности правосудия, состязательности и процессуального равноправия в ходе судебного разбирательства. Цель работы – изучение адвокатуры с точки зрения структурного элемента в рамках правозащитной системы, сосредоточенного на обеспечении возможности реализации основополагающих принципов правосудия. В качестве методов научного исследования авторами использованы законы формальной логики, метод системного анализа, сравнительно-правовой метод. Новизна работы состоит в том, что авторами выявлено наличие организационных и экономических проблем, которые оказывают негативное влияние на обеспечение независимости как конкретного адвоката, так и адвокатуры в целом, выработаны предложения по их устранению. Отмечается, что разрешение указанных авторами проблем благоприятно скажется на механизме взаимодействия адвокатуры и правосудия. Сделан вывод о том, что наличие процессуальных рычагов давления на адвоката посредством неправомерного затягивания процесса, ограничения доступа к доказательствам и материалам дела и ограничение доступа к оплачиваемому защитнику в уголовном процессе низвергает роль адвокатуры в системе правосудия, юридической помощи и защиты прав.

ФОМИЧЕВА Регина Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)
rv302009@mail.ru

ЩЕРБАКОВА Лилия Геннадиевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии, доцент
кафедры гражданского права
и процесса Поволжского института
(филиала) Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России) (г.
Саратов)
lilia2107@mail.ru

ТКАЧЕНКО Екатерина Викторовна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
арбитражного процесса
Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)
avk094@yandex.ru

**Адвокатура;
независимость адвокатуры;
состязательность в процессе;
доступность правосудия**

Regina V. FOMICHEVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Arbitration Procedure, Saratov
State Law Academy (Saratov)
rv302009@mail.ru

THE ROLE OF THE BAR IN THE SYSTEM OF INSTITUTIONS THAT ENSURE THE AVAILABILITY OF JUSTICE, COMPETITIVENESS AND PROCEDURAL EQUALITY IN COURT

The principles of adversarial and procedural equality of participants in court proceedings are key to any system of administration of justice. Ensuring citizens' access to justice is the main direction of the development of the judicial system. The presence of institutions that can influence the quality of court decisions, in particular the bar, is an indicator of the degree of formation of civil society.

Lilia G. SHCHERBAKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Arbitration Procedure, Saratov
State Law Academy, Associate
Professor, Department of Civil Law
and Procedure, Volga Institute
(Branch) of All-Russian State
University of Justice (Saratov)
lilia2107@mail.ru

Ekaterina V. TKACHENKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Arbitration Procedure, Saratov
State Law Academy (Saratov)
avk094@yandex.ru

**Advocacy;
independence of the bar;
adversarial in the process;
access to justice**

The essence of advocacy is to ensure compliance with the fundamental principles of justice, this fact serves the relevance of the present article. The subject of this study is the norms of legislation, individual views of scientists concerning the definition of the place of the bar in the system of institutions of Russian civil society, aimed at ensuring the availability of justice, adversarial and procedural equality in court proceedings. The purpose of this work is to study the legal profession from the point of view of a structural element within the human rights system, focused on ensuring the possibility of implementing the fundamental principles of justice. As a method of scientific research, the authors use the laws of formal logic, the method of systems analysis, and the comparative legal method. The novelty of the work consists in the fact that the authors identified the presence of organizational and economic problems that have a negative impact on ensuring the independence of both a particular lawyer and the bar as a whole, and developed proposals for their elimination. It is noted that the resolution of the problems mentioned by the authors will favorably affect the mechanism of interaction between the bar and justice. It is concluded that the presence of procedural levers of pressure on a lawyer through undue delay in the process, restrictions on access to evidence and case materials, and restrictions on access to paid counsel in criminal proceedings reduces the role of the bar in the justice system, legal aid and protection of rights.

Правосудие как форма деятельности государства по защите прав и законных интересов граждан опирается на нормы-принципы и непосредственные нормы права. Принципы процессуальных отраслей отражают не только их суть, дух и букву, но и нравственные начала судопроизводства в целом.

Деятельность суда по отправлению правосудия основывается на ключевых принципах. Они едины для всех процессуальных отраслей, и лишь преломляются по-разному в гражданском, уголовном, административном и конституционном процессе. Принципы представляют собой базовые основополагающие идеи, которые сохраняют для нас дух правосудия как деятельности государства по обеспечению снятия социальных конфликтов.

Правосудие в России можно представить, как функциональную систему, динамично развивающуюся, но обладающую рядом признаков:

1) деятельность ее подчинена не только букве закона, но и его духу, общим принципам права, которые активно воплощены в правовой культуре общества, профессионалов отдельных юридических сфер и государства в целом;

2) правосудие и его эффективность – одна из гарантий реализации идеи гражданского общества на практике. Граждане могут как выбрать суд в качестве «конечной инстанции» для прекращения юридического конфликта, обращаясь к государству, так

и использовать медиацию и иные способы альтернативного разрешения споров для того, чтобы решить вопрос в рамках институтов гражданского общества. При этом особенности спора обуславливают наличие либо отсутствие в нем необходимости обращаться за юридической помощью;

3) в рамках разных видов юридического процесса действуют общие принципы права. Преломление их сквозь призму особенностей и целей, прав и обязанностей участников процесса обеспечивает дифференциацию отраслей права как таковых, и меняет роли институтов юридической помощи, в частности, адвокатуры в ходе защиты или реализации прав граждан;

4) адвокатура в России – это одновременно публично-правовая структура, целью которой является защита прав граждан от нарушений и посягательств, и институт частного права, свободное сообщество профессионалов, которые на договорной основе оказывают юридическую помощь гражданам и организациям.

Взаимоотношения адвокатуры и правосудия можно представить в рамках нескольких основных положений.

Прежде всего адвокатура является независимым институтом. Она не подчиняется суду в материально-правовом смысле. Генри Резник в своем выступлении заметил, что часто эта независимость носит формальный характер в уголовном процессе [1].

Действительно, обязательный адвокат, который назначается следователем, часто не заинтересован в процессе никак, кроме как связанность его формальной обязанностью. Качество такой юридической помощи экстремально низкое. Резник полагает, что назначение адвокатов по выбору лица или его родственников решит эту проблему, но только в случае, если следствие не будет препятствовать этому. Известно, что в процессе следователь может использовать назначение «обязательного» адвоката как инструмент давления на подследственного и как способ развалить потом линию защиты в суде. Как только адвокат по выбору вступает в процесс, он сталкивается с необходимостью изучать материалы дела с самого начала и выстраивать стратегию защиты часто без необходимых процессуальных действий и доказательств.

В гражданском процессе независимость адвоката сильно ограничена экономическими факторами. Назначение экспертиз, привлечение специалистов и отдельные способы сбора доказательств требуют ресурсов. Не каждый участник процесса способен оплачивать «не обязательные по закону» экспертизы, командировки адвоката и другие действия, необходимые для выстраивания стратегии по делу.

Конституционный процесс в силу своего своеобразия сводит роль адвоката к инструментальной. Фактически мы имеем переход полномочий по защите права на лицо, обладающее специальными знаниями в области юриспруденции, и элиминацию из процесса самого заявителя. Определенным инструментом давления могут быть экономические ограничения. К сожалению, структура институтов адвокатуры не позволяет защищать права в Конституционном суде иначе, кроме как за счет лица, права которого нарушены. Получение компенсаций постфактум не всегда решает эту проблему. Ведь экономические факторы сдерживают доступность конституционного правосудия как такового, и гражданин может отказаться от защиты права в силу этих причин.

Независимость адвокатуры от правосудия – это не абстрактная категория, а конструкция, которую можно определить посредством сочетания экономических, юридических и организационных факторов.

Экономически адвокатура действует на началах самофинансирования. Юридическая помощь в России делится на бесплатную и платную, второй вариант покрывает расходы российской адвокатуры. При этом защиту прав и законных интересов граждан и организаций в судах, юридическое консультирование, составление документов и консультации нельзя считать бизнесом, предпринимательством.

Адвокатура отличается от предпринимательства тем, что отсутствует риск в классическом смысле. Адвокат – необходимая фигура в юридическом процессе, если молодой адвокат не очень успешен в поис-

ке клиентов и маркетинге, он может получить работу «от государства», став обязательным защитником по направлению адвокатского образования.

Дифференциацию можно провести и по критериям допустимости в маркетинге и рекламе:

1) как структура с сильным публично-правовым элементом и делегированными полномочиями государства по защите прав, свобод, законных интересов граждан перед судом, адвокатура представляет собой единый конгломерат специалистов;

2) рекламировать свои услуги за счет превосходства над другими адвокатами не считается этическим;

3) в реальности из рыночных инструментов маркетинга адвокату доступно только нишевание. Он может определить категории дел, которыми хочет заниматься, в которых достигает наибольшего успеха и которые будут определять сферу его деятельности.

Форма нишевания в адвокатуры напоминает, скорее, специализацию в рамках государственного органа, а не коммерческой организации, так как во многом определяет содержание процессуальных полномочий адвоката.

Экономически адвокат не зависит от суда и процесса. Он не оплачивается судами, компенсация расходов на защиту прав и законных интересов адвокатом полностью лежит на лице, права и интересы которого адвокат защищает.

Такая практика позволяет обеспечить реальную независимость адвокатуры от деятельности судов.

Юридические гарантии независимости адвокатуры от правосудия следующие:

– наличие строго определенных в законодательстве прав и обязанностей в процессе. Их круг может подвергаться критике в адвокатском сообществе, но сам факт из существования невозможно оспаривать.

– отсутствие между судами и адвокатами отношений власти и подчинения;

– жесткая регламентация процессуальных обязанностей адвоката.

Среди опубликованных материалов Федеральной палаты адвокатов можно встретить мнение, что адвокат по своей сути не может быть полностью независимым от суда, так как реализует государственные полномочия по юридическому представительству и защите прав. Российская практика идет по пути «инструментализации» роли адвоката в уголовном процессе, члены адвокатского сообщества фактически признают «формальный» характер суда, и обилие обвинительных приговоров [2].

Мы считаем, что необходимо различать строго процессуальные права суда и нарушение принципа состязательности. Администрирование процессуальных прав обусловлено руководящей ролью суда в процессе. Адвокат не «подчиняется» суду, он участвует в процессе в рамках закона и представля-

ет своего клиента при помощи делегированных ему законами инструментов. Но ситуация, в которой обвинительный приговор выносится «автоматически», просто потому, что обвинение было предъявлено и дело дошло до суда, получает резко негативную оценку членов адвокатского сообщества.

Адвокат процессуально независим и определяет стратегию своей деятельности самостоятельно, реализуя предоставленные ему законом права и обязанности.

Организационные гарантии независимости адвокатуры – это наличие обособленных адвокатских образований, отсутствие подчинения органов адвокатуры органам государства и наличие самоуправляемой структуры в рамках самой адвокатуры.

Основное направление деятельности адвокатуры – юридическая помощь гражданам и организациям. Наличие гарантий независимости позволяет говорить о самостоятельном характере ее оказания.

Нельзя не коснуться такого вопроса, как информационные и организационные ограничения независимости адвоката в юридическом процессе. Суть в том, что чем менее подготовлен адвокат и чем более формально он относится к осуществлению своей деятельности по оказанию юридической помощи, тем меньше у него реальной независимости в рамках этой деятельности. Такие адвокаты копируют процессуальные стратегии, часто совершают ошибочные действия и не всегда правильно трактуют содержание норм закона. К сожалению, эта проблема не решается посредством оценки квалификации при получении статуса адвоката. Право – динамичная меняющаяся структура, и повышение квалификации и получение новых знаний должно стать частью работы адвоката.

Проблема только в том, что время, проведенное за учебой, для адвоката – это время отрыва от основных оплачиваемых занятий. Это влечет за собой отсутствие заинтересованности в повышении квалификации у некоторых представителей адвокатуры. Следствием является не только снижение качества оказываемой юридической помощи, но и неумение пользоваться своими правами в полной мере. Таким образом, необходимо рассматривать информационную компетентность адвоката как одну из гарантий его независимости.

Судопроизводство в России, согласно ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Реальная состязательность и равноправие возможны при соблюдении нескольких условий:

1) наличие профессионального представительства прав и законных интересов участников процесса. Граждане не обязаны знать право на уровне, который позволяет участвовать в юридическом процессе, они могут знать свои права, но не иметь понятия об инстру-

ментах их защиты, поэтому наличие профессионального представителя с подтвержденной квалификацией в лице адвоката в процессе просто необходимо;

2) состязательность предполагает наличие у стороны возможности формировать правовую позицию по делу и строить процессуальную стратегию. Состязательность – это не просто аргументированные возражения на правовую позицию другой стороны, но активное построение своей правовой позиции;

3) равноправие обеспечивается не только инструментами закона, но и достаточной базой знаний о правах и инструментах их использования.

Бытует мнение, что состязательный процесс – площадка для дискриминации лиц с недостаточным уровнем знаний [3, с. 46–53]. Теоретически защита прав и свобод должна быть доступна каждому гражданину. Но процесс с его тонкостями и сложностями требует специальных знаний для адекватного в нем участия. Помимо знаний нужны еще и навыки.

Реальная состязательность возможна, если:

– представители обеих сторон – профессиональные юристы с подтвержденной в установленной форме квалификацией. В рамках института адвокатуры реализован доступ к профессии только посредством сдачи квалификационного экзамена. Это позволяет установить уровень знаний, некий допустимый минимум подготовки, который позволяет считаться специалистом квалифицированным и не являться лицом, которое в силу ограниченного объема знаний не может обеспечить качественное представительство в суде. Качество услуг представителя – одно из необходимых условий эффективности самого правосудия в состязательном процессе. Суд не может устанавливать факты и обстоятельства самостоятельно, без их презентации представителем или самим участником процесса;

– они примерно равны в отношении реальных навыков. Известно, что наличие диплома и даже некий стаж работы и сдача экзамена не гарантируют, что лицо по своим психологическим и профессиональным качествам сможет обеспечить представительство интересов качественно. Нельзя отрицать, что даже в рамках одной профессии и квалификации граждане не могут считаться равными по своим профессиональным характеристикам. Отдельные люди более успешны в представительстве в силу природной энергичности, напористости и активной жизненной позиции. Другие склонны более внимательно относиться к исследованию документов и не способны по своим психологическим качествам к публичным выступлениям. Грамотный специалист должен сочетать эти качества, чтобы быть успешным адвокатом.

В Конституции РФ (ст. 48 ч. 1) закрепляется право граждан и организаций на квалифицированную юридическую помощь.

Содержание данного права тесно перекликается с задачами адвокатуры. В настоящее время монополии на оказание юридической помощи у адвокатов нет. Однако фактически адвокатское сообщество является наиболее качественной структурой, которая оказывает юридическую помощь.

В гражданском и арбитражном процессе нет понятия «квалифицированная юридическая помощь» или «помощь адвоката». В цивилистическом процессе представительство осуществляется лицом, которое формально подтвердило свои полномочия. Но это совершенно не означает, что такое лицо является действительно квалифицированным представителем.

В этом смысле гарантией состоятельности процесса является одинаковая квалификация обоих представителей. В уголовном процессе это обеспечивается нормой о том, что интересы подсудимого может защищать только адвокат с подтвержденным и действующим статусом. В гражданском процессе норма фактически не работает, и интересы сторон могут представляться совершенно разными по квалификации специалистами.

Полагаем, что сводить профессионализм представителя только к наличию или отсутствию членства в адвокатском образовании и действующего статуса нельзя. Должны быть и другие объективные критерии:

- опыт работы, специализация по данной категории дел;

- «показатели успеха», т.е. количество выигранных дел. Последнее вызывает наибольшее количество споров в литературе, но именно это и есть реальный критерий квалификации адвоката, а не только образование, опыт и наличие подтвержденного статуса. Указанное не имеет ничего общего с гонораром успеха, и, в принципе, не чуждо российской правоприменительной практике. Оценка стоимости участия адвоката в процессе происходит в зависимости от квалификации адвоката, так определяются судебные расходы по гражданским делам при их взыскании с проигравшей стороны.

Стоит заметить, что проблемы специализации более широки, чем можно рассматривать в рамках курса об адвокатуре и адвокатской деятельности. В частности, ст. 1 Федеральный закон от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» среди многих полномочий аудитора в РФ упоминает представительство в суде. По делам, связанным с аудитом, такой специалист будет более перспективен, чем адвокат или простой юрист по договору и доверенности.

В практике встречаются и ситуации, когда клиент выбирает между лицом со статусом адвоката и лицом, которое является юристом, но статусом не обладает. При этом оценка происходит по портфолио выигранных дел и специализации. Здесь есть несколько тонкостей:

- закон запрещает адвокату использовать маркетинговые инструменты продвижения, продающие тексты, лендинги, и продвижение в соцсетях, которое прямо бы дискредитировало других специалистов и указывало на выгоды и преимущества работы именно с этим конкретным адвокатом;

- закон не запрещает юристам рекламировать свои услуги любым способом, который не подпадал бы под определение недобросовестной рекламы. Самые «продвинутые» технологии вроде нейрокопирайтинга, маркетинга в социальных сетях, таргетированной рекламы с текстами, которые прямо указывают на то, что специалист способен решить проблему, например, с долгами быстро и навсегда, либо осуществить представительство по отдельной категории дел лучше, чем другие подобные специалисты дают ему преимущество в продвижении;

- клиент не выбирает с точки зрения передачи публично-правовых функций или каких-то квалификационных преимуществ, связанных со статусом. Его мышление работает иначе. Человек идет к юристу, чтобы решить свою проблему, например, снизить кредитную нагрузку либо отсудить алименты. Он реагирует на триггеры вроде «быстро», «качественно», «специалист по кредитам или семейному праву».

В рамках адвокатуры специализация является негласной. Адвокат может указать, какие категории дел он предпочитает вести, но это не обязательно для него по закону. При проверке квалификации и способностей к профессии в процессе сдачи квалификационного экзамена «тонкие грани» востребованных на рынке специализаций представителей по гражданским и арбитражным делам не раскрываются.

Касательно конституционного правосудия можно заметить, что эту специальность люди и не выбирали бы в силу небольшой ее перспективности. Количество дел совсем незначительное, категории де не всегда позволяют окупить малый объем заявок за счет повышения цены. Итог – часть сфер, где требуется юридическая помощь, остается без услуг специалистов. Потому подобный подход мы не считаем универсальным и перспективным. Специализация адвокатов на практике даст больше в плане реализации публично-правовых задач и функций адвокатуры.

Тенденции таковы, что юридическая профессия стремится к узкой специализации по нишам, к примеру, кредитные юристы, юристы по разводам, юристы по автоматике. Смысл в том, что адвокатура копирует эти тенденции, но оценка общей квалификационной «пригодности» адвоката к профессии остается общей, на уровне базовых знаний. Это целесообразно, так как сложно считать специалистом лицо, которое не знает основ профессии. Однако стоит заметить, что адвокатура как саморегулируемое сообщество обладает и дополнительными инструмен-

тами по повышению квалификации адвокатов и улучшению качества предоставляемых ими услуг.

Доступность правосудия как юридическая категория тесно связана с доступностью юридической помощи и адвокатской помощи, в частности. Мы выяснили, что без качественно организованной юридической помощи теряется смысл участия в состязательном процессе и нарушается принцип равноправия.

Таким образом, адвокатура является одним из институтов, обеспечивающих доступность правосудия в самом широком смысле данного понятия и позволяющих бороться с нарушениями прав граждан и организаций в ходе самого процесса.

Адвокатура сталкивается с самым широким спектром проблем и сложностей, которые отражаются на качестве обеспечения доступности правосудия.

Прежде всего это проблема бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам. По закону таковая должна оказываться, но фактически все сводится к выдаче данных дел адвокатам в виде «общественной нагрузки», консультациям в общественных приемных и представительству в суде по остаточному, по сравнению с коммерческими делами, принципу.

Второй проблемный аспект – это размытость самого права на бесплатную помощь и незначительное финансирование его реализации. Право предоставляется официально зарегистрированным малоимущим, репрессированным для реабилитации, а также в рамках уголовного процесса оно обязательно. В рамках гражданского процесса требуется диспозитивная инициатива самих граждан.

Подсистема бесплатной юридической помощи включает в себя юридические клиники вузов и консультации в общественных, а также виртуальных приемных Администрации Президента РФ. Адвокаты присутствуют во всех формах в качестве лица, руководящего процессом обучения студентов и их практикой. Качество такой помощи оставляет желать лучшего. Многие клиники не составляют процессуальные документы, и граждане, обращающиеся за помощью туда, конечно же, не получают такого же качества услуги, как в рамках обычной юридической консультации и представительства.

Бесплатные консультации в самих адвокатских образованиях часто носят формальный характер и нацелены на вовлечение в бесплатную услугу, хорошо известный маркетинговый прием для «заманивания» клиентов.

Проблему бесплатной юридической помощи в литературе предлагают решить при помощи государственных юридических консультаций [4, с. 39–46]. Идея не нова, но ее реализация на практике откладывается ввиду финансовых трудностей и проблем организационного характера. Бесконечные дискус-

сии на тему «А пойдет ли квалифицированный специалист в государственную консультацию работать?» не решают проблемы. Стороны стоят на своих позициях, помощь оказывается в таком формате, который не предполагает адекватного раскрытия темы доступности правосудия.

Бесплатная адвокатская помощь и ее качество не раз становились предметом научных работ и дискуссий. Сводится все к констатации очевидных фактов. Современный отечественный адвокат может себе позволять примерно одно бесплатное дело в квартал, и использовать он его будет, скорее, в качестве бесплатной же рекламы своих услуг. Закон, напомним, рекламу запрещает. Иными словами, максимум, что сможет сделать адвокат, – это рассказать о деле в специализированных каналах и СМИ. Получается, что представителям сообщества просто не выгодны такие дела. В крупных адвокатских образованиях их ведение – предмет постоянного «переваливания полномочий» с одного специалиста к другому. Таким образом, качество ведения дел обосновано страдает.

Второй момент – это организационные проблемы в рамках самой адвокатуры и проблемы конкуренции среди представителей юридических профессий за фактическое представительство интересов в суде. Да, с позиции науки, адвокатура – вне конкуренции, так как реализует ряд полномочий, свойственных государственным структурам и защищает публичные права. Это замечательно, но с точки зрения экономики адвокаты оказываются в менее выгодном положении, чем юридические фирмы «без статуса». Прежде всего период вхождения в профессию более длительный. Существует негласное правило, согласно которому, прежде чем стать адвокатом, лицо «отрабатывает» следователем или низовым специалистом в государственных органах. Проблема только в том, что для эффективной работы адвокатом нужен совершенно другой объем навыков и личных «психологических» качеств. И это не просто «любовь к справедливости и знание права».

Адвокат, не обладающий здоровой долей склонности к риску, самостоятельностью мышления, умением привлекать клиентов по разным каналам и обрабатывать множество разных заявок, обречен на финансовый крах в первые годы своей деятельности.

Конечно же на практике в адвокатуру идут, когда наработают определенную базу клиентов, но их привлечение снова страдает. У адвоката есть только «сарафанное радио», а также попытки вести соцсети и интернет-ресурсы в «информационном стиле». Опять же оплата услуг специалистов по маркетингу и привлечение клиентов в эти подструктуры бременем ложится на специалиста, если он работает без помощников.

Вопросы «приобретения опыта», а точнее банально-го выживания молодого специалиста в период станов-

ления – это отдельная организационно-экономическая проблема. Минимальные доходы и необходимость платить отчисления приводят к тому, что лица, не обладающие способностями к привлечению клиентов, могут потерять практику в первые же годы.

Социальные гарантии при вхождении в профессию в нашей стране отсутствуют. Да, молодой адвокат может пользоваться определенными «благами» в виде потока клиентов, если он работает в адвокатском образовании. Но понятно, что это будут не самые денежные клиенты, а вот размер взносов пропорционально стоимости дел не уменьшается. Потому многие молодые специалисты по гражданским и арбитражным делам отказываются от приобретения статуса, инвестируя время и средства в получение качественной квалификации по той категории дел, которая наиболее перспективна экономически. Поэтому существует перекокс между большинством, стремящимся стать «кредитным юристом», и меньшинством, выбирающим более разнообразную практику.

Усложнение самой структуры права – факт, который нельзя отрицать. Повышение квалификации

и дальнейшее получение специальных знаний необходимы для адвокатов, но получать их без отрыва от работы по текущим делам – это большая проблема. Поэтому адвокатским образованиям просто необходимо внедрять дистанционные образовательные технологии.

Проблемой, существенно влияющей на роль адвокатуры в системе правосудия, юридической помощи и защиты прав, является и наличие процессуальных рычагов давления на адвоката вроде непропорционального затягивания процесса, ограничения доступа к доказательствам и материалам дела и ограничение доступа к оплачиваемому защитнику в уголовном процессе. Эти факторы влияют на результаты деятельности адвокатов негативно и сказываются на множестве подсистем общества и права, в частности, на отношении обывателей к государственному механизму.

Представляется, что решение организационных и экономических проблем будет в значительной степени улучшать взаимодействие адвокатуры и правосудия и поднимет институты защиты прав и свобод в нашей стране на новый уровень.

Пристатейный библиографический список

1. Резник Г. Особенности работы адвоката в уголовном процессе по назначению и соглашению // YouTube : сайт. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B7mAekTxlAQ> (дата обращения: 11.12.2020).
2. Мазурик Л. Почему почти никого из обвиняемых по уголовным делам не оправдают // Право.ru : сайт. URL: <https://pravo.ru/review/view/28518/> (дата обращения: 11.12.2020).
3. Сладкова А. В. Арбитражные суды как средство разрешения экономических споров // Безопасность бизнеса. 2006. № 3.
4. Курова Н. Н., Вяткина Л. А. Оказание бесплатной юридической помощи в России: развитие института // Адвокат. 2014. № 8.

References

1. Reznik G. Features of the Work of a Lawyer in Criminal Proceedings by Appointment and Agreement. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B7mAekTxlAQ> (date of the application: 11.12.2020).
2. Mazurik L. Why Almost None of the Accused in Criminal Cases Will Be Acquitted. URL: <https://pravo.ru/review/view/28518/> (date of the application: 11.12.2020).
3. Sladkova A. V. Arbitration Courts as a Means of Resolving Economic Disputes. *Business Security*. 2006. No. 3.
4. Kurova N. N., Viatkina L. A. Providing Free Legal Assistance in Russia: Development of the Institute. *Advocate*. 2014. No. 8.

ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЕДИНОГО ПОНЯТИЯ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-92-96>

Автором анализируются современные подходы российских и зарубежных ученых к определению понятия «искусственный интеллект». На основе анализа выделяются основные проблемы, препятствующие формированию единого определения. Делается вывод о необходимости ограничительного толкования понятия искусственного интеллекта и отграничения его от средств автоматизации. Также автором описываются основные признаки искусственного интеллекта в контексте применения к различным системам искусственного интеллекта и предлагаются универсальные признаки.

КУБРАК

Вероника Сергеевна

аспирантка

Финансового университета
при Правительстве РФ (г. Москва)

penskaya2015@mail.ru

**Искусственный интеллект;
технологии искусственного
интеллекта;
средства автоматизации;
правовое понимание;
понятие**

Veronika S. KUBRAK

Postgraduate Student, Financial
University under the Government of
the Russian Federation (Moscow)

penskaya2015@mail.ru

**Artificial intelligence;
artificial intelligence
technologies;
automation tools;
legal understanding;
definition**

LEGAL UNDERSTANDING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND THE PROBLEM OF DEFINING A SINGLE CONCEPT

The author analyzes the modern approaches of Russian and foreign scientists to the definition of the concept of artificial intelligence. Based on the analysis, the main problems that prevent the formation of a single definition are identified. The conclusion is made about the need for a restrictive interpretation of the concept of artificial intelligence and differentiation from automation tools. The author also interprets the main features of artificial intelligence in the context of application to various artificial intelligence systems and offers universal features.

Технологии искусственного интеллекта пока менее всего исследованы в гуманитарных науках, в том числе с точки зрения права. Влияние искусственного интеллекта на нашу правовую реальность начало активно изучаться только в последние пять лет в разрозненных отечественных и зарубежных исследованиях. Тем не менее надо отметить, что отдельные исследования, посвященные искусственному интеллекту, появились около 30 лет назад.

В отечественной юридической науке немало внимания уделяется понятию «искусственный интеллект». В юридической доктрине разработкой данного понятия, описанием его существенных признаков занимались следующие российские авторы: Л. С. Болотова, И. В. Понкин, А. С. Потапов, А. Н. Райков, А. И. Редькина, В. Н. Ручкин, В. Н. Синельникова, О. В. Рвинский и др.

Многие ученые определяют искусственный интеллект через компьютерную программу или компьютерную систему, создаваемую человеком, способную обрабатывать информацию и совершать определен-

ные действия, и получать новую информацию или иные объективные формы выражения [1, с. 18]. Также некоторые ученые определяют искусственный интеллект через его технические характеристики, выделяя в качестве признака искусственного интеллекта его технические мощности (емкости) или программно-синтезированные мощности [2; 3, с. 95–98].

Возможно, проблема отсутствия устоявшегося определения «искусственного интеллекта» исходит из заимствования результатов зарубежных исследований и терминологии. В целом из анализа и сопоставления как научной литературы, так и нормативно-правовой базы можно сделать вывод, что данная тема больше развита за рубежом: в США, Великобритании и т.д.

Особенно важным представляется сопоставление терминологии, используемой в России, с терминами, встречающимися в зарубежных исследованиях. «Artificial intelligence» и «искусственный интеллект» общепринято используются как взаимозаменяемые, однако, возможно, такая замена не вполне корректна.

Согласно Кембриджскому словарю под термином «*artificial intelligence*» понимается изучение того, как вычислительные мощности, которые обладают некоторыми качествами, присущими человеческому разуму, способны понимать язык, распознавать картинки, решать проблемы и учиться [4].

На некорректность заимствования термина «искусственный интеллект» обращает внимание и М. А. Рожкова, отмечая, что в отечественных публикациях слово «*intelligence*» в используемом контексте означает скорее «умственные способности», а не «интеллект», для которого есть английский аналог «*intellect*» [5].

Понятие «интеллект», в частности человеческий, согласно уже упомянутому Кембриджскому словарю, определяется как способность понимать и мыслить разумно. Возможно, именно от этих «неточностей перевода» и происходит ряд дискуссий, касающихся существования искусственного интеллекта в целом.

Нужно также отметить, что в западноевропейских исследованиях также нет единого подхода к определению искусственного интеллекта. Как отмечает П. Ванг, в исследовательской среде выделяются пять способов определения искусственного, соответствующих установлению сходства по структуре, поведению, способностям, функциям и принципам, соответственно. Например, она пишет, что, поскольку наиболее известный пример интеллекта создается человеческим мозгом, естественно предположить, что искусственный интеллект может быть достигнут путем построения мозгоподобной структуры, состоящей из нейроноподобных процессоров, работающих параллельно. Этот подход лежит в основе определения посредством структуры. Таким образом, к искусственному интеллекту должны относиться только нейронные сети [6, р. 362–373].

Второй способ базируется на оценке поведения. Так как интеллект, по-видимому, больше связан с человеческим разумом, чем с человеческим мозгом, многие исследователи считают, что при оценке интеллекта лучше сосредоточиться на поведении системы. Самая известная идея в этой категории – тест Тьюринга.

Установление искусственного интеллекта по способностям предполагает оценку того, как система решает определенные задачи и оценку полученных результатов. Иначе говоря, если человек решает определенные интеллектуальные задачи, то при разрешении таких задач компьютером он является «интеллектуальным».

Определение искусственного интеллекта по «функциям» требует, чтобы система обладала человеческими когнитивными функциями. Более систематическое описание пришло от Марра: «Результат в искусственном интеллекте состоит из выделения конкретной проблемы обработки информации, формулировки вычислительной теории для нее, построения алгорит-

ма, который ее реализует, и практической демонстрации того, что алгоритм успешен» [7, р. 37–48].

Определение по «принципу» требует, чтобы система следовала тому же принципу, что и человеческий разум. Это означает, что поток действий в компьютере аналогичен функции человека. Опять же, здесь основное внимание уделяется функции, а не фактическим восприятиям и действиям. Эта функция называется «принципом», чтобы подчеркнуть, что речь идет не только об одной проблеме и ее решении, но о жизненной истории субъекта в различных ситуациях, когда он имеет дело с различными типами проблем [6, р. 362–367].

Подытоживая анализ основных подходов в зарубежной литературе, скажем, что ряд исследователей приходят к выводам, что искусственный интеллект – это компьютерные системы схожие с человеческим разумом, однако в какой части эта схожесть единого мнения нет.

Есть и более глобальные вопросы, например: а возможен ли *искусственный* интеллект? Как отмечает Лоуренс Б. Солум, дискуссия по этому вопросу уходит своими корнями в самое начало современной мысли о природе человеческого разума [8, р. 1234]. Именно Томас Гоббс первым предложил вычислительную теорию разума: «под логическим мышлением я подразумеваю вычисление» [9].

Мы развивать данную дискуссию не планируем, хотя считаем важным отметить, что известный сейчас «искусственный интеллект» и не должен быть полностью идентичным человеческому интеллекту, поскольку они построены на кардинально разных принципах. Искусственный интеллект построен на алгоритме, который действует по строгим правилам (да – нет, если..., то – ...), в то время как интеллект человека построен на ассоциативных связях и эмоциях. В то же время мы будем использовать устоявшиеся в научном сообществе термины.

Важной проблемой в определении единого понятия искусственного интеллекта, которую следует обозначить в рамках рассмотрения данного вопроса, является постоянное расширение технологий, подпадающих под технологии искусственного интеллекта. На данное обстоятельство в своих публикациях указывают такие ученые, как Ю. С. Харитонova и В. С. Савина [10, с. 534–536].

Помимо классической технологии искусственного интеллекта также можно встретить понятие «вычислительный интеллект». Его основное отличие стоит в том, что он опирается на использование эвристических алгоритмов, используемых в нечеткой логике, искусственных нейросетях и т.д. Ю. С. Харитонova и В. С. Савина проводят очень интересный обзор существующих технологий и освещают область интеллектуальных алгоритмов (*intelligence algorithms*)

на основе моделирования биологических интеллектуальных естественных систем.

Хотя это и очень интересная тема, но ни в законодательстве, ни в науке в основном не освещается эта разница между различными «интеллектуальными» системами, которые могут относиться к различным технологиям. Как правило, вычислительный интеллект и иные технологии объединяются в единую область исследований «искусственного интеллекта». По-нашему убеждению, это обусловлено низким запросом со стороны общества: в настоящем пока не существует необходимости строгой правой классификации таких технологий.

Интерес представляет и определение искусственного интеллекта в Указе Президента РФ: «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» [11].

Данное определение вошло и в Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта...» [12]. Таким образом, это первое определение «искусственного интеллекта» для российского права, что можно расценивать как прорыв.

С точки зрения права данное определение очень широко, но причина использования именно «широкого» определения ясна – законодатель стремится охватить как можно большее количество «проявлений» искусственного интеллекта.

Тем не менее данное определение небесспорно. Определение искусственного интеллекта через комплекс технологических решений «имитирующих когнитивные функции человека» вызывает большие сомнения. Под когнитивными функциями человека можно понимать функции высшего головного мозга, которые отвечают за речь, память, концентрацию и мышление. К когнитивным функциям относится и формально-логические операции как вычисление. Если смотреть с такой стороны, то калькулятор можно рассматривать как искусственный интеллект, но интуитивно мы понимаем ложность этого утверждения.

Во-вторых, это часть про «самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма». Не до конца ясен замысел законодателя: в зависимости от того, что включают данные определения, может ме-

няться понимание искусственного интеллекта. Например, самообучение может быть контролируемым и неконтролируемым. Неконтролируемое обучение нейросетей сейчас используется довольно часто, например, в программах, анализирующих и предсказывающих поведение в интернет-магазинах. Стоит ли тогда нам расценивать такие программы как искусственный интеллект?

Мы считаем, что в настоящее время понятие искусственного интеллекта должно быть ограничительным: мы предлагаем «сузить» его и определить его как вычислительные мощности компьютерных систем или компьютерных программ, способные обрабатывать информацию различными способами и создавать на ее основе новую информацию (как при участии человека, так и без такового) сравнимую с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Но тогда встает другой важный вопрос: что отличает искусственный интеллект от средств автоматизации?

На средствах автоматизации базируется известная технология «интернета вещей». Если мы обратимся к Методическим рекомендациям по внедрению и использованию Интернета вещей [13], то увидим, что выделяются автоматические и автоматизированные инструменты и технологии. Понятие терминологии не дается, но можно сделать вывод что под автоматическими и автоматизированными инструментами понимаются системы и комплексы, позволяющие совершать определенные действия или процессы без участия человека (автоматические) или с ограниченным участием человека (автоматизированные). В более упрощенном виде, можно сказать, что средства автоматизации – инструменты, позволяющие выполнять часть или комплекс определенных действий.

Системы, базирующиеся на основе технологий искусственного интеллекта более сложные. В юридической доктрине ученые выделяют отличительные признаки искусственного интеллекта. По мнению М. Згуровского, для искусственного интеллекта характерны:

- 1) наличие цели или группы целей функционирования;
- 2) способность планирования своих действий и поиск решений задач;
- 3) способность к обучению и адаптации поведения в процессе работы;
- 4) способность работать в плохо формализованной среде, в условиях неопределенности, работать с нечеткими инструкциями;
- 5) способность к самоорганизации и саморазвитию;
- 6) способность понимать тексты на естественном языке;
- 7) способность к обобщению и абстрагированию накопленной информации [14, с. 220].

Как мы можем заметить требования, предъявляемые к искусственному интеллекту достаточно высо-

ки: большинство современных систем, называемых «искусственным интеллектом», вероятно, не могут целиком отвечать данным признакам. Соответственно, данные признаки не являются универсальными.

В западноевропейских исследованиях учеными выделяется три вида искусственного интеллекта (по уровню развития): слабый, сильный и «сверхразум». Как отграничить «слабый» искусственный интеллект от средств автоматизации?

Так, например, в Указе Президента РФ подчеркивается, что слабый искусственный интеллект, созданный с помощью машинного обучения способен решать только узкоспециализированные задачи [11], в то время как «сильный» искусственный интеллект ближе к человеческому мозгу, и обладает теми признаками, которые многие ученые описывают в юридической доктрине: способность обучаться, способность работать в плохо организованной среде и др.

Соответственно, грань между «слабым» искусственным интеллектом и средствами автоматизации может едва различима: если под средствами автоматизации можно понимать инструменты, в лучшем случае, выполняющие комплекс действий, то под «слабыми» система искусственного интеллекта – системы, направленные на решение узкой задачи.

Кроме того, следует учитывать различные направления разработки искусственного интеллекта: восходящий (англ. *Bottom-Up AI*) и нисходящий (англ. *Top-Down AI*) подходы. Нисходящий подход – создание экспертных систем, баз знаний и систем логического вывода, имитирующих высокоуровневые психические процессы: мышление, рассуждение, речь, эмоции, творчество и т.д.

Восходящий подход изучение нейронных сетей и эволюционных вычислений, моделирующих интеллектуальное поведение на основе биологических элементов, а также создание соответствующих вычислительных систем, таких как нейрокомпьютер или биокомпьютер.

Соответственно системы искусственного интеллекта, построенные на основе восходящего и нисходящего подхода, тоже не могут обладать одинаковыми признаками. Так, например, если мы снова обратимся к уже перечисленным признакам искусственного интеллекта (способность к обучению и адаптации, способность к работе в плохо организованной среде и т.д.), то можем увидеть, что они практически нерелевантны для систем, построенных на нисходящем походе, которые базируются на постоянном

приросте новой информации, а не на имитации деятельности мозга.

Это можно проиллюстрировать на примере «экспертных систем», которые как раз таки строились на нисходящем подходе. В 1980-х гг. разработка «экспертных систем» считалась перспективным направлением: идея состояла в создании программного продукта, который бы объединял базы знаний и фактов с экспертным опытом. Однако поскольку данные системы фактически представляли собой широкую базу знаний фактов, фактически они могли принять решения, не были способны к обучению, т.е. не обладали теми признаками, которые в юридической доктрине приписываются искусственному интеллекту.

Проанализировав признаки предъявляемых к искусственному интеллекту, большинство представителей технических специальностей скажут, что искусственного интеллекта не существует и есть только компьютерные программы, действующие по определенному написанному человеком алгоритму и не более, а настолько развитых систем, которые описывают представители юридической науки, просто нет. Возможно, человеческое сообщество еще не готово определить, что следует относить к искусственному интеллекту и что следует признавать «интеллектуальным».

Конечно, можно было бы возразить, заметив, что данные признаки не выбраны по критерию «долженствования», а представляют собой некий идеал, куда все системы искусственного интеллекта должны стремиться. Однако сейчас они имеют важное практическое значение, так как человеческое сообщество нуждается в выработке адекватного правового регулирования данной среды для дальнейшего развития.

По нашему мнению, уместно выделить следующие признаки, которые были бы характерны для всех систем искусственного интеллекта в целом:

- наличие цели (или целей);
- способность к накоплению и анализу информации;
- способность решать установленные задачи;

Исходя из вышесказанного постараемся ответить на главный вопрос: что же такое искусственный интеллект? Считаем, что искусственный интеллект можно определить как вычислительные мощности компьютерных систем или компьютерных программ, способные обрабатывать информацию различными способами и создавать на ее основе новую информацию (как при участии человека, так и без такового участия), сравнимую с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Пристатейный библиографический список

1. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4.
2. Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2018.

3. Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1.
4. Cambridge Dictionary : сайт. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 15.04.2021).
5. Рожкова М. А. Искусственный интеллект и интеллектуальные роботы – что это такое или кто это такие? // Закон.ру : сайт. URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__chto_eto_takoe_ili_kto_eto_taki (дата обращения: 15.04.2021).
6. Wang P. What Do You Mean by “AI”? // Proceedings of the First Conference on Artificial General Intelligence. Memphis: Memphis, 2008.
7. Marr D. Artificial Intelligence: A Personal View // Artificial Intelligence. 1977. Vol. 9 (1).
8. Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences // North Carolina Law Review. 1992. Vol. 70 (4).
9. Hobbes T. Elements of Philosophy, the First Section, Concerning Body. London : J. Bohn, 1839.
10. Харитонова Ю. С., Савина В. С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 3 (49).
11. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Методические рекомендации по внедрению и использованию промышленного интернета вещей для оптимизации контрольной (надзорной) деятельности» (утв. протоколом заседания проектного комитета от 9 ноября 2017 г. № 73(13)) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Зайченко Ю., Згуровский М. Системный анализ направлений вычислительного интеллекта // Information Content and Processing. 2014. Т. 1. № 3.

References

1. Sinelnikova V. N., Revinskii O. V. Rights to the Results of Artificial Intelligence. *Copyright*. 2017. No. 4.
2. Morkhat P. M. Legal Personality of Artificial Intelligence in the Field of Intellectual Property Law: Civil and Legal Problems: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2018.
3. Ponkin I. V., Redkina A. I. Artificial Intelligence from the Point of View of Law. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2018. Vol. 22. No. 1.
4. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (date of the application: 15.04.2021).
5. Rozhkova M. A. Artificial Intelligence and Intelligent Robots – What Are They or Who Are They? URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/23/iskusstvennyj_intellekt_i_intellektualnye_roboty__chto_eto_takoe_ili_kto_eto_taki (date of the application: 15.04.2021).
6. Wang P. What Do You Mean by “AI”? In Proceedings of the First Conference on Artificial General Intelligence. Memphis: Memphis, 2008.
7. Marr D. Artificial Intelligence: A Personal View. *Artificial Intelligence*. 1977. Vol. 9 (1).
8. Solum L. B. Legal Personhood for Artificial Intelligences. *North Carolina Law Review*. 1992. Vol. 70 (4).
9. Hobbes T. Elements of Philosophy, the First Section, Concerning Body. London: J. Bohn, 1839.
10. Kharitonova Iu. S., Savina V. S. Technology of Artificial Intelligence and Law: Modern Challenges. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2020. Issue 3 (49).
11. Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 No. 490 “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (SPS “ConsultantPlus”).
12. Federal Law of 24 April 2020 No. 123-FZ “On Conducting an Experiment to Establish Special Regulation in Order to Create the Necessary Conditions for the Development and Implementation of Artificial Intelligence Technologies in the Constituent Entity of the Russian Federation – the City of Federal Significance Moscow and Amending Articles 6 and 10 of the Federal Law ‘On Personal Data’” (SPS “ConsultantPlus”).
13. Guidelines for the Implementation and Use of the Industrial Internet of Things to Optimize Control (Supervisory) Activities (approved by the project committee meeting minutes of 9 November 2017 No. 73 (13)) (SPS “ConsultantPlus”).
14. Zaichenko Iu., Zgurovskii M. System Analysis of Computational Intelligence Main Trends. *Information Content and Processing*. 2014. Vol. 1. No. 3.

ПРАВО НА УЧАСТИЕ В ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ: МОДЕЛИ И РЕАЛЬНОСТЬ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-97-103>

В настоящей статье рассмотрен один из институтов «прав человека» – «право на участие в отправлении правосудия» как культурный и цивилизационный феномен. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что право в целом не существует без интерпретации культурного аспекта, придающего ему внеисторический и даже цивилизационный смысл и значение. В настоящий момент упомянутый аспект исследования выходит на первый план по отношению к его политическим, идеологическим и функциональным характеристикам. Цель работы заключается в том, чтобы выявить теоретические аспекты права на участие в отправлении правосудия, которое в современных условиях приобрело большее значение. Для этого были использованы ценностно-аксиологический, мировоззренческий, формально-догматический и социологический методы научного познания. Ценностно-мировоззренческий подход к культуре базируется на повышении значения достоинства жизни и свободном развитии человека. С другой стороны, право и права человека являются культурными феноменами, зависящими от общих достижений цивилизации и государственности. Поэтому объяснение этих сторон возможно только лишь при условии исследования практической реализации прав граждан, особенно такого права, как право на участие в отправлении правосудия, как одной из самых принципиальных свобод человека и гражданина. Новизна статьи заключается в выявлении некоторых тенденций и закономерностей реализации права на участие в отправлении правосудия. Представляется, что современное законодательство выделяет несколько способов реализации права участие в осуществлении правосудия (профессиональный (в качестве судьи), непрофессиональный прямой (в качестве присяжного и арбитражного заседателя) и непрофессиональный опосредованный способ – в качестве члена квалификационной коллегии судей). Развитие и совершенствование гражданского судопроизводства привели к формированию моделей реализации права на отправление правосудия, в том числе моделей непрофессионального состава суда, призванной обеспечивать независимость судебной системы в целом, принципы справедливости судебного разбирательства. Таким образом, устойчивой закономерностью современных государств стало существование различных форм и способов отправления правосудия при участии граждан, причем для различных правовых систем характерно различное качество его реализации. Российская практика реализации данного права отличается низким уровнем культуры и адекватности как со стороны граждан, так и со стороны непосредственных процессуальных лиц, что явствует из практики судов общей юрисдикции и решений Конституционного Суда РФ.

ПАНИНА

Татьяна Петровна

аспирантка кафедры теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

panina15@yandex.ru

**Права человека;
правовая культура;
законодательство;
присяжные заседатели;
суд;
судьи**

Tatiana P. PANINA

Postgraduate Student, Department
of Theory, History of State and Law
and Philosophy, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

panina15@yandex.ru

**Human rights;
legal culture;
legislation;
jurors;
court;
judges**

THE RIGHT TO PARTICIPATE IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE: MODELS AND REALITY

This article examines one of the institutions of “human rights” – the “right to participate in the administration of justice” as a cultural and civilizational phenomenon. The relevance of such a study is due to the fact that law as a whole does not exist without the interpretation of the cultural aspect, which gives it an extra-historical, and even civilizational meaning and significance. At the moment, this aspect of the study comes to the fore in relation to its political, ideological and functional characteristics. The aim of the work is to identify the theoretical aspects of the right to participate in the administration of justice, which in modern conditions has become more important. For this, the value-axiological, worldview, formal-dogmatic and sociological methods of scientific knowledge were used. The value-worldview approach to culture is based on increasing the value of the dignity of life and the free development of a person. On the other hand, law and human rights are cultural phenomena that depend on the general achievements of civilization and statehood. Therefore, the explanation of these sides is possible only on condition of research into the practical implementation of the rights of citizens, especially such a right as the “right to participate in the administration of justice” as one of the most fundamental freedoms of man and citizen. The novelty of the article is expressed in the identification of some tendencies and regularities in the implementation of the “right to participate in the administration of justice”. It seems that modern legislation distinguishes several ways of exercising the right to participate in the administration of justice (professional (as a judge), non-professional direct (as a jury and arbitrator) and non-professional indirect way – as a member of the qualification collegium of judges. Development and improvement of civil proceedings has led to the formation of models for the realization of the right to the administration of justice, including models of a non-professional composition of the court, designed to ensure the independence of the judicial system as a whole, the principles of fair trial. Thus, the existence of various forms and methods of administration of justice with the participation of citizens has become a stable regularity of modern states. Different legal systems are characterized by different quality of its implementation. The Russian practice of implementing this right is distinguished by a low level of culture and adequacy both on the part of citizens, and to and from the direct procedural persons, which is evident from the practice of courts of general jurisdiction and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Культура всегда, так или иначе, находит свое отражение в различных направлениях реализации права. Можно сказать, что это одно из актуальных в современной теоретико-правовой и конституционно-правовой науке и практике. Право в целом не существует без интерпретации «культурного контекста», придающего ему вневременной значение и смысл. Культура выполняет свою «ценностно-мировоззренческую» миссию в правовом развитии, а законодательство конкретизирует духовные, социально-экономические и политические «нормативы», формируя тем самым основу социальной солидарности и обеспечивая реализацию прав граждан в реальной жизни.

Правовой подход к культуре базируется на обеспечении достоинства жизни и свободном развитии человека. С другой стороны, право и права человека являются культурными феноменами, зависящими от общих достижений цивилизации и общества. Поэтому объяснение этих сторон возможна только лишь при условии исследования реализации прав граждан, особенно такого права как «право на участие в отправлении правосудия» и правовой культуры общества и отдельных социальных групп [1, с. 27–31].

Так, значительный итог правового развития общества с древнейших времен и до наших дней – это процесс формирования института прав человека, ко-

торый является важнейшим индикатором цивилизованности и культуры общества. Именно права человека в нашем понимании – это неперенный атрибут демократического и социально зрелого общества и признаком правового государства. Взаимоотношения личности и государства сопряжены с принципом приоритета прав и свобод человека, который играет огромную роль в этом аспекте и является неким определяющим фактором для существования данного принципа.

Формирование важнейшего принципа, имеющего большое правовое и конституционно значение и выступающего неким межотраслевым постулатом судопроизводства, происходило на протяжении фактически не одного столетия как высшее достижение западной культуры и цивилизации [2].

Становление правосознания в части участия граждан в отправлении правосудия и судопроизводства в составе суда от исключительно необходимости участия по уголовным делам до необходимости задействовать данное участие в рамках производства в арбитражных судах также происходило постепенно. Большую социально-правовую актуальность для исследования эволюции формирования понимания представляет собой непосредственное участие физических лиц в отправлении правосудия как конституционная свобода граждан – некая форма осуществления суверенитета народа, которая дает возможность последнему непосредственно реализовывать власть и посредством которой реализовывается функция обязательного общественного механизма контроля за отправлением правосудия.

Достаточный интерес представляет исследование этапов развития и совершенствования гражданского судопроизводства, которое привело к формированию моделей реализации права на отправление правосудия, в том числе моделей непрофессионального состава суда, призванной обеспечивать независимость судебной системы в целом, принципы справедливости судебного разбирательства.

В процессе исследования эволюции конституционно-правовое регулирование права граждан на участие в отправлении правосудия крайне важно исследовать формирование российской модели «непрофессионального суда» в аспекте поиска ее общих черт со схожими моделями в зарубежных странах, определив сконцентрированность зарубежных моделей на принятии решений, основанных на морали, что является благом для общества, а также на признании права на суд присяжных как фундаментальную гражданскую свободу или гражданское право (она/он может выбирать, быть ли судимым судьями или присяжными).

Исследование эволюции развития невозможно без понимания важного постулата, что судьи выно-

сят вердикт, основанный на законе, при непрофессиональном участии граждан в осуществлении правосудия возможен многих факторов, исключающих учет исключительно формальных аспектов наказания.

Формирование основной роли данного принципа в части того, что указанный принцип обеспечивает обвиняемого или иное лицо, выступающее участником судопроизводства, правом на разрешение дела (в определенных обстоятельствах) с непосредственным участием в процессе присяжных заседателей не является обязательным составляющим права на справедливое разбирательство, происходит не одновременно.

Важно отметить, что эволюция российская модель непрофессионального суда постепенно от этапа к этапу становится именно отражающей качественные признаки российской судебной власти, основанной на принципе взаимосвязи между российским государством и гражданским обществом, его гражданами, и трансформируется в некую форму осуществления суверенитета народа, обеспечивающую реализацию властных полномочий гражданами России в части участия в отправлении правосудия, реализовывает функцию обязательного общественного надзора за реализацией правосудия.

Исследование эволюционного развития указанного принципа невозможно без осознания роли общественности в целом в реализации правосудия, в рамках которой правосудие – это некий элемент социума.

Зарубежное законодательство, выделяющее по сути две формы участия населения в отправлении правосудия (суд присяжных и суд шэффенов, суд ассизов или народных заседателей), – это некая иная действительность в понимании реализации исследуемого нами принципа.

Представляет интерес исследование эволюционного развития понимания принципа в аспекте сопоставления с опытом Германии, стран общего права (Великобритания, США), ряда европейских государств, таких как Испания, Норвегия, Австрии, Франция. Важно отметить, что ряд стран по итогам исторического пути становления институтов народного представительства отказался от реализации именно классической формы организации деятельности суда присяжных, что безусловно имеет некие особенности эволюционного развития понимания принципа в данных странах. Едва ли возможен вывод лишь о возможности существования форму участия граждан в отправлении правосудия (данного института) в рамках демократического строя.

Данный вопрос обуславливает необходимость тщательного исследования дискуссии, продолжавшихся длительный период времени на тему необходимой формы привлечения физических лиц как

заседателей непосредственно в структуре суда – присяжных либо *шеффенов*, исследование истоков непоследовательности применения указанных форм в российской действительности.

Особую специфику имеют некие обозначенные в конституционно-правовом механизме политические демократические права, свободы, выступающие элементом механизма реализации народовластия, поскольку, именно опираясь на них, граждане осуществляют обозначенное конституционное право на осуществление участия в процессе управления всеми предусмотренными законами государственными процессами [3, с. 12–13].

Происходят дискуссии по вопросу того, как реализовать предоставленные конституционные права непосредственно на участие в процессе осуществления правосудия. Многообразие воззрений на важные вопросы функционирования принципа участия в граждан в работе судебных органов в значительной мере обусловлено переоценкой в целом общественных начал данного принципа. При этом, как совершенно оправданно подчеркивается большинством ученых, реализация и существование принципа невозможны без построения идеи самого механизма осуществления судебной власти.

Поскольку сама система судебной власти формировалась не одномоментно, постольку и ряд принципов ее функционирования формировался параллельно процессу построения иерархии судебной власти.

Важно отметить, что тем не менее ученые едины в том, что реализации участия в граждан в отправлении правосудия должна отвечать историческим реалиям, потребностям общества и уровню развития судебной системы конкретного государства. Именно эти факторы обусловили различия в реализации рассматриваемого нами принципа. Именно это и стало причиной того, что с самого начала существования народной формой представительства формировались ее различные формы, исторически перешедшие в современные известные нам формы, дифференцируемые лишь по отраслям права.

Так, в соответствии уже с современным пониманием М. А. Липчанская выделяет две формы участия:

1) профессиональная (в качестве судей) форма участия;

2) общественная форма принятия участия (как присяжных, арбитражных заседателей) определенных граждан в реализации судебной власти [4].

Осуществление правосудия с участием граждан в России – это важный конституционный принцип. Он закреплен в ч. 5 ст. 32 Конституции РФ [5]. Конкретизирует указанный важнейший постулат Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе РФ» [6]. Нормы данно-

го Закона обуславливают различные, но определенные способы осуществления указанного постулата (как присяжных, так и заседателей). Что наиболее характерно так это то, что законодатель указывает участие определенных граждан в том, как будет осуществляться рассмотрении судебных дел как своего рода исполнение ими некоего гражданского долга последних. Указанное право обычно считается коррелирующим с теми самими нормами, содержащимися в ч. 2 ст. 3 Конституции РФ.

В рамках с указанной нормы различными гражданами такое правомочие реализуется непосредственно либо через конкретные те или иные органы власти всех уровней.

В силу ст. 11 Конституции РФ суды – это часть общей системы органов власти, механизма государства, в которых принцип народовластия очень важен, а именно важнее чем в какой-либо другой области управления делами нашей современной демократической страны. Непосредственное участие граждан как своего рода непрофессиональных судей напрямую в составе суда имеет некое конституционное свойство, которое является базирующимся на ч. 5 ст. 32 Конституции РФ, в соответствии с которой граждане РФ наделены правом на участие в отправлении правосудия.

Большую конституционно-правовую актуальность представляет для настоящей статьи непосредственное участие физических лиц в отправлении правосудия. Данным участием устанавливаются качественные признаки судебной власти. Последнее, в свою очередь, считается ключевым принципом взаимосвязей между любым демократическим государством со своими гражданами [7, с. 202–212]. Указанное участие – это и некая форма осуществления суверенитета народа, дает возможность последнему непосредственно реализовывать власть (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ), Посредством участия реализуется функция обязательного общественного контроля за реализацией правосудия.

Характерно, что Конституция РФ утверждает только одну существенную категорию граждан, призванных непосредственно участвовать в осуществлении правосудия, – это присяжные заседатели, утверждая в ч. 4 ст. 123, что в обстоятельствах, установленных федеральным законом, судопроизводство реализуется с прямым участием заседателей [8, с. 95–102].

Необходимо сказать, что провозглашаемая Конституцией РФ указанная форма закрепляется совершенно не в соответствии с участием в осуществлении правосудия, а для того, чтобы у обвиняемого имелось право на разрешение его дела конкретным судом с участием заседателей. Участие в осуществлении правосудия лишь обозначено в Конституции РФ. Однако в ней полностью отсутствует прямое указа-

ние на конкретные формы, пределы его осуществления. Последнее вызывает отсутствие общей точки зрения по проблеме определения форм указанного права [9].

Важнейшая форма участия – в форме заседателей – определена ч. 4 ст. 123 Конституции РФ. Кроме того, ч. 2 ст. 20, ч. 2 ст. 47 Конституции РФ гарантирует обвиняемому право на рассмотрение дела (в конкретных обстоятельствах) с прямым участием заседателей. Ранее Конституционный Суд РФ уже высказывал свою позицию по поводу реализации права на судебное разбирательство судом с участием присяжных заседателей отдельных категорий лиц.

В 2016 г. Конституционный Суд РФ признал конституционное право женщин на суд присяжных [10]. Что же касается несовершеннолетних, то его решение, вынесенное в 2014 г., носило иной характер. В постановлении Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П [11] фактически аргументировалась возможность изъятия из подсудности суда с участием присяжных заседателей уголовных дел в отношении несовершеннолетних с тем, чтобы обеспечить охрану прав и законных интересов последних. Основными аргументами против судебного разбирательства с участием суда присяжных по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, с точки зрения Конституционного Суда РФ, применительно к ситуации рассмотренного запроса являлись наличие уголовно-правового запрета на применение к несовершеннолетним самых строгих видов уголовного наказания и ограниченные возможности апелляционного обжалования приговора, постановленного на основе вердикта присяжных заседателей.

Также Конституционный Суд РФ указал, что предусмотренное гл. 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) производство не снижает возможностей несовершеннолетнего в реализации права на судебную защиту, а специфические особенности такого производства, выразившиеся в необходимости устанавливать ряд дополнительных обстоятельств, учитывать особенности личности несовершеннолетнего, требуют не только высокой квалификации судей, но и их специальной подготовки, обеспечения конфиденциальности судебного разбирательства. Очевидно, что в какой-то мере такая позиция Конституционного Суда РФ способствовала последующему нормативному ограничению законодателем права несовершеннолетних на суд присяжных, что и нашло свое отражение в п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ.

В процессе исследования правовой литературы можно выявить, что по результатам того, как происходит развитие и совершенствование гражданского судопроизводства, осуществляется формирование двух моделей того, как строится участие населения

в процессе отправления правосудия: суды присяжных и суды экспертов-консультантов.

Суды присяжных служат для осуществления правосудия по гражданским делам в ряде стран англосаксонской правовой семьи.

Вторая модель – это суды экспертов-консультантов (*assessor system*). Они имеют значительные отличия от суда присяжных (это некая единая коллегия, которая совместно решает вопросы права и фактов). Следует отметить, что впервые данная модель использовалась в Германии и ее видение заключалось в создании специальных судов (*Sondergerichte*). В настоящее время модель суда экспертов-консультантов является действующей в Китайской Народной Республике.

В России к *assessor system* нужно относить институт арбитражных заседателей в рамках арбитражного процесса. Конституционное право на участие в осуществлении правосудия непосредственно касается граждан, не принимающих прямого профессионального участия в осуществлении правосудия, так как профессиональные судьи совершенно не участвуют в его отправлении, а непосредственно его реализуют.

Суд присяжных – это суд с участием суда присяжных, в ходе которого присяжные либо выносят решение, либо делают выводы о фактах, которые затем применяются судьей. Его следует отличать от коллегиального судебного разбирательства, когда все решения принимает судья или коллегия судей. Они принимают решения, основанные на морали, что является благом для общества. Судьи выносят вердикт, основанный на законе. Английское общее право и Конституция США признают право на суд присяжных как фундаментальную гражданскую свободу или гражданское право (она/он может выбирать, быть ли судимым судьей или присяжным) [12]. Суды присяжных имеют гораздо меньшее значение (или вообще не имеют значения) в странах, не имеющих системы общего права.

В США есть два вида присяжных, осуществляющих различные функции непосредственно в федеральных судах по первой инстанции: присяжные, известные как малые и большие. Суд присяжных, известный как малый, решает, имело ли место преступление или подсудимый причинил вред и дело подлежит разрешению в гражданском судопроизводстве; он включает 6–12 человек. Судебные разбирательства, являются по большей части публичными, но обсуждения частными. Подсудимые обладают правом голоса, возможностью давать показания, вызывать свидетелей. Вынесение решения – это приговор, вынесенный в пользу истца, либо ответчика непосредственно по гражданскому делу либо уголовному.

Большое жюри включает как доказательства от прокурора США самого прокурора. Оно определяет,

имели ли место основания, что конкретное лицо совершило преступление, обязано ли оно быть осуждено. Когда большое жюри установит, что собранных доказательств достаточно, обвинительный акт устанавливается против обвиняемого. Большое жюри включает в себя 16–23 человек. Заседания проходят в закрытом формате. Подсудимые, его адвокаты не обладают правом выступать непосредственно перед Большим жюри. Присяжные взвешивают доказательства и показания, чтобы определить вопросы факта и права. Определение присяжными вопросов права, иногда называемое аннулированием присяжных, может привести к отмене приговора судьей.

В заключение сделаем вывод, что современное законодательство выделяет несколько способов реализации права участие в осуществлении правосудия (профессиональный (в качестве судьи), непрофессиональный прямой (в качестве присяжного и арбитражного заседателя) и непрофессиональный опосредованный способ – в качестве члена квалификационной

коллегии судей). Между тем развитие и совершенствование гражданского судопроизводства и судебной системы привели к формированию моделей реализации права на отправление правосудия, в том числе моделей непрофессионального состава суда, призванной обеспечивать независимость судебной системы в целом, принципы справедливости судебного разбирательства [13, с. 90].

Российская модель «непрофессионального суда» имеет некоторые общие черты со схожими моделями в зарубежных странах. Однако зарубежные модели в значительной мере, на наш взгляд, сконцентрированы на принятии решений, основанных на культуре и морали, что является благом для общества, а также на признании права на суд присяжных как фундаментальную гражданскую свободу или гражданское право (она/он может выбирать, быть ли судимым судьями или присяжными). Судьи же выносят вердикт, основанный на толковании права (закона) [14, с. 23–30].

Пристатейный библиографический список

1. Федорченко А. А., Якубенко К. Ю. Современное правосознание российского общества (по материалам социологических исследований) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2019. № 4 (55).
2. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение : монография. М. : НОРМА, 2009.
3. Фарков Д. О. Пути демократизации судебной системы РФ // Gaudeamus Igitur. 2016. № 2.
4. Липчанская М. А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства : конституционно-правовое исследование : дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2012.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 2020. 4 июля. № 144.
6. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.
7. Вилкова Т. Ю. Участие граждан в отправлении правосудия – межотраслевой принцип судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6.
8. Насонов С. А. Участие граждан в осуществлении правосудия как принцип, определяющий качественные характеристики судебной власти // Юридическая наука. 2016. № 2.
Постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2010 г. № 8-П // СЗ РФ. 2010. № 18. Ст. 2276
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2016 г. № 6-П // СЗ РФ. 2016. № 10. Ст. 1476.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 16-П // СЗ РФ. 2014. № 22. Ст. 2920.
11. Конституция США // Исторический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова : сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 20.05.2021).
12. Романова Ю. В. Основы конституционных прав граждан на обращение в суд и участие в отправлении правосудия // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (5).
13. Федорченко А. А., Якубенко К. Ю. Проблемы становления судебной власти и правосознание судей в Российской Федерации (по материалам социологических исследований) // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2020. № 1 (56).

References

1. Fedorchenko A. A., Iakubenko K. Iu. Modern Legal Awareness of Russian Society (Based on Sociological Research). *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2019. No. 4 (55).
2. Lukasheva E. A. Human, Law, Civilizations: Normative-Value Dimension: Monograph. Moscow: Norma, 2009.
3. Farkov D. O. Ways to Democratize the Judicial System of the Russian Federation. *Gaudeamus Igitur*. 2016. No. 2.
4. Lipchanskaia M. A. Participation of Citizens of the Russian Federation in the Management of State Affairs: Constitutional and Legal Research: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Saratov, 2012.
5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with amendments approved during the All-Russian Vote on 1 July 2020). *Rossiiskaia Gazeta*. 4 July 2020. No. 144.
6. Federal Constitutional Law of 31 December 1996 No. 1-FKZ "On the Judicial System of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1997. No. 1. Art. 1.
7. Vilkoval T. Iu. Participation of Citizens in the Administration of Justice – An Intersectoral Principle of Legal Proceedings. *Actual Problems of Russian Law*. 2017. No. 6.
8. Nasonov S. A. Participation of Citizens in the Administration of Justice as a Principle That Determines the Qualitative Characteristics of the Judiciary. *Legal Science*. 2016. No. 2.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 19 April 2010 No. 8-P. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2010. No. 18. Art. 2276.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25 February 2016 No. 6-P. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2016. No. 10. Art. 1476.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 20 May 2014 No. 16-P. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 22. Art. 2920.
12. US Constitution. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (date of the application: 20.05.2021).
13. Romanova Iu. V. Fundamentals of the Constitutional Rights of Citizens to Go to Court and Participate in the Administration of Justice. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2013. No. 1 (5).
14. Fedorchenko A. A., Iakubenko K. Iu. Problems of the Formation of the Judiciary and the Legal Conscience of Judges in the Russian Federation (Based on Sociological Research). *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2020. No. 1 (56).

СНИЖЕНИЕ СУДОМ РАЗМЕРА НЕУСТОЙКИ КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ СЛАБОЙ СТОРОНЫ ДОГОВОРА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-104-109>

Статья посвящена такому механизму защиты слабой стороны предпринимательских договорных отношений от несправедливых договорных условий, как снижение судом размера неустойки. При написании работы использовались общие и частнонаучные методы познания, в том числе метод системного анализа, приемы формальной логики, социологические и аналитические методики. В статье автором исследуются механизмы защиты слабой стороны предпринимательского договорного отношения от несправедливого условия договора о размере неустойки, которыми слабая сторона может воспользоваться до момента нарушения обязательства, на основании применения положений п. 2 ст. 428 Гражданского кодекса РФ, либо после совершения правонарушения и наступления гражданско-правовой ответственности на основании ст. 333 данного Кодекса. Предметом исследования выступили нормы законодательства РФ, предоставляющие гарантии защиты слабой стороне предпринимательского договорного отношения от несправедливых договорных условий, судебная практика и положения современных научных исследований. Цель работы – установление правовых оснований для осуществления судебного вмешательства в условия предпринимательского договора о размере неустойки. Исходя из проведенного анализа механизмов защиты слабой стороны предпринимательского договорного отношения и оснований их применения автором сделан вывод, что вмешательство суда в свободу усмотрения сторон предпринимательского договорного отношения возможно в исключительных случаях. В этом качестве следует рассматривать заключение предпринимательского договора в условиях явного неравенства переговорных возможностей сторон, когда слабая сторона не могла согласовать условие договора о размере неустойки, что повлекло возникновение дисбаланса в ответственности. Условия предпринимательского договора о размере неустойки, согласованные равными по переговорным возможностям сторонами, должны признаваться и приводиться судами в исполнение.

РУДОВА
Ольга Сергеевна

аспирантка кафедры гражданского и предпринимательского права
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА
Минюста России) (г. Москва)

bigapple@bk.ru

**Снижение размера неустойки;
несправедливые условия
договора;
слабая сторона;
защита слабой стороны
договора;
свобода договора**

Olga S. RUDOVA

Postgraduate Student, Department
of Civil and Business Law, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

bigapple@bk.ru

REDUCING THE AMOUNT OF THE PENALTY BY THE COURT AS A SPECIAL MECHANISM TO PROTECT THE WEAK SIDE OF THE CONTRACT

**Reduction of the forfeit;
unfair contract terms;
weak side;
protection of the weak side
of the contract;
freedom of contract**

The article is devoted to such a mechanism for protecting the weak side of entrepreneurial contractual relations from unfair contractual conditions as a decrease in the amount of the penalty by the court. When writing the work, general and specific scientific methods of cognition were used, including the method of systems analysis, methods of formal logic, sociological and analytical methods. In the article, the author examines the mechanisms for protecting the weak side of the entrepreneurial contractual relationship from an unfair contractual condition on the amount of the penalty, which the weak side can use until the moment of violation of the obligation, on the basis of the application

of the provisions of paragraph 2 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation, or after the commission of an offense and the onset of civil liability on the basis of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation. The subject of the research is the norms of the legislation of the Russian Federation, which provide guarantees for the protection of the weak side of the entrepreneurial contractual relationship from unfair contractual conditions, judicial practice and the provisions of modern scientific research. The purpose of the work is to establish the legal basis for the implementation of judicial intervention in the terms of the business agreement on the amount of the penalty. Based on the analysis of the mechanisms for protecting the weak side of the entrepreneurial contractual relationship and the grounds for their application, the author concluded that the court's interference in the discretion of the parties to the business contractual relationship is possible in exceptional cases. In this capacity, the conclusion of an entrepreneurial contract should be considered in conditions of an obvious inequality of the negotiating capabilities of the parties, when the weak party could not agree on the terms of the contract on the amount of the forfeit, which led to an imbalance in liability. The terms of the business agreement on the amount of the forfeit agreed upon by the parties equal in terms of negotiation capabilities must be recognized and enforced by the courts.

Стороны в силу принципа свободы договора вправе определять любой размер неустойки, но свобода договора не абсолютна и может быть ограничена императивными нормами или ограничена на основании судебного усмотрения. Однако сложившаяся судебная практика по снижению размера неустойки приобрела массовый и беспорядочный характер. Как указывают многие авторы, практика по безосновательному снижению размера неустойки является грубейшим пренебрежением принципом свободы договора [1, с. 110–120; 2, с. 54–58].

Анализ судебной практики приводит к выводу о том, что в качестве основного критерия для снижения размера неустойки, суд применяет несоразмерность ее размера последствиям нарушения обязательства [3; 4; 5]. В частности, размер неустойки может оказаться несоразмерным правонарушению в условиях неравенства переговорных возможностей сторон, в силу того, что сторона, обладающая большей переговорной властью, злоупотребляя своей силой, устанавливает неустойку в свою пользу либо ограничивает свою ответственность за правонарушение, и устанавливает крайне незначительную неустойку в пользу слабой стороны.

Таким образом, в силу того, что участники предпринимательского договорного отношения, обладают не равной переговорной силой, одна из сторон, злоупотребляя большей переговорной властью, устанавливает в свою пользу неустойку, размер которой не мог быть согласован другой стороной, либо ограничивает свою ответственность, устанавливая незначительную неустойку в пользу слабой стороны, т.е. договор заключается с несправедливым условием.

Гражданское законодательство в ряде статей предусматривает право суда блокировать несправедливые договорные условия. К их числу можно отнести ст. 10, предполагающую отказ в защите права в случае злоупотребления им, ст. 169, признающую ничтожными сделки, противоречащие основам нравственности и правопорядка, ст. 428, позволяющую изменить несправедливое условие, включенное в договор в условиях неравенства переговорных возможностей сторон, ст. 333 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), наделяющую суд правом снизить несоразмерную неустойку.

В зависимости от того, является неустойка законной или договорной, возможны следующие способы защиты от несоразмерной неустойки. Как отмечает А. Г. Карапетов, «договорная неустойка – это не более и не менее чем вполне обычное договорное условие, которое отступает от установленного диспозитивного правила, и, соответственно, должно подчиняться универсальному принципу оценки таких отступлений от диспозитивных правил в рамках договорного права» [6]. Из этого следует сделать вывод о том, что неустойка, введенная договором, представляет собой обычное договорное условие, в силу чего ее размер определяется сторонами, которые вследствие действия принципа свободы договора вправе определять его по своему усмотрению.

Договорное условие о размере неустойки может оказаться несправедливым, когда условия договора определены одной из сторон, а другая сторона в силу явного неравенства переговорных возможностей сторон, поставлена в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий до-

говора. В такой ситуации защита слабой стороны от несправедливого условия договора о размере неустойки возможна на основании применения положений п. 2 ст. 428 ГК РФ путем изменения условий договора. Такой способ защиты от несправедливого договорного условия о размере неустойки слабая сторона может применить еще до того как обязательство будет нарушено, путем подачи иска в суд в пределах срока исковой давности.

Второй способ защиты слабой стороны от несоответствующей неустойки представляет собой право суда снизить размер неустойки на основании ст. 333 ГК РФ, применение которого возможно как в отношении законной неустойки, так и в отношении договорной неустойки. Поэтому слабая сторона предпринимательского договора, которая не воспользовалась механизмами защиты от несправедливых договорных условий до момента нарушения обязательства, после совершения правонарушения и наступления гражданско-правовой ответственности вправе на основании ходатайства просить суд снизить размер неустойки.

Введенная в действие 1 июня 2015 г. ст. 333 ГК РФ регулирует порядок и основания уменьшения размера неустойки. Порядок уменьшения неустойки зависит от субъектного состава и основания ее установления (закон или договор). Необходимым условием для снижения неустойки в отношении, нарушившего обязательство лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, является заявление такого лица. Суд наделяется правом на снижение размера неустойки в случае несоответствия ее размера последствиям нарушения обязательства только на основании заявления должника.

На необходимость подачи заявления ответчиком с целью снижения неустойки указывали Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [7] и Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [8].

Конституционный Суд РФ в определении от 15 января 2015 г. № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паршина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» подтвердил, что суд не обладает абсолютной инициативой по снижению размера неустойки, неустойка может быть уменьшена судом только на основании волеизъявления ответчика, в противном случае суд при осуществлении судопроизводства фактически выступал бы с позиции одной из сторон спора (ответчика), принимая за нее решение о реализации права и освобождая от обязанности доказыва-

ния несоответствия неустойки последствиям нарушения обязательства [9].

Соответственно, заявление должника выступает юридическим фактом, порождающим право суда, при наличии необходимых оснований, снизить размер неустойки. Более того, заявление о снижении размера неустойки должно быть подано при рассмотрении дела исключительно судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции, в случае если он перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции.

Об этом 29 мая 2018 г. Верховный Суд РФ вынес определение № 301-ЭС17-21397 по делу № А43-26319/2016, указав, что заявление ответчика о применении положений ст. 333 ГК РФ об уменьшении неустойки может быть сделано исключительно при рассмотрении дела судом первой инстанции или судом апелляционной инстанции, но лишь, если он перешел к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции, сделав ссылку на п. 71 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [10].

Следующим критерием для снижения размера как законной, так и договорной неустойки выступает критерий несоответствия ее размера последствиям нарушения обязательства. Согласно п. 4 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» [11] к последствиям нарушения обязательства могут быть отнесены не полученные истцом имущество и денежные средства, понесенные убытки, другие имущественные и неимущественные права, на которые истец вправе рассчитывать в соответствии с законодательством и договором. Критериями для установления явной несоответствия неустойки последствиям нарушения обязательства в каждом конкретном случае согласно п. 2 Информационного письма № 17 могут быть чрезмерно высокий процент неустойки, значительное превышение суммы неустойки суммы возможных убытков, вызванных нарушением обязательств, длительность неисполнения обязательства и другие обстоятельства.

Необходимо отметить, что критерий несоответствия размера неустойки последствиям нарушения обязательства следует рассматривать как основание для снижения размера договорной неустойки только в ситуации, когда несоответствие возникла в результате неравенства переговорных возможностей сторон предпринимательского договора.

Стороны предпринимательского договора, которые действуют на свой риск, основываясь на при-

нците свободы договора, могут установить любой размер неустойки. В свою очередь, суд в случае правонарушения имеет право снизить размер неустойки только в ситуации, когда предприниматели оказались не равны в своих переговорных силах, что повлекло возникновение дисбаланса в ответственности, в остальных случаях условия договора о размере неустойки должны признаваться и приводиться судом в исполнение.

Для снижения размера договорной неустойки, помимо подачи заявления должником и установления несоразмерности ее размера последствиям нарушения обязательства, суд должен установить дополнительное основание в виде получения должником необоснованной выгоды. По сути, такой критерий для снижения размера договорной неустойки как необоснованная выгода повторяет критерий несоразмерности, что подтверждается постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», где в п. 73 указано, что «несоразмерность и необоснованность выгоды могут выражаться, в частности, в том, что возможный размер убытков кредитора, которые могли возникнуть вследствие нарушения обязательства, значительно ниже начисленной неустойки» [12]. Следует сделать вывод, что эти оценочные критерии схожи по содержанию применительно к вопросу о снижении размера неустойки. Как представляется, следует устранить такой критерий для снижения размера договорной неустойки, как «необоснованность выгоды», с целью исключить дополнительную нагроможденность в основаниях для предоставления суду права снизить размер договорной неустойки.

Пункт 2 ст. 333 ГК РФ устанавливает важное правило о том, что договорная неустойка, подлежащая уплате лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность, подлежит уменьшению судом в исключительных случаях. Как представляется, данный критерий был введен законодателем для того, чтобы ограничить возможность судов вмешиваться в условия предпринимательского договора по снижению размера неустойки без наличия веских оснований.

Закрепляя такой критерий для снижения размера договорной неустойки, законодатель хотел подчеркнуть, что суд должен более уважительно относиться к предпринимательским договорам и свободе определения размера неустойки, и вторгаться в условия договора только при наличии весомых причин. Это связано с тем, что предприниматель осуществляет деятельность на свои риск, и суд не должен вмешиваться в оценку условий предпринимательского договора, аргументируя это ограниченным профессионализмом, информированностью и принятием

на себя непросчитанных финансовых обязательств, в силу того, что предприниматель, обладающий большими ресурсами при заключении договора способен более детально изучать условия договоров, включая условия о размере неустойки.

Заключая договор, предприниматели определяют размер неустойки на случай нарушения обязательства. В этом смысле положения о неустойке представляют собой обычное договорное условие, которое должно признаваться и приводиться судами в исполнение. Более того, вводимая в предпринимательский договор договорная неустойка выполняет важные функции, стимулирующие контрагента заключить договор и гарантирующие его надлежащее исполнение.

Таким образом, неустойка, включенная в предпринимательский договор, является не просто мерой ответственности за нарушения обязательства, но и выполняет стимулирующую функцию по заключению договора, выступает гарантией надлежащего исполнения обязательств со стороны лица, предложившего включить в договор условие о такой неустойке в пользу контрагента.

Сторона предпринимательского договора, в пользу которой устанавливается неустойка, с целью избежать трансакционных издержек отказывается от исполнения более дорогостоящих стимулирующих исполнение обязательства правовых инструментов, таких как, например, залог имущества или поручительство, так как истолковывает согласие должника уплатить значительную неустойку как гарантию, что должник не намерен нарушать договор. В связи с этим вмешательство судов в условия предпринимательских договоров в части снижения размера неустойки приводит к тому, что контрагенты вынуждены прибегать к более дорогостоящим правовым инструментам, стимулирующим исполнение обязательства, либо вынуждены отказываться от заключения договора, так как не могут нести такие трансакционные издержки.

Исходя из вышеизложенного следует сделать вывод, что суд не должен вторгаться в согласованные равными по переговорным возможностям сторонами условия предпринимательского договора о размере неустойки и такие условия должны признаваться и приводиться судами в исполнение. Суд вправе снизить размер договорной неустойки только в исключительных случаях. В этом качестве следует рассматривать заключение предпринимательского договора в условиях явного неравенства переговорных возможностей сторон, когда слабая сторона не могла согласовать условие договора о размере неустойки. Соответственно должник, нарушивший обязательство должен доказать, что при заключении договора он оказался слабой стороной, лишенной возможнос-

ти влиять на согласование условий договора. Примером явного дисбаланса переговорных возможностей выступают предпринимательские договоры, заключенные с монополистом, без какого-либо согласования условий.

Необходимо отметить, что в соответствии со сложившаяся судебной практикой суды при вынесении решений о снижении размера неустойки руководствуются критерием «несоразмерности» либо отказывают в уменьшении размера неустойки, ссылаясь на не предоставление доказательств исключительности случая, при этом не раскрывая что понимается под исключительностью. Так, например, согласно постановлению Девятого арбитражного апелляционного суда от 26 мая 2017 г. № 09АП-15216/2017-ГК по делу № А40-244367/16 суд взыскал неустойку в пользу кредитора, обосновав это тем, что ответчик не предоставил доказательства исключительности случая, и не доказал, что взыскание неустойки в предусмотренном договором размере может привести к получению истцом необоснованной выгоды. Согласно постановлению Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 июня 2017 г. № 16АП-1028/2017 по делу № А63-12596/2016 суд не усмотрел оснований для снижения неустойки, в силу отсутствия ее чрезмерности, доказательств исключительности рассматриваемого случая и получения истцом необоснованной выгоды.

Также встречаются решения суда, в которых суд отказывает в уменьшении размера неустойки, ссылаясь на отсутствие исключительности случая, под которым понимается невозможность слабой стороны согласовать условия договора. Например, согласно постановлению Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-7735/17 от 15 января 2018 г. по делу № А07-7124/2017 суд не усмотрел оснований для снижения размера неустойки, сделав вывод, что стороны согласовали условие договора о штрафных санкциях, установление такой платы согласуется с принципом свободы договора. Заявленные ответчиком доводы об обременительности условия договора, суд не принял во внимание, так как спорный договор подписан сторонами без замечаний и возражений, ответчик условия договора не оспаривал. Суд отметил отсутствие

в материалах дела доказательств того, что ответчик при заключении договора являлся слабой стороной, не имел возможности заявлять возражения относительно содержания условий договора, и со стороны истца имело место понуждение к заключению договора. Это дало основание сделать вывод о согласовании сторонами договора условия о штрафных санкциях на равных началах, поскольку стороны вправе устанавливать штрафные санкции в размере по соглашению сторон, в соответствии с принципом свободы договора, а оснований для снижения размера неустойки не выявлено, ввиду того, что ответчиком не предоставлены доказательства исключительности случая, выражающегося в обременительности условий договора для ответчика в силу неравенства переговорных возможностей сторон.

Следует сделать вывод, что сложившаяся судебная практика пренебрегает основным критерием для снижения размера неустойки в предпринимательском договоре, а именно критерием исключительности, наличие которого должно предоставлять суду права вмешиваться в условия договора с явным дисбалансом переговорных возможностей сторон, в противном случае суд не должен быть вовлечен в оценку условий заключенных предпринимательских договоров. Между тем нужно интерпретировать критерий исключительности как случай заключения договора в условиях явного неравенства переговорных возможностей сторон.

Следует обратить внимание на то, что само по себе установление судом исключительности случая, выражающегося в явном неравенстве переговорных возможностей сторон предпринимательского договора, не является основанием для снижения размера неустойки. Суд изначально должен установить исключительность случая, для того чтобы у него появились легитимное право на снижение размера неустойки, после чего суд переходит к анализу соразмерности неустойки последствия нарушения обязательства, и только после установления несоразмерности размера неустойки последствиям совершенного правонарушения, при обязательной исключительности случая суд вправе уменьшить размер неустойки.

Пристатейный библиографический список

1. Рожкова М. А. Изменение практики применения арбитражными судами ст. 333 ГК РФ: от Обзора Президиума ВАС РФ к Постановлению Пленума ВАС РФ // *Хозяйство и право*. 2012. №7.
2. Хлебников А. Д. Новые подходы ВАС РФ к ст. 333 ГК РФ: неустойка уменьшается только по заявлению ответчика // *Арбитражная практика*. 2011. № 5.
3. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 16 августа 2017 г. по делу № А12-17873/17 // Картоoteca арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6d28e32f-472e-453b-98b0-96c5aa4da1d1> (дата обращения: 13.12.2020).

4. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 16 августа 2017 г. по делу № А53-9242/2017 // Картоoteca арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2e45632f-9bf2-4805-86cb-605a4fe5e35c> (дата обращения: 13.12.2020).

5. Решение Арбитражного суда Москвы от 16 августа 2017 г. по делу № А40-62011/2017 // Картоoteca арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6eb9aced-4512-4c79-afa5-3976081e3f38> (дата обращения: 13.12.2020).

6. *Karapetov A. G.* Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 12.

7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 декабря 2011 г. № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2015 г. № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паршина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Определение Верховного Суда РФ от 29 мая 2018 г. № 301-ЭС17-21397 по делу № А43-26319/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

11. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 июля 1997 г. № 17 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Rozhkova M. A.* Changing the Practice of Application by Arbitration Courts of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation: From the Review of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation to the Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. *Economy and Law*. 2012. No. 7.

2. *Khlebnikov A. D.* New Approaches of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation to Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation: The Penalty Is Reduced Only at the Request of the Defendant. *Arbitration Practice*. 2011. No. 5.

3. Decision of the Arbitration Court of the Volgograd Region of 16 August 2017 in case No. A12-17873/17. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6d28e32f-472e-453b-98b0-96c5aa4da1d1> (date of the application: 13.12.2020).

4. Decision of the Arbitration Court of the Rostov Region of 16 August 2017 in case No. A53-9242/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/2e45632f-9bf2-4805-86cb-605a4fe5e35c> (date of the application: 13.12.2020).

5. Decision of the Moscow Arbitration Court of 16 August 2017 in case No. A40-62011/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/6eb9aced-4512-4c79-afa5-3976081e3f38> (date of the application: 13.12.2020).

6. *Karapetov A. G.* Models of Protection of Civil Rights: An Economic View. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2014. No. 12.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 22 December 2011 No. 81 "On Some Issues of the Application of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 June 2012 No. 17 "On the Consideration of Civil Cases by Courts in Disputes on the Protection of Consumer Rights" (SPS "ConsultantPlus").

9. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15 January 2015 No. 7-O "On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Citizen Parshin Alexander Vasilyevich on Violation of His Constitutional Rights by Part of the First Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 May 2018 No. 301-ES17-21397 in case No. A43-26319/2016 (SPS "ConsultantPlus").

11. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14 July 1997 No. 17 "Review of the Practice of Application by Arbitration Courts of Article 333 of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 March 2016 No. 7 "On the Application by Courts of Certain Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Liability for Violation of Obligations" (SPS "ConsultantPlus").

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВЛИЯЮЩИЕ НА КАЧЕСТВО ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА И ДОСТОВЕРНОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-110-117>

Актуальность темы статьи заключается в том, что в настоящее время зафиксированы высокие показатели назначения судебных экспертиз. В соответствии с отчетом судов общей юрисдикции о назначении судебных экспертиз за 6 месяцев 2020 г. судами первой и апелляционной инстанций вынесено 87 695 определений о назначении судебных экспертиз. Вместе с тем судебно-экспертная деятельность несовершенна, поэтому предметом исследования являются наиболее актуальные существующие в ней проблемы. Цель работы состоит в выявлении и анализе проблем судебно-экспертной деятельности, влияющих на качество заключения эксперта и достоверность криминалистически значимой информации, путем проведения эмпирических исследований. В методологию проведенного исследования положены диалектический метод познания и базирующиеся на нем общенаучные и специальные криминалистические методы, а также социологические методы (изучение следственной, судебной, экспертной практики; проведение опросов практических работников). Основное содержание, включающее новизну, заключается в формулировании классификаций основных проблем судебно-экспертной деятельности и подробном анализе отдельных их разновидностей. Основные результаты исследования и самостоятельные выводы автора заключаются в предложении некоторых рекомендаций, направленных на улучшение судебно-экспертной деятельности, которые могут быть использованы следователями, судьями, судебными и несудебными экспертами, специалистами, адвокатами и иными профессиональными представителями, а также преподавателями и студентами юридических вузов.

**КОЛЕСНИКОВА
Наталья Сергеевна**

аспирантка юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (г. Москва)
n.s.kolesnikova@bk.ru

**Криминалистически значимая информация;
судебно-экспертная деятельность;
судебный эксперт;
заключение эксперта;
проблема**

Natalia S. KOLESNIKOVA

Postgraduate Student, Faculty of Law,
Lomonosov Moscow State University
(Moscow)
n.s.kolesnikova@bk.ru

ACTUAL ISSUES OF FORENSIC ACTIVITY AFFECTING THE QUALITY OF THE EXPERT'S OPINION AND THE RELIABILITY OF CRIMINALISTIC SIGNIFICANT INFORMATION

**Criminalistic significant information;
forensic activity;
forensic scientist;
expert's opinion;
issue**

The relevance of the topic of the article lies in the fact that currently there are high rates of appointment of forensic examinations. In accordance with the report of the courts of general jurisdiction on the appointment of forensic examinations for 6 months of 2020, the courts of first and appeal instances issued 87,695 decisions on the appointment of forensic examinations. At the same time, forensic expert activity is imperfect, therefore, the subject of research is the most actual issues existing in it. The purpose of the work is to identify and analyze the issues of forensic activity that affect the quality of the expert's opinion and the reliability of forensically significant information, through empirical research. The methodology of the study is based on the dialectical method of cognition and general scientific and special forensic methods based on it, as well as sociological methods (study of investigative, judicial, expert practice; conducting

surveys of practitioners). The main content, including novelty, consists in the formulation of classifications of the main issues of forensic activity and a detailed analysis of their individual varieties. The main results of the study and the author's independent conclusions are to offer some recommendations aimed at improving forensic activity, which can be used by investigators, judges, forensic and non-forensic experts, specialists, lawyers and other professional representatives, as well as lecturers and students of law schools.

Проблемы в судебно-экспертной деятельности можно разделить на те, которые связаны с назначением судебных экспертиз, их производством и оценкой. Кроме того, проблемы могут быть возникнуть в результате действия человеческого фактора или технических устройств. Они также могут быть объективными и субъективными в зависимости от участия в их возникновении определенного субъекта.

Выявление проблем необходимо в целях поиска способов их устранения или хотя бы минимизации для улучшения качества заключения эксперта и повышением достоверности проверяемой или получаемой с помощью него криминалистически значимой информации.

В рамках настоящей статьи рассмотрим наиболее актуальные выявленные в ходе проведенных эмпирических исследований проблемы, возникающие в судебно-экспертной деятельности в целом и деятельности по назначению судебной экспертизы в частности.

Затрагивая обозначенный первый блок проблем, остановимся подробнее на отсутствии единого нормативного и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

1. Отсутствие единого нормативного обеспечения судебно-экспертной деятельности

В настоящее время судебно-экспертная деятельность претерпела качественные изменения. Это вызвано рядом причин. Появляются новые объекты, исследование которых требует привлечения специальных знаний. В связи с этим развиваются новые виды судебных экспертиз и соответствующие им экспертные специальности. Как следствие, это повлекло изменение внутренней организационной структуры государственных судебно-экспертных учреждений и распространение сектора частных организаций, оказывающих услуги по проведению экспертиз и подготовке заключений.

Однако в России отсутствует общегосударственная система, осуществляющая единое научно-методическое, кадровое, финансово-экономическое и технологическое обеспечение данного вида деятельности, хотя существуют параллельно действующие и неоправданно дублирующие друг друга ве-

домственные системы государственной экспертизы с мощным кадровым и финансово-хозяйственным обеспечением [1, с. 44]. Таким образом, в данный момент нет оснований говорить и об общем подходе, направленном на совершенствование и развитие единой системы судебно-экспертной деятельности в РФ.

Вместе с тем попытка решения проблемы унификации регулирования судебно-экспертной деятельности была предпринята на законодательном уровне. В 2013 г. в первом чтении принят законопроект «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Данным актом предусмотрена консолидация и унификация правового регулирования системы судебно-экспертной деятельности без дифференциации на государственный и частный сектор. Однако на данной стадии процедура принятия, к сожалению, завершилась.

Кроме того, в ключе проблемы унификации судебно-экспертной деятельности представляет интерес Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [2] (далее – Программа). В качестве одной из задач Программы ставится модернизация судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции РФ. Данная задача поставлена в связи с необоснованно длительными сроками судопроизводства. Нормализация сроков судебного рассмотрения дел напрямую связано с минимизацией сроков производства судебных экспертиз, результаты которых активно используются в целях установления обстоятельств по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции и арбитражными судами. В этой связи в рамках Программы предполагается реализовать мероприятия по созданию условий для осуществления качественных экспертиз государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции РФ, которые являются независимой структурой государственных судебных экспертов, не подчиненной органам дознания и следствия, свободной от какой бы то ни было ведомственной заинтересованности, и имеют на сегодняшний день наиболее полную нормативную правовую базу по судебной экспертизе. Вместе с тем возможности государствен-

ной судебно-экспертной деятельности Министерства юстиции РФ ограничены бюджетным финансированием, сегодня они уже практически исчерпаны и не соответствуют в полной мере возросшим потребностям судов в производстве экспертиз, в первую очередь строительно-технических, автотехнических и автооценочных, финансово-экономических, товароведческих, экологических, лингвистических, психологических, компьютерно-технических и почерковедческих экспертиз. Реализация мероприятий Программы по созданию условий для осуществления качественных экспертиз судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции РФ и внедрению в судебно-экспертную деятельность современных информационных технологий, а также оснащение учреждений современной приборной базой позволят улучшить качество осуществляемых экспертиз и сократить сроки их производства, что повлияет на сокращение сроков судопроизводства.

Безусловно, идею создания Программы в целом следует признать положительной. Вместе с тем в части судебно-экспертного блока вопросов наблюдается несистемное регулирование, поскольку в Программе речь идет только о государственной судебно-экспертной деятельности Министерства юстиции РФ. Судебно-экспертная деятельность, осуществляемая в рамках других государственных судебно-экспертных учреждений, а также негосударственных экспертных организаций остается вне поля зрения государственных заказчиков Программы. Последними являются Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство юстиции РФ, Федеральная служба судебных приставов.

Подобные инициативы представляются вполне обоснованными ввиду того, что вопросы судебно-экспертной деятельности на уровне науки, к сожалению, не получили комплексной разработки. Как следствие, законодательная и правоприменительная, в частности, и другие виды деятельности в общем, касающиеся вопросов судебной экспертизы, не имеют отправных точек, основы, отталкиваясь от которой можно было бы создать комплексное системное регулирование.

2. Отсутствие единого методического обеспечения судебно-экспертной деятельности и, как частное данной проблемы, отсутствие в открытом доступе большинства методик экспертно-исследования

Данный фактор особенно негативно отражается на деятельности экспертов – сотрудников частных экспертных организаций. Результаты опросов экспертов показывают, что лишь 7% опрошенных государственных экспертов испытывают затруднения

в получении доступа к методикам экспертного исследования. Однако 80% частных экспертов от числа опрошенных частных экспертов испытывают указанные затруднения. Необходимость создания единых методик обусловлена, в частности формированием единой системы оценки, повышением эффективности производства судебных экспертиз в целом.

Вместе с тем, что следует признать положительным, в настоящее время функционирует Технический комитет по стандартизации 134 «Судебная экспертиза», которым разработаны и утверждены национальные стандарты, в частности судебной молекулярно-генетической, судебно-трасологической, судебно-экологической экспертизам. Перспективной программой Комитета предусматривается разработка 28 национальных стандартов по различным родам (видам) судебной экспертизы [3].

Далее перейдем к анализу проблем, возникающих при назначении судебных экспертиз.

3. Проблема неправильной последовательности назначения судебных экспертиз

Например, когда один и тот же документ необходимо направить на технико-криминалистическую экспертизу установления давности его реквизитов (а) и почерковедческую экспертизу (б), то целесообразно первоначально назначить экспертизу (а), затем (б). В данном случае для экспертизы (а) важную роль играет фактор времени, поскольку с течением времени краситель пишущего прибора может утратить свои свойства, поэтому стать непригодным для исследования, в то время как для экспертизы (б) фактор времени относительно безразличен.

4. Проблема назначения вместо комплекса судебных экспертиз комплексной судебной экспертизы (58% исследуемых материалов дел)

Например, в ходе изучения материалов дел встречались определения о назначении комплексной почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов; комплексной почерковедческой и лингвистической судебной экспертизы. В ходе комплексной судебной экспертизы должна решаться общая экспертная задача комплексом знаний. Классическим примером комплексной экспертизы является психолого-психиатрическая экспертиза. В приведенных некорректных определениях речь идет о комплексе экспертиз, поскольку при назначении, например, «комплексной почерковедческой и технико-криминалистической экспертизы документов», почерковедческой экспертизой будут решаться одни задачи, а технико-криминалистической – другие, т.е. отсутствует критерий комплексности знаний.

В качестве криминалистической рекомендации можно предложить освещение в доступной форме на-

иболее типичных комбинаций последовательностей назначения судебных экспертиз, а также комплексных судебных экспертиз с указанием их отличия от комплекса экспертиз. В этом смысле можно считать положительным опыт проведения конференции в 1985 г., в рамках которой были опубликованы обширный перечень комбинаций нескольких специалистов для производства комплексных экспертиз [4].

5. Проблема назначения судебной экспертизы эксперту по несоответствующей назначаемой экспертизе специальности

Так, например, Арбитражным судом Московской области по делу № А41-81791/19 назначена экспертиза (наименование отсутствует) для решения следующих вопросов:

1) имеют ли мосты недостатки (дефекты, повреждения, влекущие невозможность их использования по целевому назначению)?

2) вызваны имеющиеся на мостах дефекты, повреждения, царапины и т.п. их неправильной эксплуатацией или несоответствием условиям Договора?

3) соответствуют ли предъявленные для экспертизы мосты требованиям и условиям Договора поставки?

4) если не соответствуют условиям, то в какой части и привели ли указанные нарушения условий Договора к ухудшению (улучшению) их потребительских свойств, в том числе прочностных характеристик?

При этом Арбитражным судом из числа предложенных сторонами кандидатур выбран судебный эксперт по специальности: электронные вычислительные машины, инженер-системотехник. Судебная экспертиза по делу была проведена именно данным экспертом.

Представляется, что в данном случае судебная экспертиза проведена некомпетентным по поставленным вопросам экспертом, если исходить из его специальности.

6. Проблема возможности постановка перед экспертом правовых вопросов

Для анализа данной проблемы необходимо обратиться к категории специальных, общеизвестных и правовых знаний. Специальными знаниями, как указывается в научных и нормативных правовых источниках, являются знания в области науки, техники, искусства или ремесла. При этом очевидно, что перечень указанных сфер не является исчерпывающим, поэтому можно обобщить и сформулировать, что специальными являются знания в какой-либо области практической и теоретической деятельности. Однако и это полностью не характеризует рассматриваемый вид знаний, поскольку, с одной стороны, они не должны являться общеизвестными, т.е. извест-

ными широкому кругу лиц, с другой стороны, правовыми знаниями.

Категорию правовых знаний целесообразно рассматривать в связи с проблемой о том, могут ли перед экспертом ставиться правовые вопросы. Несмотря на широкое научное обсуждение, затронутый вопрос не имеет однозначного решения. На уровне федеральных законов и выше запрет на постановку перед экспертом правовых вопросов не установлен. Вместе с тем позиция по данному вопросу нашла отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, а также ранее действовавшего Высшего Арбитражного Суда РФ. Согласно абз. 2 п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место – убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается. Похожее разъяснение содержалось в ранее действовавшем судебном акте. Так, в соответствии с п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» суды не должны допускать постановку перед экспертом правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело ли место хищение либо недостача, убийство или самоубийство и т.п.).

В соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» недопустима постановка перед экспертом (экспертами) вопросов правового характера, разрешение которых относится к компетенции суда (например, вопроса о дееспособности гражданина, а не о характере его заболевания).

Согласно абз. 2 п. 8 постановление Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», определяя круг и содержание вопросов, по которым необходимо провести экспертизу, суд исходит из того, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом. Вместе с тем в целях установления содержания норм иностранного права суд может обратиться в установленном порядке за содействием и разъяснением в компетентные органы или организации, привлечь специалиста либо эксперта. При привлечении лица, обладающего специальными знаниями в области иностранного права, в качестве эксперта суд руководствуется законодательством РФ о судебной экспертизой деятельности, а также нормами Арбит-

ражного процессуального кодекса РФ, регулирующие вопросы назначения и проведения экспертизы.

Примечателен следующий пример. Экспертами в заключении дана правовая оценка доказательств по делу, что противоречит действующему процессуальному законодательству и выходит за пределы компетенции экспертной организации, исходя из разъяснений, содержащих в п. 8 постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе». Поскольку экспертами принято решение об исключении задолженности из числа кредиторской задолженности ООО «АГИС СТАЛЬ».

В соответствии с п. 8 постановления Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 г. № 23, определяя круг и содержание вопросов, по которым необходимо провести экспертизу, суд исходит из того, что вопросы права и правовых последствий оценки доказательств не могут быть поставлены перед экспертом.

Таким образом, в силу изложенного суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что экспертное заключение не обладает признаками относимости и допустимости доказательства по делу [5].

Рассмотрев позиции, изложенные в судебной практике, приведем краткий анализ научных источников по проблеме постановки перед экспертом правовых вопросов. Так, его результаты показали, что существующие точки зрения можно условно разделить на три группы. К первой относятся взгляды, разделяющие запрет на постановку перед экспертом любых вопросов правового характера (М. С. Строгович, Л. Т. Ульянова). Ко второй группе принадлежат точки зрения о возможности постановки перед экспертом ограниченно-го круга правовых вопросов (Т. Д. Телегина). Наконец, третья группа ученых полагает о возможности постановки не всех, но широкого круга вопросов правового характера (А. М. Зинин, А. А. Эксхархупуло).

Разделяя мнения ученых, придерживающихся наиболее компромиссного взгляда, позволим сформулировать, что ставить перед экспертом правовые вопросы можно за исключением тех ограничений, которые установлены судебной практикой, т.е. касающихся квалификации, оценки деяния, оценки доказательств. Вместе с тем правовой вопрос, поставленный перед экспертом, как и любой другой вопрос, должен предполагать проведение исследования. Во всех остальных случаях необходимо обратиться за помощью к специалисту.

Согласно данным опросов 81% следователей, из общего числа опрошенных признают необходимость постановки вопросов правового характера, количество придерживающихся такой же точки зрения адвокатов, юристов – представителей по гражданским, административным, делам, а также делам об

административных правонарушениях (далее юристов-представителей) – 76%. При этом в 90% случаев следователи при расследовании компьютерных, налоговых, экономических преступлений сталкиваются с необходимостью получения ответа на вопрос правового характера.

Результаты опроса экспертов показали, что 35% из числа опрошенных ставились вопросы правового характера. Большинство из данного числа экспертов являются специалистами в области налоговой, судебной бухгалтерской, судебной экономической экспертиз.

Анализ экспертной практики показал, что в 12% от общего объема заключений эксперта на решение экспертов ставятся правовые вопросы.

С учетом изложенного, данная проблема имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Вместе с тем, говоря о подходе, связанном с включением правовых знаний в категорию специальных знаний, используемых в судебной экспертизе, следует отметить, что указанная позиция не должна приводить к подмене понятия правосудия. Связано это с тем, что при возникновении в процессе какой-либо сложности это будет всякий раз требовать привлечения экспертов, обладающих правовыми знаниями, что может привести к замещению функции судьи, так как именно судья в рамках судебного производства должен обладать исключительной прерогативой применения имеющихся знаний в области права. При таком подходе не должно быть преимуществ судебной экспертизы перед другими доказательствами.

7. Проблема неправильного понимания того, какая экспертиза должна быть назначена, несответствие в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы наименования судебной экспертизы поставленным на разрешение эксперта вопросам

Анализ материалов дел показывает, что нередко обозначенное в постановлении или определении наименование судебной экспертизы не соответствует вопросам, поставленным на разрешение эксперта (35% исследуемых материалов дел).

Однако при правильном составлении постановления или определения о назначении судебной экспертизы в заключении эксперта можно встретить отличающуюся формулировку наименования судебной экспертизы. Так, например, по конкретному уголовному делу была назначена фоноскопическая экспертиза, однако экспертом в заключении данная экспертиза была поименована как фонографическая. Адвокат на этом основании ходатайствовал о признании заключения эксперта недопустимым доказательством [6]. Несмотря на то что оно таковым признано

не было, поскольку эксперт ответил на все поставленные вопросы и провел исследование в отношении представленного объекта, на наш взгляд, это является экспертной ошибкой, из-за которой может затянуться срок рассмотрения дела, поскольку, как в рассматриваемом примере, потребуется время на оспаривание заключения эксперта.

Довод адвоката о незаконности заключения фонографической экспертизы от 7 июня 2016 г., поскольку по делу была назначена фоноскопическая экспертиза, не может служить основанием для признания указанного доказательства недопустимым, поскольку экспертом проведено исследование именно того объекта, который был представлен на исследование, с ответами на вопросы, сформулированными следователем, так как названия данной экспертизы, указанные в постановлении следователя и в заключении эксперта, являются синонимами, используемыми для обозначения экспертизы зафиксированных звуков путем их записей (фонограмм).

Причины ошибок кроются, во-первых, в недостаточной квалификации субъекта назначения экспертизы в части вопросов судебно-экспертной деятельности, во-вторых, в отсутствии единообразия в ведомственных приказах [7; 8; 9] в части наименования судебных экспертиз, направленных на решение одной и той же экспертной задачи.

Решение указанной проблемы видится, например, в разработке общего электронного справочника, в котором бы содержалась сводная информация о наименовании, задачах, вопросах, государственном судебно-экспертном учреждении. Представляется, что частные экспертные организации на добровольной основе путем заявки могли бы также передавать информацию в данный справочник о спектре проводимых экспертиз. В качестве глобальной задачи, что отмечается многими учеными, целесообразно решать вопрос унификации наименований судебных экспертиз на межведомственном уровне.

8. Проблема некорректных формулировок вопросов (67% исследуемых материалов дел)

Так, в одном из заключений, перед экспертом были сформулированы вопросы следующим образом:

«Соответствует ли время выполнения подписи С. на договоре уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г. между обществом фабрика «Х» и С. указанной в данном документе дате (на примере «первого» экземпляра договора)? Если не соответствует, то в какой период времени подпись могла быть выполнена?».

«Соответствует ли время выполнения подписи С. на договоре уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г. между обществом фабрика «Х» и С. указанной в данном документе дате

(на примере «второго» экземпляра договора)? Если не соответствует, то в какой период времени подпись могла быть выполнена?».

«Установить имеются ли признаки искусственного старения, в том числе химического, светового или термического воздействия на договор уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г. между обществом фабрика «Х» и С. (на примере «первого» экземпляра договора)?».

«Установить имеются ли признаки искусственного старения, в том числе химического, светового или термического воздействия на договор уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г. между обществом фабрика «Х» и С. (на примере «второго» экземпляра договора)?».

Специалист, проведя анализ правильности формулировок вопросов, установил следующее: «Вопросы соответствуют виду исследования, однако составлены путанно и не совсем корректно, что осложняет их понимание. Их следовало сформулировать следующим образом».

1. Соответствует ли время выполнения подписи от имени С. в первом экземпляре Договора уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г., заключенном между обществом фабрика «Х» и С., дате, указанной в нем? Если не соответствует, то в какой период времени она могла быть выполнена?

2. Соответствует ли время выполнения подписи от имени С. во втором экземпляре Договора уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г., заключенном между обществом фабрика «Х» и С., дате, указанной в нем? Если не соответствует, то в какой период времени она могла быть выполнена?

3. Имеются ли признаки агрессивного воздействия, в том числе химического, светового или термического, на первый экземпляр Договора уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г., заключенном между обществом фабрика «Х» и С.?

4. Имеются ли признаки агрессивного воздействия, в том числе химического, светового или термического, на второй экземпляр Договора уступки доли в уставном капитале общества «Ф» от 25 сентября 2006 г., заключенном между обществом фабрика «Х» и С.?»

9. Проблема обеспечения подлинности объектов судебной экспертизы

Судебный эксперт проводит экспертизу только в отношении тех объектов, которые ему предоставлены лицом, ее назначившим. Он не проверяет подлинность поступивших объектов. При этом у эксперта отсутствуют гарантии их подлинности, поэтому он основывается на доверии к следователю или суду.

Устанавливая подлинность объектов, эксперт анализирует упаковку и сам объект и их соответствие описанию в постановлении или определении о на-

значении судебной экспертизы. По описанию нельзя идентифицировать ни объект, ни упаковку, а также определить, не изменялась ли упаковка, поскольку эксперт видит ее впервые.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в заключении эксперта в том числе должны быть отражены объекты исследований, представленные эксперту для производства судебной экспертизы. Анализ заключений эксперта показал, что в 63% случаев эксперты придерживаются формального подхода отражения в тексте заключения объектов исследования, что подтверждается фразой «Внешний вид объектов и их упаковка соответствуют их описанию, указанном в постановлении или определении о назначении судебной экспертизы. Упаковка не имеет повреждений или следов вскрытия». В заключении эксперта описание объекта следует приводить подробно, не ограничиваться ссылкой на постановление или определении о назначении судебной экспертизы, в которых содержится их описание. В исследуемых заключениях эксперта фотографии объектов и их упаковки не встречались.

Вместе с тем описание упакованных объектов в заключении эксперта должно позволять однозначно их идентифицировать.

Однако даже если бы в заключениях было подробное описание и фотографии, то в этом нет никакого смысла, если нет образцов для сравнения, т.е. фотографий объектов, сделанных следователем. Таким образом, в настоящее время подлинность объектов, представляемых на экспертизу, не обеспечивается. Это очень серьезная проблема, поскольку достоверность и объективность заключения эксперта зависят не только от эксперта, но и от действий лиц, представляющих

объекты для производства судебной экспертизы. Кроме того, такое положение дел создает возможности для фальсификации объектов исследования. Фальсификация объектов исследования не только обесценивает работу эксперта и лишает смысла судебную экспертизу в целом, но и нарушает права физических и юридических лиц, поскольку судебная экспертиза может быть принята за подлинное доказательство и положена в основу судебного решения.

Однако в некоторых случаях удается выявить фальсификацию объектов судебной экспертизы, в результате чего судебная экспертиза признается недопустимым доказательством.

В связи с фальсификацией Протокола обыска от 9 января 2016 г., что подтверждается приговором Индустриального районного суда г. Перми от 2 ноября 2016 г., подлежат признанию недопустимыми доказательствами изъятые в ходе обыска предметы и объекты, признанные вещественными доказательствами, а также следы пальцев рук и заключения экспертов по результатам проведения дактилоскопической и химической экспертиз, и протокол осмотра предметов (указанный пример содержится в апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 апреля 2019 г. № 44-АПУ19-3).

Таким образом, в настоящей статье проанализированы проблемы, возникающие в судебно-экспертной деятельности в целом, а также связанные с назначением судебных экспертиз в частности, которые негативно отражаются и на заключении эксперта и достоверности криминалистически значимой информации. Наряду с изложенным анализом предложены отдельные рекомендации, направленные на улучшение судебно-экспертной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Колдин В. Я. Актуальные проблемы методологии правоприменения и экспертизы // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2011. № 5.
2. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // СЗ РФ. 2013. № 1. Ст. 13.
3. Стандартизация судебно-экспертной деятельности // Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.sudexpert.ru/standards/> (дата обращения: 25.04.2021).
4. Проблема организации и проведения комплексных экспертных исследований : материалы Всесоюз. науч.- практ. конф. (Рига, 5–6 декабря 1984 г.). М. : ВНИИСЭ, 1985.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 12 июля 2019 г. № 09АП-15928/2019 по делу № А40-154653/2015 // Картотека арбитражных дел : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a5ed2dd5-f6e4-4e11-bd6b-d09a3010bc07> (дата обращения: 25.04.2021).
6. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12 октября 2017 г. № 201-АПУ17-37 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России,

и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Приказ ФСБ России от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Koldin V. Ia. Actual Problems of Methodology of Law Enforcement and Expertise. *Bulletin of Moscow University. Series 11. Law*. 2011. No. 5.

2. Decree of the Government of the Russian Federation of 27 December 2012 No. 1406 "On the Federal Target Program 'Development of the Judicial System of Russia for 2013–2020'". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2013. No. 1. Art. 13.

3. Standardization of Forensic Expertise. URL: <http://www.sudexpert.ru/standards/> (date of the application: 25.04.2021).

4. The Problem of Organizing and Conducting Complex Expert Research: Materials of the All-Union Scientific and Practical Conference (Riga, 5–6 December 1984). Moscow: All-Union Scientific Research Institute of Forensic Expertise Publ., 1985

5. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of 12 July 2019 No. 09AP-15928/2019 in case No. A40-154653/2015. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a5ed2dd5-f6e4-4e11-bd6b-d09a3010bc07> (date of the application: 25.04.2021).

6. Appeal Decision of the Judicial Collegium for Servicemen of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 October 2017 No. 201-APU17-37 (SPS "ConsultantPlus").

7. Order of the Ministry of Justice of Russia of 27 December 2012 No. 237 "On Approval of the List of Types of Forensic Examinations Performed in Federal Budgetary Forensic Institutions of the Ministry of Justice of Russia, and the List of Expert Specialties for Which the Right to Independently Produce Forensic Examinations in Federal Budgetary Forensic Institutions of the Ministry of Justice of Russia Is Presented" (SPS "ConsultantPlus").

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 29 June 2005 No. 511 "Issues of Organizing the Production of Forensic Examinations in the Forensic Departments of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").

9. Order of the Federal Security Service of Russia of 23 June 2011 No. 277 "On the Organization of the Production of Forensic Examinations in Expert Subdivisions of the Federal Security Service" (SPS "ConsultantPlus").

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА КРИТИЧЕСКУЮ ИНФОРМАЦИОННУЮ ИНФРАСТРУКТУРУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-118-122>

В теории уголовного права высказываются довольно обстоятельные нарекания относительно конструкции уголовно-правовой нормы об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ. В связи с этим формулируются предложения по внесению изменений в ст. 274¹ Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Цель исследования состоит в разработке и научном обосновании рекомендаций по преодолению проблем, связанных с законодательным определением ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ. Реализация указанной цели достигалась путем оценки состояния отечественного уголовного законодательства (ст. 274¹ УК РФ) и изучения имеющихся точек зрения в доктрине уголовного права. Исследование основано на применении общенаучных и специальных методов (анализ, синтез, индукция, формально-юридический, абстрактно-логический и др.). Проведенное исследование позволило сделать общий вывод о том, что совершенствование отечественного уголовного законодательства об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ должно осуществляться по двум основным направлениям: 1) путем совершенствования дифференциации ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ; 2) посредством установления ответственности за нарушение требований в области безопасности критической информационной инфраструктуры РФ в рамках специальной нормы (ст. 274² УК РФ).

МАЛЫГИН

Иван Игоревич

консультант отдела государственной регистрации нормативных правовых актов в социальной и культурной сферах Департамента регистрации ведомственных нормативных правовых актов Министерства юстиции РФ (г. Москва)

aspugpravo@yandex.ru

**Уголовное право;
информационная
безопасность;
компьютерные преступления;
объект критической
информационной
инфраструктуры**

Ivan I. MALYGIN

Consultant, Department of State Registration of Normative Legal Acts in the Social and Cultural Spheres, Department for Registration of Departmental Normative Legal Acts of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Moscow)
aspugpravo@yandex.ru

**Criminal law;
information security;
computer crimes;
object of critical information
infrastructure**

ON IMPROVING THE CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR UNLAWFUL IMPACT ON CRITICAL INFRASTRUCTURE RUSSIAN FEDERATION

In the theory of criminal law, rather detailed criticism is expressed regarding the construction of the criminal law norm on responsibility for unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation. In this regard, proposals are being formulated to amend Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The purpose of the study is to develop and scientifically substantiate recommendations for overcoming the problems associated with the legislative definition of responsibility for unlawful impact on the critical information infrastructure of the Russian Federation. The implementation of this goal was achieved by assessing the state of domestic criminal legislation (Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation) and studying the existing points of view in the doctrine of criminal law. The research is based on the application of general scientific and special methods (analysis, synthesis, induction, formal legal, abstract logical, etc.). The study made it possible to draw a general conclusion that the improvement of domestic criminal legislation

on liability for unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation should be carried out in two main directions: 1) by improving the differentiation of responsibility for unlawful influence on the critical information infrastructure of the Russian Federation; 2) by establishing responsibility for violation of the security requirements of the critical information infrastructure of the Russian Federation within the framework of a special norm (Article 274² of the Criminal Code of the Russian Federation).

Информационные технологии занимают центральное место в современной коммуникации. Смартфон является одним из главных (если не главным) инструментов человека XXI в. В нем хранится чуть ли не вся жизнь владельца: список личных контактов, переписка, информация о состоянии здоровья, фотографии, сведения об оплате товаров и услуг (с указанием места и времени осуществления расчетов). Однако повсеместно распространена не только цифровая коммуникация. Цифровизация уже в значительной степени изменила бизнес, механизмы государственного и местного (муниципального) управления. Хозяйствующие субъекты и органы власти повсеместно отказываются от бумажного документооборота в пользу жестких дисков и серверов как более удобных и дешевых средств хранения информации. Электронная коммерция последовательно вытесняет традиционную торговлю, автоматизация производства меняет облик современных предприятий – какофония труда сотен и тысяч работников замещается размеренным шумом функционирования роботизированных систем. Сервисы дистанционного банковского обслуживания практически полностью избавили клиента от необходимости личного посещения финансовой организации. В этом же направлении развиваются здравоохранение, образование, сфера оказания услуг и др. С появлением электронной цифровой подписи электронный документооборот получил свое активное развитие и при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, а также при совершении иных юридически значимых действий.

Учитывая экспоненциально возрастающую зависимость человека, общества и государства от компьютерных технологий, нельзя назвать неожиданным рост преступлений, совершаемых с их использованием. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в январе–декабре 2020 г. зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием компьютерных технологий, что на 73,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом, проводя анализ состояния преступности в РФ за более ранний период (с 2014 по 2019 г.), можно констатировать, что число зарегистрированных преступлений данного вида уве-

личилось более чем в 25 раз (в 2014 г. было зарегистрировано 11 тыс. преступлений, в 2015 г. – 43,8 тыс., в 2016 г. – 65,9 тыс., в 2017 г. – 90,6 тыс., в 2018 г. – 174,7 тыс., в 2019 г. – 294,4 тыс.).

В отличие от киберинцидентов, затрагивающих отдельных пользователей, компьютерные атаки на информационные инфраструктуры органов власти, коммерческих и иных организаций представляют особую общественную опасность. Это обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего компрометация информационной инфраструктуры организации, как правило, влечет за собой разглашение персональных данных клиентов, сведений, составляющих банковскую и (или) коммерческую тайну. Так, одной из самых крупных утечек данных стал известный инцидент с американской сетью отелей *Starwood*. Злоумышленники в период с 2014 по 2018 г. получили доступ к 383 млн уникальных записей о бронировании – данные, включающие в себя имя, почтовый адрес, электронную почту, дату рождения, пол, в отдельных случаях (порядка 5,3 млн записей) паспортные данные клиентов [1, с. 65]. Помимо этого нельзя не указать и на угрозу прерывания производственного процесса, которое может быть связано не только со значительным имущественным ущербом, но и с прекращением либо ограничением подачи электрической энергии, других источников жизнеобеспечения. О безопасности информационных инфраструктур медицинских организаций, автоматизированных систем управления технологическим процессом в промышленности изначально задумывались весьма мало. Главным параметром надежности считалась отказоустойчивость. Вместе с тем события последних лет кардинально изменили отношение к проблеме. Так, компьютерные атаки на медицинские организации при помощи шифровальщиков наглядно продемонстрировали насколько уязвима система здравоохранения перед современными киберугрозами. Согласно отчету Лаборатории Касперского за 2020 г. антивирусными решениями компании были зафиксированы атаки троянцами-шифровальщиками в отношении 123 630 корпоративных пользователей и 15 940 пользователей, связанных с малым и средним бизнесом [2].

В этом отношении своевременным и важным явилось принятие Федерального закона от 26 июля 2017 г.

№ 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 187-ФЗ), в соответствии с которым госучреждения и компании должны провести работу по оценке и категорированию своих информационных инфраструктур, обеспечить установленный стандартами уровень их программно-технической защиты, а также должны отчитываться об инцидентах уполномоченному ведомству и проходить оценку безопасности.

Федеральным законом от 26 июля 2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»» [3] Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) был дополнен ст. 274¹, предусматривающей ответственность за неправомерное воздействие на объекты критической информационной инфраструктуры РФ.

Появление данной нормы во многом явилось логичным в свете специального выделения специфической группы отношений, связанных с функционированием и охраной критической информационной инфраструктуры РФ. Статистические данные МВД России свидетельствуют о расширении географии применения анализируемой нормы, ее возрастающей востребованности у правоприменителей. Так, если в 2018 г. было зарегистрировано лишь одно преступление (в Камчатском крае), в 2019 г. – 4 (Амурская область – 1, Волгоградская область – 1, Приморский край – 2), а в 2020 г. было зарегистрировано уже 22 преступления (Амурская область – 1, Волгоградская область – 9, Ивановская область – 1, Кемеровская область – 1, Москва – 1, Мурманская область – 1, Пермский край – 1, Приморский край – 3, Республика Северная Осетия-Алания – 1, Республика Татарстан – 1, Республика Хакасия – 1, Тверская область – 1).

Признавая обоснованность проведенной законодателем дифференциации, заметим, что в технико-юридическом плане ее нормативное воплощение нельзя признать оптимальным. При конструировании ст. 274¹ УК РФ допущены серьезные просчеты, которые снижают эффективность уголовно-правового противодействия деяниям, связанным с неправомерным воздействием на критическую информационную инфраструктуру РФ. В теории уголовного права высказываются многочисленные замечания относительно недостатков ее конструкции, которые касаются как формально-юридической определенности криминообразующих признаков, так и реализованной модели дифференциации ответственности.

Изучение имеющихся литературных источников позволяет заключить, что отечественная доктрина уголовного права выказывает довольно обстоятельные

нарекания относительно конструкции уголовно-правовой нормы об ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ. В связи с этим формулируются и обосновываются решения по модернизации ст. 274¹ УК РФ.

Пожалуй, наиболее принципиальным замечанием относительно конструкции ст. 274¹ УК РФ является то, что она не учитывает градацию объектов критической информационной инфраструктуры в зависимости от категории значимости в качестве основания дифференциации уголовной ответственности [4, с. 135; 5, с. 51; 6, с. 55]. Действительно, подобное решение представляется достаточно логичным, поскольку значимость объекта критической информационной инфраструктуры напрямую влияет на степень общественной опасности совершенного в отношении него неправомерного воздействия. В этом отношении исследуемая норма, безусловно, требует доработки. При этом понятно, что все основные составы преступлений, предусмотренные ст. 274¹ УК РФ, будут предполагать совершение посягательства в отношении объектов критической информационной инфраструктуры третьей категории. Дифференциация ответственности будет реализована в зависимости от совершения посягательства на защищенные информационные объекты второй и первой категорий значимости.

В ч. 5 ст. 274¹ УК РФ законодатель дифференцировал ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру РФ в зависимости от наступления «тяжких последствий». Сама по себе редакция данной части вызывает вопрос в том аспекте, что если в остальных составах компьютерных преступлений законодатель говорит о наступлении таких последствий либо *о создании угрозы их наступления*, то в ч. 5 ст. 274¹ УК РФ говорится только о наступлении тяжких последствий. Видеть здесь какой-то замысел законодателя, на наш взгляд, было бы наивным, как и было бы неискренним попытаться объяснить или оправдать такое решение. Полагаем, что при разработке исследуемой нормы нарушение системности законодателем было допущено по ошибке. В дополнение следует лишь указать, что корректировка анализируемой нормы в данном отношении позволит выдержать системный (блоковый) подход к дифференциации ответственности за совершение преступлений одной группы.

Минэкономразвития России подготовлен законопроект о внесении изменений в ст. 274¹ УК РФ [7]. Главной целью данного документа является устранение формально-юридической неопределенности исследуемой нормы. Так, законопроект предполагает отказ от признака причинения вреда критической информационной инфраструктуре по причине его многозначности, что «детерминирует высокую степень субъективности при его толковании и последующем

применении». Одновременно с этим предлагается включить признак – «причинение крупного ущерба».

Понимая, что цель конкретизации признаков состава таким образом будет в определенном смысле достигнута, выскажем все же свое принципиальное несогласие с таким решением. По мнению авторов законопроекта, ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру должна быть всецело связана с наступлением последствий в виде имущественного ущерба. Столь секвестрированное толкование и возможную (при одобрении документа) формализацию основания уголовной ответственности за посягательство на информационные объекты особой важности сложно комментировать. Посягательство на критическую информационную инфраструктуру, конечно же, может предполагать сугубо экономические потери. Вместе с тем такое деяние может быть связано и с наступлением последствий не имущественных, например, связанных с причинением вреда здоровью человека, последствий экологических, организационных, политических и т.д. При подобных обстоятельствах исследуемая норма работать не будет. Правильно ли это? Полагаем, что ответ на данный вопрос может быть только отрицательный. Нельзя неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру государства механически уподоблять преступлениям в сфере экономики.

Федеральный закон № 187-ФЗ в ст. 9 также предусматривает целый ряд принципиально значимых обязанностей субъектов критической информационной инфраструктуры: 1) незамедлительно информировать о компьютерных инцидентах федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области обеспечения функционирования государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ; 2) оказывать содействие должностным лицам соответствующего федерального органа в обнаружении, предупреждении и ликвидации последствий компьютерных атак; 3) в случае установки на объектах критической информационной инфраструктуры средств, предназначенных для обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак и реагирования на компьютерные инциденты, обеспечивать выполнение порядка, технических условий установки и эксплуатации таких средств, их сохранность и др.

Умышленное неисполнение указанных выше обязанностей соответствующими субъектами объективно причиняет или создает угрозу причинения вреда состоянию защищенности критической информационной инфраструктуры РФ. Так, нарушение порядка реагирования на компьютерные инциденты, невыполнение вынесенных предписаний объективно может повлечь наступление тяжких последствий в сфе-

ре функционирования информационных объектов особой важности.

При этом положения ст. 274¹ УК РФ либо вовсе не распространяются на случаи умышленного неисполнения соответствующих обязанностей, либо распространяются в крайне незначительной форме. В связи с этим полагаем, что в данном отношении отечественное уголовное законодательство требует совершенствования. Перспективным видится дополнение гл. 28 УК РФ ст. 274² «Нарушение требований в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

В отечественной теории уголовного права данную идею обосновывает Е. А. Русскевич. По мнению автора, установление уголовной ответственности за уклонение от исполнения отдельных обязанностей лицами, ответственными за обеспечение безопасности объектов критической информационной инфраструктуры, может быть реализовано двумя способами: 1) путем построения соответствующего состава с административной; 2) посредством определения состава преступления с материальной конструкцией, включив в качестве криминообразующих признаков причинение крупного ущерба либо наступление тяжких последствий [8, с. 187–190].

В данном аспекте позиция автора представляется дискуссионной. Реализация первой модели потребует внесения соответствующих изменений в отечественный закон об административных правонарушениях. Кроме того, с учетом специфики исследуемого деяния есть основания полагать, что состав с административной преюдицией просто не будет работать – владелец (оператор) объекта критической информационной инфраструктуры РФ будет оперативно менять ответственных исполнителей, тем самым делая невозможным повторность нарушения.

Второе предлагаемое решение представляется сомнительным в том отношении, что соответствующие последствия (причинение крупного ущерба либо наступление тяжких последствий) справедливо использовать как средство дифференциации ответственности. В противном случае возникает обоснованный вопрос: почему уголовная ответственность за нарушение эксплуатационных правил критической информационной инфраструктуры РФ (ч. 3 ст. 274¹ УК РФ) наступает в зависимости от причинения вреда соответствующим объектам, а при нарушении иных правил безопасности только в случае установления тяжких последствий либо крупного ущерба? Понятно, что логика построения закона здесь объективно страдает.

В связи с этим полагаем, что модель построения нормы об ответственности за нарушение требований в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры РФ (в том числе в части пенализации) должна основываться на редакции близкой ей ч. 3 ст. 274¹ УК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Threat Zone 2019 : Иллюзия безопасности // BI.ZONE : сайт. URL: https://bi.zone/upload/for_download/Threat-Zone_2019_RU.pdf (дата обращения: 16.06.2021).
2. Kaspersky Security Bulletin 2020. Статистика // Лаборатория Касперского : сайт. URL: https://go.kaspersky.com/rs/802-IJN-240/images/KSB_statistics_2020_ru.pdf (дата обращения: 16.06.2021).
3. Федеральный закон от 26 июля 2017 № 194-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Дремлюга Р. И., Зотов С. С., Павлинская В. Ю. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2.
5. Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г. Бражник С. Д. Ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ) в системе экономической и информационной безопасности государства // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2019. Т. 4. (50).
6. Решетников А. Ю., Русскевич Е. А. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274¹ УК России) // Законы России : опыт: анализ, практика. 2018. № 2 (66).
7. Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 274¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 04/13/05-20/00102094) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Русскевич Е. А. О совершенствовании уголовно-правовой охраны критической информационной инфраструктуры Российской Федерации // Уголовное право : стратегия развития в XXI веке : материалы XVIII Международной научно-практической конференции «Уголовное право : стратегия развития в XXI веке» (Москва, МГЮА им. О. Е. Кутафина, 21–22 января 2021 г.). М. : РГ-Пресс, 2021.

References

1. Threat Zone 2019: The Illusion of Security. URL: https://bi.zone/upload/for_download/Threat-Zone_2019_RU.pdf (date of application: 16.06.2021).
2. Kaspersky Security Bulletin 2020. Statistics URL: https://go.kaspersky.com/rs/802-IJN-240/images/KSB_statistics_2020_ru.pdf (date of application: 16.06.2021).
3. Federal Law of 26 July 2017 No. 194-FZ "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law 'On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation'" (SPS "ConsultantPlus").
4. Dremliuga R. I., Zotov S. S., Pavlinskaia V. Iu. Critical Information Infrastructure as a Subject of Criminal Encroachment. *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. 2019. No. 2.
5. Kruglikov L. L., Soloviev O. G. Brazhnik S. D. Responsibility for Unlawful Influence on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation (Article 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) in the System of Economic and Information Security of the State. *Bulletin of Yaroslavl State University. Series "Humanities"*. 2019. Vol. 4 (50).
6. Reshetnikov A. Iu., Russkevich E. A. On Criminal Liability for Unlawful Influence on the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation (Article 274¹ of the Criminal Code of Russia). *Laws of Russia: Experience: Analysis, Practice*. 2018. No. 2 (66).
7. Draft Federal Law "On Amendments to Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation" (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia, project ID 04/13/05-20/00102094) (SPS "ConsultantPlus").
8. Russkevich E. A. On Improving the Criminal Law Protection of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation. In *Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century: Materials of the 18th International Scientific and Practical Conference "Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century"* (Moscow, Kutafin Moscow State Law Academy, 21–22 January 2021). Moscow: RG-Press, 2021.

ОБ ИТОГАХ XVI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДЕРЖАВИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-3-123-125>

С 24 по 26 мая 2021 г. Всероссийским государственным университетом юстиции (РПА Минюста России) совместно с Казанским (Приволжским) федеральным университетом была организована и проведена XVI Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения», основной темой которой стала «Трансформация социальной и правовой действительности в современных условиях». На Державинских чтениях работа была организована в рамках шести секций и восьми круглых столов, где обсуждались: теоретические проблемы и последствия трансформации общественной и правовой действительности в современном мире; модернизация системы государственного управления; современные тенденции уголовно-правовой политики России; инновационные тренды трансформации уголовного процесса и криминалистики в изменяющихся условиях действительности; актуальные проблемы применения гражданского и предпринимательского права в новых сферах правового регулирования: цифровые активы, биомедицина, робототехника; нанотехнологии, защита прав личности, имущественных и корпоративных интересов в свете пандемии COVID-2019; эволюция конституционно-правового обустройства России; цифровизация российского гражданского судопроизводства и исполнительного производства на современном этапе. Отдельная секция конференции была традиционно посвящена Гавриилу Романовичу Державину и его эпохе в зеркале литературной культуры. Традиционно в рамках Конференции были проведены новые и интересные мероприятия для студентов. Спикеры и модераторы отметили высокий уровень дискуссии по наиболее важным отраслевым и межотраслевым правовым вопросам, а также по проблемам, стоящим перед современной юридической наукой в сфере совершенствования законодательства и правоприменительной практики во всех отраслях жизни общества с учетом новых тенденций его развития.

ФОМЕНКО

Елена Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент, ведущий научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

89266006361@mail.ru

**Международная научно-
практическая конференция;
Г. Р. Державин;
Державинские чтения;
ВГУЮ (РПА Минюста России)**

Elena V. FOMENKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Leading
Researcher, Center for Scientific
Research, All-Russian State University
of Justice (Moscow)
89266006361@mail.ru

**International scientific
and practical conference;
G. R. Derzhavin;
Derzhavin readings;
All-Russian State University
of Justice**

ON THE RESULTS OF THE XVI INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “DERZHAVIN READINGS”

From 24 to 26 May 2021, the All-Russian State University of Justice jointly with Kazan Federal University organized and held the XVI International Scientific and Practical Conference “Derzhavin Readings” with the title theme “Transformation of Social and Legal Reality in Modern Conditions”. At the Derzhavin readings, the work was organized within the framework of 6 sections and 8 round tables, within which the following issues were discussed: theoretical problems and consequences of the transformation of social and legal reality in the modern world; modernization of the public administration system; current trends in Russia’s criminal law policy; innovative trends in the transformation of the criminal process and criminalistics in the changing conditions of reality; actual problems of the application of civil and business law in new areas of legal regulation: digital assets,

biomedicine, robotics; nanotechnologies, protection of individual rights, property and corporate interests in the light of the COVID-2019 pandemic; evolution of the constitutional and legal arrangement of Russia; digitalization of Russian civil proceedings and enforcement proceedings at the present stage. A separate section of the conference was traditionally devoted to Gavriil Romanovich Derzhavin and his era in the mirror of literary culture. Traditionally, new and interesting events for students were held within the framework of the conference. The speakers and moderators noted the high level of discussion on the most important sectoral and intersectoral legal issues, as well as on the problems facing modern legal science in the field of improving legislation and law enforcement practice in all sectors of society, taking into account new trends in its development.

С 24 по 26 мая 2021 г. Всероссийским государственным университетом юстиции (РПА Минюста России) совместно с Казанским (Приволжским) федеральным университетом была организована и проведена XVI Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения», основной темой которой стала «Трансформация социальной и правовой действительности в современных условиях».

Церемония торжественного открытия XVI Международной научно-практической конференции «Державинские чтения» состоялась 25 мая в г. Казани.

Традиционно Пленарное заседание конференции открыла ректор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) Ольга Ивановна Александрова. В своем вступительном слове она поприветствовала участников и гостей ставшей традиционной за 16 лет Конференции, которая в очередной, уже шестой, раз проводится на гостеприимной земле Республики Татарстан совместно с коллегами из Казанского (Приволжского) федерального университета.

О. И. Александрова отметила, что XVI Державинские чтения в 2021 г. проводятся в необычном для этого мероприятия время и впервые в смешанном онлайн-офлайн-формате. Эти изменения произошли в связи с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой осенью 2020 г., вызванной пандемией коронавируса COVID-19.

Ольга Ивановна объявила, что работа на Державинских чтениях организована в рамках шести секций и восьми круглых столов, где будут обсуждаться такие актуальные темы, как: теоретические проблемы и последствия трансформации общественной и правовой действительности в современном мире; модернизация системы государственного управления; современные тенденции уголовно-правовой политики России; инновационные тренды трансформации уголовного процесса и криминалистики в изменяющихся условиях действительности; актуальные проблемы применения гражданского и предпринимательского права в новых сферах правового

регулирования: цифровые активы, биомедицина, робототехника; нанотехнологии, защита прав личности, имущественных и корпоративных интересов в свете пандемии COVID-2019; эволюция конституционно-правового обустройства России; цифровизация российского гражданского судопроизводства и исполнительного производства на современном этапе. Отдельная секция конференции будет традиционно посвящена Гавриилу Романовичу Державину и его эпохе в зеркале литературной культуры.

С приветственными словами к участникам конференции обратились Президент Республики Татарстан Рустам Нургалиевич Минниханов, ректор Казанского (Приволжского) федерального университета Ильшат Рафкатович Гафуров, руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Анзор Ахмедович Музаев, заместитель Министра юстиции РФ, уполномоченный РФ при Европейском суде по правам человека Михаил Львович Гальперин, Митрополит Казанский и Татарстанский Кирилл, Муфтий Республики Татарстан Камиль Хазрат Самигуллин.

С докладами выступили Талия Ярулловна Хабриева, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Михаил Львович Гальперин, заместитель Министра юстиции РФ, уполномоченный РФ при Европейском суде по правам человека, Ренат Харис (Ренат Магсумович Харисов), поэт, член Союза писателей РТ, первый лауреат Республиканской литературной премии им. Г.Р. Державина, лауреат Государственной премии РФ.

Все спикеры отметили важность Научно-практической конференции, практическую пользу и значимость трудов Гавриила Романовича Державина для молодого поколения и выразили надежду на то, что в этом году «Державинские чтения» пройдут также познавательно и результативно.

О. И. Александрова также отметила, что традиционно в рамках Конференции были проведены новые и интересные мероприятия для студентов. Были организованы многочисленные, в том числе познавательные, экскурсии, проведены интеллектуальная

игра по истории Российского государства и права, посвященная Петру I и его эпохе, и конкурс «Судебное ораторское мастерство». В целом участие студентов в «Державинских чтениях» – это отличная возможность познакомиться с другими представителями талантливой молодежи, известными и уважаемыми преподавателями и практиками.

26 мая 2021 г. участники, гости и организаторы конференции вновь собрались в здании Казанского (Приволжского) федерального университета, чтобы провести заключительное заседание и подвести итоги XVI «Державинских чтений» 2021 г.

Со словами благодарности за успешную и плодотворную работу в ходе Конференции к участникам обратились ректор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) О. И. Александрова и ректор Казанского (Приволжского) федерального университета И. Р. Гафуров.

Спикеры и модераторы отметили высокий уровень дискуссии по наиболее важным отраслевым и межот-

раслевым правовым вопросам, а также проблемам, стоящим перед современной юридической наукой в сфере совершенствования законодательства и правоприменительной практики во всех отраслях жизни общества с учетом новых тенденций его развития.

По результатам проведения круглых столов в рамках «Державинских чтений» было принято решение собрать все разработки этого года в единую резолюцию.

В завершение О. И. Александрова отметила, что Университетом планируется и в дальнейшем стремиться к тому, чтобы творчество Гавриила Романовича Державина и его вклад как государственного деятеля и поэта в развитие социокультурных и нравственных традиций России являлись одной из приоритетных тем Конференции. По итогам работы опубликован Сборник [1], в котором представлены материалы, подготовленные к проведению XV Международной научно-практической конференции «Державинские чтения».

Пристатейный библиографический список

XVI Международная научно-практическая конференция «Державинские чтения» (Казань, 25–26 мая 2021 года) : сборник статей / отв. ред. О. И. Александрова. М. : ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021.

References

Alexandrova O. I. (ed.). The XVI International Scientific and Practical Conference “Derzhavin Readings” (Kazan, 25–26 May 2021): Collection of Articles. Moscow: All-Russian State University of Justice Publ., 2021.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах.

Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянцевать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 3 / 2021

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 02.11.2021. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 16.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.
Заказ №

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
119330, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Раменки,
Мичуринский пр., дом 6, корп. 1, кв. 39
Тел.: +7 (495) 649-18-06
E-mail: o.leporskiy@ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603